К77 2/132
в.2

К 77
132
2459

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

ВЫПУСКЪ II

С. Д. АРСЕНЬЕВОЙ

Съ портретомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Ея августѣйшаго старшаго Сына и 22-мя рисунками въ текстѣ

Изданіе 2-е Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906

Цѣна 60 коп.

К77.2
132

ЦАРСТВУЮЩІЙ

ДОМЪ РОМАНОВЫХЪ

ПАСПОРТ			КНИГА ИМЕЕТ						
10704		№ списка и № порядковый	Количество страниц	Количество отдельных томов, выпусков, частей или № №	Таблиц	Карт	Иллюстраций	Дефекты	
К77.2/132		2459	156				22		

Изданіе 2-е Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1906

К77 Г32

ЦАРСТВУЮЩІЙ ДОМЪ РОМАНОВЫХЪ

ВЫПУСКЪ II

2459

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

С. Д. АРСЕНЬЕВОЙ

Съ портретомъ Государыни Императрицы и съ 22-мя рисунками въ текстѣ

Изданіе 2-е Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1906

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Января 1906 года.

БИБЛИОТЕКА
Государ
№ 10704
19 " VII 1939

Ея Императорскому Величеству

Государынѣ Императрицѣ

Маріи Ѳеодоровнѣ

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

всепреданнѣйше посвящаетъ

авторъ.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА
съ Августѣйшимъ сыномъ Ея Величества, нынѣ благополучно царствующимъ
Государемъ Императоромъ НИКОЛАЕМЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ.

(*На стр. 1*).

Царственная мать

и

ЕЯ ВЕЛИКІЙ СЫНЪ,

1693—1694 годъ.

ПОЛЕ сраженія при Херонеѣ *) было покрыто мертвыми тѣлами. Несмотря на отвагу и храбрость своихъ безстрашныхъ македонянъ, Филиппъ **) чувствовалъ, что роковая минута отступленія неизбѣжна. Не устоять горсти его удальцовъ передъ натискомъ многочисленныхъ грековъ. Вдругъ, какъ молнія изъ тучи, вылетѣлъ изъ засады его юный сынъ, Александръ, съ своею непобѣдимою конницей, ринулся на ѳиванцевъ и смялъ ихъ, положивъ на мѣстѣ враговъ отца и родины.

Такъ читалъ Царь Петръ Алексѣевичъ, сидя съ бывшимъ наставникомъ своимъ Тиммерманомъ и бояриномъ Головинымъ, въ покояхъ матушки, царицы Наталіи Кирилловны. Тутъ же, у окна, помѣстилась его юная супруга, царица Евдокія Ѳеодоровна, изъ боярской семьи Лопухиныхъ. Она низко нагнула надъ

*) Исторія Греціи, переводъ Тауера.

**) Македонскій царь.

пяльцами свою красивую головку и съ такимъ вниманіемъ выводила по бархату труднѣйшіе узоры, что, казалось, ничего и не слыхала изъ того, что говорилось и читалось.

— Какихъ бы лѣтъ могъ быть этотъ молодецъ?— спросилъ Государь.

— Да, кажется, мнѣ что-то помнится, какъ будто восемнадцати,—отвѣчалъ старикъ Тиммерманъ.

— Я уже старше его, и ни единой баталіи еще не видывалъ, не только что не одерживалъ.

— Ну, мой родимый,—заговорила, крестясь, Наталія Кирилловна,—не дай Господь никому видѣть тѣ окаянства, которыя привелось тебѣ видѣть съ малу. Какъ еще Онъ, Милосердый, сохранилъ тебя? Великая надъ тобой милость совершилась!

— Ну, а что до баталій, такъ твое царское величество, кажись, съ самой колыбели не перестаешь и на сушѣ и на рѣкахъ, да озерахъ баталіи-то водить, съ своими потѣшными полками,—сказалъ почтительно, шутя, бояринъ.

— Дня, кажись, не проходитъ, чтобы не видно было на тебѣ ушибовъ да подтековъ!—съ грустнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ, прибавила царственная мать.

— И руки-то всѣ въ занозахъ да царапинахъ,— недовольно пробурчала молодая царица.

Петръ вспылилъ.

— То, что Богъ позволяетъ говорить матушкѣ, то уже никому другому не пригоже и думать!—рѣзко оборвалъ онъ свою супругу.

— А что, родимая, продолжать ли дальше читать, не утомилъ ли я тебя?

— Чего тутъ утомляться, очень даже занятно! Только голова-то моя дурная, все что-то побаливаетъ...

Петръ озабоченно поглядѣлъ въ глаза своей любимой матери, улыбнулся и, цѣлуя ея худенькія «прозрачныя руки, сказалъ, что ему надо идти смотрѣть, что мастерятъ его молодцы.

Евдокія Ѳеодоровна оставалась, по-прежнему, совершенно равнодушной; она лѣниво зѣвала, крестя свои красивыя красныя губы.

Свекровь покосилась на нее, думая, что она попробуетъ удержать мужа, но напрасно.

— Ты лучше бы, соколикъ, въ думу боярскую заглянулъ,— заботливо выговорила мать.

— Когда нужда,—и тамъ бываю, какъ не бывать! Безъ меня бояре ни-ни, и думать не смѣютъ. Братецъ, царь Іоаннъ Алексѣевичъ, такъ-таки ни единаго рѣшенія не допускаетъ безъ моего вѣдома, что-то слабенекъ! А у моихъ-то затѣй народъ все молодой поставленъ, надо самому смотрѣть; глядя на меня, имъ лучше работается.

Наталія Кирилловна готова была заплакать.

— Ну и впрямь, что дались тебѣ эти суденушки да солдатскія ученья?

— Для счастья моего же государства, родная, сердечная моя богомолица! Сама видишь, какое наше царство широкое, да далекое. Куда обширнѣе, чѣмъ всѣ завоеванія того великаго македонскаго мальчугана. Ни Ассиріи, ни Вавилоніи, ни монархіи Кира не потягаться съ нами, когда посчитать все, что Строгановы съ Ермакомъ намъ въ Сибири дали. А на—поди: безъ моря живемъ, какъ безъ рукъ. Точно ангелъ безъ крыльевъ,—полета нѣтъ. Что ни говори, какъ умомъ ни раскидывай, а не могу я жить безъ моря! Спать не могу покойно, пока мои корабли не понесутъ моему народу богатство и ученость со всего міра.

Молодой царицѣ, видимо, прискучили эти рѣчи. Она потянулась, встала и, какъ лебедь прекрасная, выплыла изъ покоевъ царственной свекрови.

Укоризненно взглянула мать на сына. Онъ понялъ.

— Ничего подѣлать не могу!—точно извиняясь, заговорилъ онъ,—не понимаетъ, какъ я ей ни объясняю.

— Чего ужъ молодухѣ понимать, если ты съ ней о фортеціяхъ, баталіяхъ да корабляхъ говорить станешь! Эхъ, Петре, Петре! не того молила я тебѣ у Господа!

— Молп, матушка, счастья, величія Русской Землѣ! Я же ея рабъ, ея слуга, ея первый работникъ. Подниму ее, мою любимую, безпредѣльную, богатѣйшую. Вознесу ее со всею моею силушкою выше облака ходячаго, на удивленіе и зависть всему міру Божію.

Мать восторжено любовалась своимъ дѣтищемъ. Дрожащею рукой крестила она родного великана. Вѣра, сила, геній—слышались въ его голосѣ, видѣлись въ его блестящемъ взглядѣ.

— Да, матушка, благослови меня на трудъ для родины! Отецъ и дѣдъ прокладывали ей пути, мнѣ надо ихъ расширить вотъ этими, моими руками. И поведу я своихъ товарищей, учениковъ, непобѣдимыхъ потѣшныхъ туда, къ морямъ, чтобы дышать было привольнѣе Руси святой, на ихъ необъятномъ пространствѣ...

Благоговѣйно склонился юный колоссъ передъ кресломъ больной, слабѣющей матери и положилъ свою львиную голову на ея колѣни.

Улыбаясь сквозь слезы, счастливая Наталія Кирилловна перебирала тонкими пальцами черныя кудри дорогого юноши, призывая благословеніе свыше на него и на всѣ его благія начинанія.

Догадавшись, что мать поуспокоилась, сынъ обнялъ ея колѣни и нѣжно сталъ просить позволенія отправиться подальше, въ Архангельскъ, хотя бы посмотрѣть на иноземные корабли.

— Только посмотрѣть, говоришь ты?—сказала она не твердо.—Ой, соколикъ, не утерпишь! Смотри, полетишь на воду!

— Готовъ пообѣщать, что только однимъ глазкомъ посмотрю,—отвѣчалъ сынъ.

У него даже духъ захватило,—онъ думалъ, что мать пуститъ.

Она же продолжала.

— Да развѣ были корабли у твоего любимаго Александра?

— А то какъ же, матушка? Онъ построилъ приморскій городъ Александрію, на дельтѣ рѣки Нила. Вотъ бы мнѣ найти для Россіи такую дельту?

Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ подошелъ къ столу, взялъ опять Исторію Августа Тауера, только что переведенную, поискалъ и, обращаясь къ царицѣ, спросилъ:

— Не благословишь ли, матушка-царица, прочесть тебѣ малую толику?

Наталія Кирилловна была такъ счастлива, чувствуя сына около себя, что забыла всѣ болѣзни, недомоганія. Глубже усѣлась въ свое покойное кресло, еще нѣжнѣе обняла голову и плечи Петра и приготовилась слушать.

Онъ же лежалъ, не шевелясь: дорога была ему святая ласка матери, которая сумѣла, несмотря на свое вдовство, притѣсненія, неустройства государственныя, воспитать его блестящія способности, вырастить великана—великой Землѣ.

Головинъ перебралъ нѣсколько главъ и началъ внятно читать: «Въ лѣто 1533-іе по Р. Х., въ городѣ Любекѣ, общимъ согласіемъ всѣхъ нѣмецкихъ приморскихъ городовъ, было постановлено: запретить, чтобы не было навигаціи въ городахъ Нарвѣ и Иванову *), а кто бы дерзнулъ туда ѣздить, тотъ у всѣхъ былъ бы безчестенъ, потому что, если Россія, владѣющая большей частью всего сѣвера, построитъ себѣ флотъ, а при Нарвѣ гавань да оружейные магазины, то не только Ливонію, но и всю Германію съ войсками своими пройдетъ».

Такъ и подскочилъ горячій юноша.

— Ну, посмотри же, матушка! Насъ, за моремъ, боялись еще въ 1533-мъ году и со страха оттѣсняли отъ того моря, отъ той рѣки, гдѣ, еще въ 1240-мъ году русскій князь Александръ рубилъ шведовъ на голову. Охъ, лѣнтяи мы, многогрѣшные! выпустили изъ рукъ родную Неву! Вонъ она, наша законная, природная дельта! Ну, родная, если не помру, такъ отниму же я ее. Пойми только: она—наша. Не виноватъ я, что долженъ своей родинѣ, своему государству, вернуть его собственность, его море. То-то, помнится мнѣ, я читывалъ о Висьби—только гдѣ?

— Въ лѣтописи Нестора, Государь,—отвѣтилъ Головинъ.—Тамъ говорится о непокорливой вольницѣ новгородской, о старѣйшихъ людяхъ, что выселились съ чадами и домочадцами на Готландъ, островъ на Балтійскомъ морѣ, убѣгая Мономахова самодержавія.

— Ну, тогда были еще кіевскія времена, кіевскія понятія. А вотъ послѣ-то чего смотрѣли? Зачѣмъ дали

*) Теперешній Ивангородъ.

утвердиться этимъ воровскимъ шайкамъ, этимъ морскимъ разбойникамъ съ Запада?

Головинъ наставительно возразилъ:

— Татарскій полонъ насъ придушилъ, Государь, да ослабила Новгородъ Московская Русь; сама же не смогла управиться: не по силамъ было такое огромное государство.

— Такъ все; знаю твердо, вѣдаю сѣдую старину. Она-то меня и тянетъ къ морю, къ океану, въ нашу собственную Ижорскую землю! Матушка, пусти меня на море! Нѣтъ еще и ста лѣтъ, какъ окрѣпли шведы на нашей землѣ! Пусти меня научиться—ихъ оттуда выпроводить!

Наталія Кирилловна обѣщала подумать, поговорить съ патріархомъ. Сынъ же, неутомимый работникъ, отправился мастерить свою яхту, на Переяславскомъ озерѣ. Онъ, которому должна была покориться вся восточная Европа, любовно подчинился волѣ своей матери. Она сдержала слово: сначала поговорила съ пасынкомъ, Царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ, потомъ послали они за патріархомъ и Ромодановскимъ. Собравшись, всѣ они еще разъ внимательно перечитали то мѣсто въ книгѣ Тауера, которое такъ взволновало Царя Петра. Взвѣсивъ дѣйствительное значеніе моря и мореплаванія для развитія государства и скрѣпя сердце, рѣшили на общемъ совѣтѣ, уступить неотвязчивымъ просьбамъ и дѣйствительно—мудрому рвенію молодого Царя. Наталія Кириловна со всѣмъ дворомъ поѣхала на Переяславское озеро порадовать сына доброю для него вѣсточкой. Тамъ уже красовалась яхта, собственноручно имъ построенная, и первые русскіе корабли, изготовленные на Переяславской верфи.

Тяжело было бѣдной матери. Ея сердце сжималось отъ страха, но умъ царицы бралъ верхъ, и она «отпустила сына на широкую воду, его охотѣ равную» *)

При прощаніи, благословляя и плача, она напомнила ему его обѣщаніе не ходить самому по морю, а только посмотрѣть на иноземныя суда, чтобы узнать, какія именно нужны на потребу государственную.

Въ іюлѣ 1693-го года Петръ съ большою свитою отправился въ путь, трогательно увѣривъ мать, что исполнитъ ея просьбу.

Его царственный братъ, прощаясь, рыдалъ надъ нимъ, какъ надъ покойникомъ.

— Полно, братецъ, не тужи!—уговаривалъ его Петръ Алексѣевичъ.—Стѣна крѣпчайшая есть Имя Господне; волосъ единъ не можетъ съ головы моей, безъ Его святой воли, исторженъ быть!...

И поѣхалъ добывать знанія къ берегамъ Бѣлаго моря.

Ясно, радостно сѣверное іюльское утро. Солнышко едва успѣло окунуться въ морскую пучину, на ночной покой, какъ уже спѣшитъ снова вынырнуть изъза восточныхъ лѣсовъ, чтобы привѣтствовать высокаго путника, озарявшаго, какъ земное солнце, ослѣпительнымъ блескомъ своихъ предначертаній всю будущность сѣвернаго края.

Холодныя воды красавицы Двины горделиво понесли на своихъ могучихъ волнахъ безчисленное множество разукрашенныхъ пестрыми флагами русскихъ и иностранныхъ судовъ за 25-ть верстъ вверхъ по теченію, для встрѣчи молодого Царя.

Съ ранняго утра все населеніе Архангельска было

*) Подлинное выраженіе въ запискахъ современника.

на ногахъ. Всѣ жаждали видѣть московскаго чудо-богатыря. Впереди, на своемъ владычномъ баркасѣ шелъ преосвященный Аѳанасій, маститый стражъ родного православія на сѣверной окраинѣ. Изъ-за темнаго бора, густо заросшаго по обоимъ берегамъ Сѣверной Двины, мелькнулъ бѣлый парусъ царской яхты.

Весь радостный, сіяющій, принялъ Государь блаженнаго старца, призывавшаго благословеніе Божіе на мощнаго орла, прилетѣвшаго въ конецъ Земли родной создавать ея будущую славу.

При неумолкаемыхъ восторженныхъ кликахъ жителей, при звонѣ колоколовъ и пушечныхъ выстрѣлахъ въѣхалъ Петръ въ Архангельскъ. Онъ стремился взглянуть на тѣ иностранныя громады, которыя покачивались въ гавани на своихъ крѣпкихъ якоряхъ. Но обѣщаніе, данное матушкѣ-царицѣ, было еще свѣжо въ его памяти. Онъ внимательно осматривалъ мѣстность, предрѣшая, гдѣ заложить необходимыя верфи. Къ нему приносили чертежи иностранныхъ судовъ. Онъ толковалъ подолгу и съ своими и съ чужими опытными моряками. Въ Архангельскѣ начали строить одинъ корабль, другой заказали голландскимъ купцамъ. Кто только видѣлъ Царя, кто говорилъ съ нимъ, свои и чужіе, знатные и простые, молодые и старые моряки,—всѣ приходили въ восторгъ и недоумѣніе отъ быстроты, широты, вѣрности и смѣтливости его мысли! Нѣтъ, еще никто и никогда въ поднебесной не встрѣчалъ такого необъятнаго ума. Иностранцы чуть не боготворили Государя, завидуя русскимъ, что они подданные такого геніальнаго Цезаря *).

*) Слова современника.

Волны же морскія все сильнѣе и сильнѣе притягивали къ себѣ отважную душу Петра. А письма отъ матери все чаще и чаще летѣли, торопя его возвращеніемъ въ столицу.

«О томъ, свѣтъ мой, радость моя, сокрушаюсь, что тебя, свѣта моего, не вижу! Прошу у тебя, свѣта моего, помилуй родшую тя! Какъ тебѣ, радость моя, возможно, пріѣзжай къ намъ, не мѣшкавъ».

Куда тутъ ему, не мѣшкавъ, пріѣзжать, когда онъ еще не побывалъ на морѣ! Все крѣпился!

Онъ отвѣчалъ, что ждетъ прибытія иностранныхъ кораблей, а ее нѣжно успокаивалъ.

«Да о единомъ милости прошу: чего-для изволишь печалиться обо мнѣ? Изволила ты писать, что предала меня въ паству Матери Божіей; такого пастыря имѣючи, почто печаловаться? Тоя бо молитвами и предстательствомъ не точію я одинъ, но и міръ сохраняетъ Господь. За симъ благословенія прошу!

Недостойный Петрушка».

Самъ же рѣшительно не зналъ, какъ преодолѣть свое стремленіе выйти въ море.

Одинъ за другимъ входили въ гавань иностранныя суда. Много слышалъ онъ, много читалъ о нихъ, твердо ознакомился со всѣми ихъ чертежами,—но видитъ-то ихъ только издали. Наконецъ, это становилось не въ моготу. Время уходило. Письма изъ Москвы становились все тревожнѣе. Уже и братъ и патріархъ писали о нездоровьѣ матушки-царицы. Приходилось возвращаться. Но какъ же уѣхать изъ Архангельска, не разсмотрѣвъ подробно эти заморскія сокровища? Борьба была сильная.

Наконецъ, нужды родины взяли верхъ надъ любящимъ сердцемъ: Царь побѣдилъ сына, и Петръ

поѣхалъ осматривать чужеземныя силы, написавъ предварительно матери совершенно искреннее признаніе въ томъ, что не сдерживаетъ слова, объясняя свой поступокъ очевидной пользой для государства.

Шестьсотъ иностранныхъ судовъ съ нетерпѣніемъ ждали счастья показаться русскому богатырю-Царю.

И вотъ показалась яхта «Петръ» *), носительница Великаго Петра.

Какъ только вышла она изъ гавани, на ней взвился царскій штандартъ. Всѣ корабли, находившіеся въ порту, привѣтствовали его дружнымъ, торжественнымъ салютомъ.

Горделиво проходила между ними царская яхта, неся на своей палубѣ своего Строителя. Радостнымъ кликамъ русскихъ и иностранцевъ не было конца...

Внимательно осматривалъ Петръ иностранныя суда и морское побережье, выбирая удобныя мѣста для будущихъ крѣпостей и гаваней.

— Вотъ, только теперь понялъ я всю красоту Божьяго творенія! — воскликнулъ онъ, оглядывая своимъ орлинымъ взглядомъ дѣвственные берега, безпредѣльное море и на его волнахъ многочисленный красивый флотъ.

Вернувшись въ Архангельскъ, онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ, извѣстныхъ своею опытностью иностранныхъ и русскихъ моряковъ, чтобы по-царски отпраздновать съ ними свой первый выходъ въ море.

Среди роскошнѣйшихъ пировъ, въ минуты самаго широкаго, хлѣбосольнаго веселья, Петръ остался вѣренъ своимъ завѣтнымъ стремленіямъ. Желая Самъ изучить то, чему такъ необходимо было учить под-

*) Имя царской яхты.

данныхъ, онъ, не переставая, говорилъ съ гостями о мореплаваніи и кораблестроеніи.

Въ восторгъ приводилъ русскій Царь западныхъ гостей. На полусловѣ понималъ онъ ихъ ученые совѣты, забѣгалъ впередъ своею геніальною смѣтливостью. Состарѣвшіеся въ плаваніяхъ моряки были обворожены его лаской, простотой, его величіемъ, его умомъ, такимъ гибкимъ, безпредѣльнымъ, какъ его любимая водяная стихія! Они хотѣли-бъ видѣть въ немъ своего повелителя, *яко гордость и тщеславіе, и лесть, и лжа, и неправъ глаголъ, не обрѣташеся въ немъ. Возлюбиша его, яко своего истиннаго монарха. И вѣрность, и любовь являша ему во всю жизнь, какъ вѣрнѣйшіе присные.*

Эта выписка изъ воспоминаній современника должна слагаться въ сердечной памяти каждаго русскаго. Пусть каждый изъ насъ учится у нашего царственнаго учителя, чудо-богатыря, до самозабвенія любить родину, работать безъ устали, не покладая рукъ, для ея счастья и славы.

Среди своихъ любимыхъ занятій Государь получилъ новое, еще болѣе настойчивое письмо изъ Москвы.

«Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, пріѣзжай къ намъ, батюшко мой, не замѣшкавъ. Ей, ей, свѣтъ мой, велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего,—радости, не вижу... Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ: и ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ, что было не ходить».

Приходилось успокоить царственную мать.

Государь простился съ полюбившимися ему моряками, обѣщалъ снова пріѣхать,—понимая, что не жить ему вдали отъ моря, отъ его могучихъ, красивыхъ

волнъ, отъ этой стихійной силы, которая вносила жизнь и богатство въ его заснувшую, затуманенную, но все же безмѣрно дорогую родину.

По дорогѣ его встрѣчали гонцы московскіе. Они предупреждали, что матушкѣ-царицѣ сильно недужится.

Петръ сталъ торопиться: безостановочно, день и ночь гналъ онъ въ Москву.

Его пріѣздъ не только осчастливилъ, но, видимо, ободрилъ Наталію Кирилловну. Она сама и всѣ окружающіе думали, что опасность миновала, что Господь продлитъ дорогую жизнь.

Но это улучшеніе продолжалось недолго. Болѣзнь взяла свое,—царица угасала и окончательно слегла въ зиму 1694 года.

20-го января вся Москва поднялась на ноги. По церквамъ стали служить молебны. Народъ плакалъ о своей благодѣтельницѣ и съ горькими слезами провожалъ въ Кремль патріаршую колымагу. Маститый іерархъ русской Церкви былъ самъ глубоко опечаленъ.

«Что станется съ московскимъ царствомъ», думалъ онъ, проѣзжая по улицамъ столицы,—«когда не станетъ ея, этой твердой опоры всѣхъ страждущихъ, обиженныхъ? Какъ много мужества, терпѣнія, мудрости, показала она въ годину горя, притѣсненій! съ какимъ самопожертвованіемъ, какъ искусно хоронила она, отъ вражьихъ ковъ, своего сына, законную надежду родной Земли! Ей обязана православная Россія спасеніемъ будущаго своего величія. Ей одной покоряется Царь-юноша, передъ волей котораго уже привыкаютъ трепетать и близкіе и дальніе, но котораго еще такъ немногіе понимаютъ. Какъ-то будетъ

житься, когда надъ этимъ самовластнымъ богатыремъ не будетъ ея смиряющаго духа»?..

Творя молитву и крестясь, владыка проходилъ по дворцовымъ переходамъ. Всюду господствовала подавляющая тишина. Смолкли вѣчныя трещетки, теремныя обитательницы.

Всѣ три молодыя царицы *) вмѣстѣ съ Царями были въ покояхъ умирающей. Тамъ же тѣснились всѣ, кто могъ, кто смѣлъ поближе пробраться къ опочивальнѣ.

Духовникъ ея царскаго величества, предшествуемый дьякономъ со свѣчею и кадильницею, въ полномъ облаченіи, принесъ вѣнценосной страдалицѣ Святые Дары изъ дворцовой церкви.

Послѣ причащенія владыка-патріархъ, въ сослуженіи шести іереевъ, въ присутствіи Царей, ихъ супругъ, царевенъ и придворныхъ, совершилъ священный обрядъ елеосвященія.

Всѣ присутствующіе рыдали при послѣднемъ прощаніи кроткой царицы съ любимыми и любящими дѣтьми.

Блѣдный, какъ мертвецъ, стоялъ Великій Петръ, не выпуская маленькой, худенькой руки своей родительницы изъ своихъ мозолистыхъ, дѣйствительно, совсѣмъ загрубѣлыхъ рукъ.

Таинство елеосвященія кончилось; царицу покойно уложили на мягкомъ ложѣ. Ее, видимо, поддержало сознаніе, что выполненъ христіанскій долгъ, что православная Церковь своими святыми молитвами приготовила ее къ переходу въ вѣчный, небесный покой.

*) Вдова Царя Ѳеодора Алексѣевича, Марѳа Матвѣевна Апраксина и супруги Царей: Іоанна—Параскева Ѳеодоровна Салтыкова, и Петра—Евдокія Ѳеодоровна Лопухина.

Ей хотѣлось только, передъ отшествіемъ, передать самымъ близкимъ свою послѣднюю волю.

— Благослови меня, отецъ святой, не переставай молиться о моей многогрѣшной душѣ,—говорила она съ тихою, ангельскою улыбкой.

Потомъ, взявъ за руку обоихъ Царей-братьевъ, она умоляла ихъ въ мирѣ трудиться на благо ихъ государства.

— О державная, блаженная двоица, въ любви Богомъ утвержденная! Молю Васъ, завѣщаю Вамъ, крѣпко трудитесь на Господомъ указанномъ Вамъ поприщѣ. Святѣйшаго патріарха чтите, какъ отца. Послѣдуйте во всемъ здравымъ совѣтамъ Матери—Церкви Православной, преданіямъ Отцовъ, ученіямъ правой вѣры! А ты, пастырь Церкви Россійскія, блюди, чтобы между братьями, сынами моими, жила любовь и во всѣхъ дѣйствіяхъ единеніе и миръ, которые я многими стараніями насаждала въ сердцахъ и умахъ ихъ» *).

Присутствующіе отвѣчали ей громкими рыданіями. Она же, переводя духъ, стала молить обоихъ Царей оказать ей послѣднюю милость: простить всѣхъ государственныхъ должниковъ и преступниковъ, содержащихся въ темницахъ. Царицамъ же поручила раздать придворной челяди и нищимъ всѣ свои платья, вещи, наряды.

На другой день Цари пришли доложить матери-царицѣ, что ея воля исполнена: узники освобождены и пришли поклониться своей милосердой заступницѣ.

Тогда Наталія Кирилловна пожелала взглянуть на нихъ. Ее хотѣли передвинуть къ окну на креслѣ;

*) Эту ея предсмертную рѣчь передалъ потомству современникъ.

но Петръ самъ поднялъ ее своими сильными руками и поднесъ къ окну.

Увидя свою избавительницу, прощенные узники опустились на колѣни, со слезами благодаря и благословляя мать свою—царицу.

Тутъ же, при ней, на глазахъ обоихъ Государей роздали толпѣ щедрыя подаянія умирающей царицы.

— Какое счастье посылаетъ намъ Господь еще на землѣ, позволяя прощать, облегчать судьбы страждущихъ, плѣненныхъ, ближнихъ нашихъ!—шептала Наталія Кирилловна, крестясь и умиленно глядя своимъ потухающимъ взоромъ на родного богатыря, прижимаясь своею слабѣющею головой къ могучей груди любимаго сына.

Петръ чувствовалъ, какъ его дорогая ноша тяжелѣла, его собственное сердце нѣмѣло отъ горя.

Медленно, осторожно, спустилъ онъ ее на постель, а самъ, почти безъ чувствъ, упалъ передъ ней на колѣни. Еще одинъ, два, три вздоха, и кроткая душа многострадальной царицы отлетѣла на небо, благословляя добраго сына, великаго труженика, и молясь за него.

Вся Москва, вся Россія, вмѣстѣ съ царскою семьею, оплакивали смерть царицы, добраго ангела, покровителя всей обширной Русской державы.

Отчаянію Царя Петра не было границъ. Это читается въ каждой строчкѣ его тогдашнихъ писемъ къ людямъ близкимъ, вѣрнымъ помощникамъ, сотрудникамъ. Онъ стоялъ при началѣ задуманныхъ имъ работъ. Онъ только начиналъ расправлять свои крылья. Онъ прислушивался къ внутреннему движенію своего народа, собираясь руководить зарождающимися но-

Царь Петръ поднялъ свою любящую мать-царицу и поднесъ къ окну. *(Къ стр. 16).*

выми его стремленіями. Зорко слѣдилъ за пробужденіемъ колосса, чтобы мощно направлять его ростъ.

И тутъ-то онъ осиротѣлъ! Его покинулъ кроткій ангелъ-утѣшитель, лучшій другъ, вѣрнѣйшая, любящая душа матери.

Съ горя, его потянуло опять къ морю. Сродни ему могучая стихія, понятенъ безбрежный великанъ. Къ нему неслись всѣ помыслы Царя. Отъ моря ждалъ онъ жизни, дѣла своей неутомимой силѣ. Среди того же моря искалъ онъ и утѣшенія своему измученному горемъ сердцу.

Тамъ, вдали отъ береговъ, среди могучихъ волнъ, высоко надъ пучиной поднимался Соловецкій монастырь.

Въ обитель иноковъ смиренныхъ, къ подножію алтаря, несъ свою сыновнюю печаль царственный морякъ.

— Владыко, вези меня въ Соловецкій!—рѣшилъ Государь, вторично пожаловавъ въ Архангельскъ.

Крѣпко не хотѣлось старцу идти на море, но самъ Государь того желаетъ,—надо плыть.

Покойно море, ясно небо; Государь глазъ не сводитъ съ воднаго пространства. Онъ снялъ шляпу, истово перекрестился, когда выѣхали изъ устья Двины, да такъ и замеръ отъ восторга на кормѣ архіерейскаго баркаса. Онъ не замѣтилъ, что воздухъ посвѣжѣлъ, поднялся противный вѣтеръ, налетѣла туча, и волны сердито заходили кругомъ. Душа его точно радовалась бурѣ. Всѣ волновались. Владыка горячо молился. Его примѣру слѣдовали и бояре и гребцы-монахи. Сильный порывъ вѣтра снесъ шляпу Царя. Онъ обернулся, глянулъ кругомъ и, видя, что всѣ трусятъ, самъ взялся за руль. Буря же все свирѣ-

пѣла... Казалось, яхтѣ не справиться со стихіей. Петръ чувствовалъ, что у него не достаетъ умѣнья, несмотря на смѣлость. Вдругъ къ нему подходитъ монастырскій служка, сѣдой, но съ виду сильный, коренастый.

— Отдай мнѣ руль, Царь-батюшка, ты не умѣешь править.

Конечно, въ первый разъ въ жизни Петру говорили, что онъ не умѣетъ,—и это на морѣ, на любимомъ имъ морѣ.

Но геній понялъ правду.

— Бери, учи Царя!—былъ его покойный отвѣтъ.

И руль перешелъ въ опытныя руки монастырскаго лоцмана.

— Надо править къ Унскимъ Рогамъ!—не вытерпѣлъ и заговорилъ Государь, подходя, и сталъ вмѣшиваться. Бери правѣе, старина, такъ попадемъ скорѣе въ ближайшую гавань.

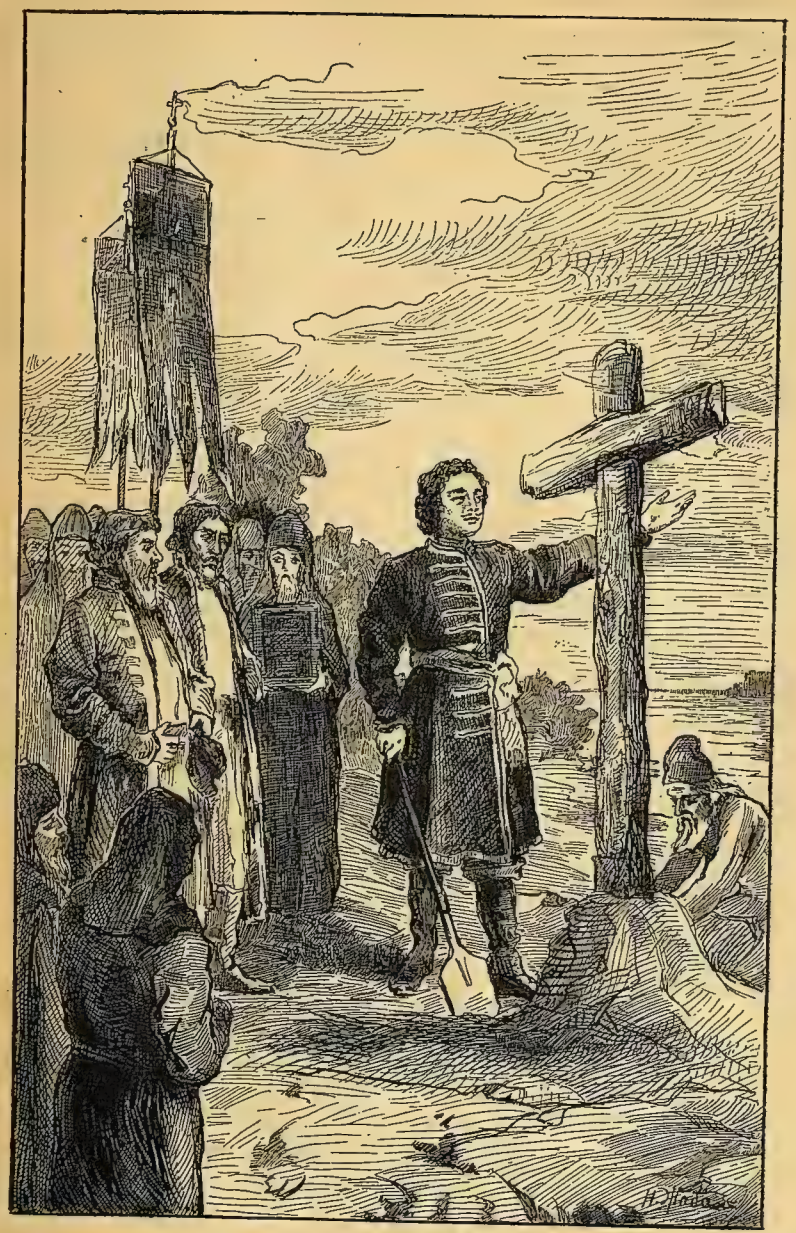
— Поди прочь!—крикнулъ лоцманъ.—Отдалъ кормило, такъ не путай; знаю я, что надо дѣлать.

Петръ смолчалъ, сосредоточенно смотря, какъ лоцманъ искусно направилъ судно къ берегу, проведя его умѣлою, твердою рукой среди опасныхъ камней, которыми усѣянъ входъ въ Унскую гавань.

На берегу стояла съ иконами и хоругвями братія уединеннаго Пертоминскаго монастыря. Звонъ церковныхъ колоколовъ и пѣніе монаховъ сливались съ ревомъ бури.

Отлегло отъ сердца спасенныхъ пловцовъ. Всѣ горячо благодарили Бога за спасеніе Царя. Конечно, каждый и за себя положилъ усердный поклонъ.

Могучій, пріятный басъ самого Петра гулко разносился вѣтромъ и волнами въ безпредѣльномъ



Потомъ взялъ топоръ, на глазахъ у всѣхъ срубилъ огромное дерево, обтесалъ его и сдѣлалъ крестъ вышиною въ 6 аршинъ.

(Къ стр. 19).

пространствѣ... Государь снялъ свой золотомъ шитый кафтанъ, весь промокшій отъ волнъ и дождя, надѣлъ его на старика-лоцмана, обнялъ и благодарилъ удалого храбреца, не побоявшагося правдиво говорить съ своимъ Царемъ. Потомъ взялъ топоръ, на глазахъ у всѣхъ срубилъ огромное дерево, обтесалъ его, сдѣлалъ крестъ, вышиною въ 6 аршинъ, и вырѣзалъ на немъ надпись по-голландски: *Сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ въ 1694 году.* Самъ на своихъ плечахъ Царь снесъ его къ берегу и благоговѣйно водрузилъ на мѣстѣ удачной высадки.

Вѣтеръ стихъ, волненіе ослабло, богомольцы могли благополучно продолжать предпринятое паломничество. Вдали на утихшемъ водномъ пространствѣ зеленѣли берега Соловецкихъ острововъ, и къ небесамъ высоко поднимались золотые кресты многочисленныхъ храмовъ.

Набожно обнажилъ свою львиную голову православный Монархъ, истово крестясь на обитель. Его просвѣтленный взоръ просилъ благословенія свыше на землю и воды, врученныя Богомъ его мудрому вѣдѣнію.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи. Эпоха преобразованій. Часть XIV-я.
2) *Крестинъ.* Записки современника.
3) *Мордовцевъ.* Русскія историческія женщины.
4) *Полевой.* Исторія Петра I-го. Часть I-я.

Путешествіе въ Европу.

1697—1698 г.

ЦАРЬ ПЕТРЪ былъ въ полномъ смыслѣ слова богатырь и тѣломъ и духомъ; натура исключительная, необыкновенная. Отъ ранняго дѣтства онъ проявилъ энергію, силу воли и страсть къ пріобрѣтенію знаній, которыя изумляли всѣхъ окружающихъ и, волей-неволей, заставляли ихъ покоряться желаніямъ юнаго Царя *).

Когда Царь Петръ Алексѣевичъ, поднявшись на турокъ и крымскихъ татаръ, взялъ Азовъ, въ концѣ 1696 г., онъ понялъ, сколь многому надо научиться его подданнымъ, чтобы поставить русское войско и флотъ въ уровень съ европейскими силами. Однихъ денежныхъ средствъ для этого недостаточно,—нужны знанія, нужна наука! Ее охотно привозили выписы-

---

*) *Оскаръ Іегеръ*, профессоръ. Всеобщая Исторія, выпускъ 9, глава 2, стр. 486.

ваемые Царемъ учителя съ Запада, но они не могли удовлетворить геніальнаго творца русскаго государства, русскаго могущества, русской славы. Онъ послалъ еще раньше 50 знатныхъ юношей заграницу «учиться архитектуры, управленія корабельнаго». Онъ рѣшился и самъ полетѣлъ на Западъ учиться европейской премудрости.

Въ Голландіи, въ мѣстечкѣ Саардамѣ, на верфи Рóгге, появился молодой, высокій, красивый плотникъ изъ Россіи, Петръ Михайловъ. Жилъ онъ въ каморкѣ у бѣднаго кузнеца, посѣщалъ только семейства тѣхъ мѣстныхъ плотниковъ, которые были въ отлучкѣ, въ далекой, снѣжной Россіи, и выдавалъ себя за ихъ товарища-простолюдина. Въ свободное отъ работы время русскій мастеровой ходилъ по фабрикамъ, заводамъ, съ любопытствомъ все разсматривалъ, обо всемъ разспрашивалъ. Все-то хотѣлось ему понять, всему научиться. Однажды, на бумажной фабрикѣ, стоялъ онъ и глядѣлъ, какъ выливали листы бумаги, трубочку покуривалъ, съ рабочими перекидывался веселымъ, а подчасъ и дѣльнымъ словцомъ. Вдругъ онъ протягиваетъ руку, беретъ форму у рабочаго, черпаетъ массу изъ чана и выливаетъ преотличный листъ.— Простой былъ совсѣмъ человѣкъ: ѣлъ, пилъ, знакомства водилъ, все дѣлалъ, какъ заурядный рабочій. Тутъ вдругъ взялъ да и купилъ себѣ буеръ; 450 гульденовъ заплатилъ,—должно быть, смыслилъ въ судостроеніи, потому что разобралъ, что штука-то хорошая: и не валка, и на ходу легка, да, вѣрно, и на деньгу онъ не скупъ,—выложилъ деньги всѣ сполна,—самъ же сказывается простымъ плотникомъ. Красную фризовую куртку носилъ съ бѣлымъ холстиннымъ бѣльемъ. Со всѣми своими земляками въ одну цы-

рюльну ходилъ, куда и мѣстные обыватели собирались. Часто толковали промежъ себя старики голландцы объ любопытномъ иноземцѣ, собираясь въ своей излюбленной цырюльнѣ.

Какъ-то одинъ изъ завсегдатаевъ принесъ туда письмо, полученное имъ отъ сына изъ Россіи; хотѣлъ подѣлиться новостями со всей честной кампаніей. Столпились любопытные вокругъ камина. Огонь ярко разгорѣлся, дрова трещали во всю. «Вотъ чудеса-то!» раздавалось кругомъ: «къ намъ, оттудова, съ сѣвера дальняго, идетъ посольство, да какое многочисленное, пишетъ малецъ».—«Хоть бы понагрѣть ихъ, поживиться намъ отъ этихъ дикарей!»—«Зачѣмъ живиться? Нашимъ у нихъ, хвала Создателю, хорошо живется, деньгу большую наживаютъ, съ насъ довольно», вразумлялъ честный цырюльникъ.—«Тебѣ, старина, хорошо толковать: твои тамъ много зашибаютъ, дай и намъ хоть разокъ здѣсь поживиться».—«Молчите вы тамъ, съ наживой вашей! Слушайте лучше. Малый не промахъ, все досконально разузналъ и намъ толкомъ докладываетъ, что съ посольствомъ-то самъ тамошній Царь ѣдетъ, только какъ бы крадучись».—«Это, вѣрно, чтобы меньше тратить; ничего,—умно придумано».—«И ничего умнаго: намъ меньше прибыли достанется», ворчали расчетливые голландцы.—«Слушайте только, что дальше-то въ письмѣ есть. Сынокъ насъ научаетъ, какъ намъ здѣсь Царя признать».—«Ишь, молодецъ! люблю я, дѣдъ, твоего парня, обстоятельный дѣтина. Смотри, прочитай-ка намъ пояснѣе примѣты-то, чтобы не ошибиться».

Всѣ ближе потѣснились къ чтецу. Онъ же, повыся голосъ, затянулъ: «онъ молодъ, высокъ, худощавъ, глаза такъ и блестятъ, точно тебѣ насквозь въ душу

глядятъ. Смуглый онъ съ лица, волосы вьются, голова трясется, рукой на ходу сильно размахиваетъ. На правой щекѣ бородавка». При словѣ бородавка, когда кто-то хотѣлъ было заговорить о всѣмъ знакомомъ, русскомъ плотникѣ Петрѣ Михайловѣ, дверь въ цырюльну съ шумомъ распахнулась, и на порогѣ показалась ватага рабочихъ, а среди нихъ, точь-въ-точь такой, какъ описанъ въ письмѣ изъ Россіи: высокій, смуглый, съ вьющимися волосами; онъ окинулъ собраніе яснымъ, проницательнымъ взглядомъ, тряхнулъ темными кудрями и повелительно спросилъ по-голландски пива, да столько, чтобы достало угостить всѣхъ его товарищей.—«А бородавка-то на щекѣ, смотрите, бородавка», загудѣла толпа.—«Ваше Величество! Милостивѣйшій Государь, прикажете принести чистѣйшаго эля?», съ нижайшими поклонами залепеталъ хозяинъ.—«Что?», грозно хмуря черныя брови, протянулъ изумленный иностранецъ, даже любимую трубку выронилъ.—«Мы не знатные господа, мы всѣ простые плотники, а я мастеръ Питеръ. Съ чѣмъ это вы ко мнѣ пристаете? Пить намъ скорѣе дайте, говорю вамъ!» И, спѣшно утоливъ жажду, вошедшая компанія, съ своимъ вожакомъ, торопливо высыпала на улицу. Но тамъ ихъ уже ждала толпа. Содержаніе письма съ быстротою молніи облетѣло все мѣстечко. Женщины, дѣти, разиня рты, ждали у дверей цырюльни диковинныхъ гостей. Это окончательно раздражило Петра, не привыкшаго у себя дома ни къ чьей назойливости. Онъ сталъ расталкивать толпу, стараясь скрыться. Ему подъ ноги такъ и совались глупыя, голландскія рожи. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и далъ пощечину какому-то Мáрцену, болѣе другихъ мозилившему ему глаза. Толпа благодушно

закричала: «Марценъ пожалованъ въ рыцари», и дала дорогу плотнику Питеру, а за Марценомъ на всю жизнь осталось прозваніе рыцаря.

Геніальный работникъ съ жадностью изучалъ все, что только могъ видѣть, что попадалось на глаза. Онъ былъ точнымъ представителемъ своего народа, который такъ долго голодалъ безъ научной пищи и теперь вдругъ до нея дорвался. Онъ собственнымъ опытомъ и личнымъ трудомъ усвоилъ всѣ тонкости кораблестроенія, основательно вникъ во всѣ пріемы. Въ то же время онъ знакомился съ жизнью, изучалъ исторію и памятники посѣщаемыхъ имъ странъ. Самъ работалъ въ мастерскихъ, осматривалъ фабрики, заводы, учился языкамъ, наукамъ, искусствамъ. Онъ разыскивалъ, нанималъ и отправлялъ въ Россію разныхъ мастеровъ, моряковъ, ученыхъ. Корабельный плотникъ, онъ заинтересовался гравировальнымъ искусствомъ. Оставшаяся послѣ него гравюра изображаетъ предметъ, соотвѣтствующій тогдашней завѣтной думѣ Петра: торжество христіанства надъ мусульманствомъ, въ видѣ ангела, который съ крестомъ и пальмою въ рукахъ попираетъ полулуніе и турецкіе бунчуки *). Государь самъ объясняетъ предметъ гравюры въ письмахъ патріарху Адріану, въ Москву: «Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатью Божіею и Вашими молитвами при добромъ состояніи, живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему проотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ Имени Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ

*) *Пекарскій.* Наука и литература въ Россіи.

свободителями, благодатію Его, быть. Чего, до послѣдняго издыханія, желать не перестану».—Четыре съ половиною мѣсяца жилъ Петръ въ Голландіи. Заложенный имъ фрегатъ былъ спущенъ на воду. Тогда онъ сталъ просить баса (мастера), Яна Поля, научить его препорціи корабельной. Въ три дня Петръ понялъ все, что зналъ самъ мастеръ, и началъ тосковать, что въ Голландіи нѣтъ необходимыхъ ему окончательныхъ, геометрически-вѣрныхъ теорій.

Однажды, въ домѣ самого Яна Поля, прислушался къ жалобамъ Царя заѣзжій англійскій морякъ. Онъ съ живостью сообщилъ, что у него на родинѣ желательное Петру искусство доведено до совершенства, и что, конечно, при доброй волѣ иностранца, ему не трудно будетъ очень скоро изучить желаемое. Легко можно себѣ представить радость Государя. Онъ еще раньше, въ Утрехтѣ и Гаагѣ, познакомился съ англійскимъ королемъ. Оба Монарха очень понравились другъ другу, и Вильгельмъ III, въ знакъ своей особенной дружбы и уваженія къ Русскому Царю, скромно путешествовавшему подъ именемъ простого дворянина,—прислалъ ему въ подарокъ только что изготовленную по новѣйшему способу легкую, красивую, двадцати-пушечную яхту: «Transport royal», прося письменно Петра принять отъ него этотъ даръ. Восторгу Государя не было предѣла. Онъ не могъ достаточно налюбоваться на дорогой, прелестный подарокъ. Сейчасъ же онъ отправилъ маіора Преображенскаго полка, Адама Вейде, къ королю съ выраженіемъ своей самой горячей благодарности за такую внимательную любезность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поручилъ сообщить и свое завѣтное желаніе посѣтить друга Вильгельма въ его землѣ, но все же съ соблюденіемъ

тайны, подъ именемъ незнатнаго иностранца. Англійскій король очень обрадовался случаю еще разъ повидаться со своимъ русскимъ другомъ и послалъ за нимъ свою яхту, подъ конвоемъ трехъ линейныхъ кораблей.

Царь выѣхалъ изъ Амстердама 7 января 1698 г., и на другой день, вечеромъ, прибылъ въ гавань Гельветемойсъ къ ожидавшей его здѣсь англійской эскадрѣ. Зима стояла въ томъ году прелютая. Холодный вѣтеръ наносилъ черныя тучи; не то снѣгъ, не то дождь, такъ и хлесталъ прохожихъ. Но что за дѣло генію Петра до стихійныхъ неудобствъ! Онъ перебрался ночевать на яхту, а на другой день, несмотря на бурю, непогоду, на страшный вѣтеръ и волненіе, пустился въ море. Два дня пришлось ему помаяться на любимыхъ имъ волнахъ. Еле-еле, 11-го января на зарѣ, вошли суда въ Темзу, и царская яхта остановилась у отведеннаго Его Величеству дома. Къ вечеру того же дня, камергеръ короля, Пе́ртонъ, привѣтствовалъ Царя, отъ имени своего государя, съ счастливымъ пріѣздомъ и спросилъ, когда Его Величеству угодно будетъ свидѣться съ королемъ. Петръ, конечно, былъ всегда готовъ. На другой день къ нему явилась его англійская свита.

Свиданія обоихъ дружественныхъ Монарховъ были и часты и сердечны. Они постоянно говорили между собой по-голландски. Петръ носилъ русское платье, интересовался рѣшительно всѣми научными вопросами, но, какъ и всегда, оставался равнодушенъ къ произведеніямъ искусства. За то онъ часто разсматривалъ находившійся въ королевскомъ кабинетѣ приборъ, для наблюденія за направленіемъ вѣтровъ. Побывалъ также въ королевскомъ Обществѣ наукъ, «гдѣ», какъ самъ выражался, «видѣлъ всякія дивныя вещи». Бывалъ въ гостяхъ и у вельможъ, только

при одномъ условіи, чтобы при немъ другихъ гостей не приглашали. Тщательно избѣгалъ толпы и многолюдныхъ собраній. Когда Вильгельмъ, въ день своего рожденія, далъ балъ въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ, Царь ни за что не согласился выдти къ гостямъ, а помѣстился въ маленькой комнатѣ, откуда все могъ видѣть, не будучи самъ замѣченъ. На засѣданія парламента онъ смотрѣлъ черезъ окно, пробитое въ потолкѣ.—Великій учитель сѣвернаго царства не оставилъ безъ вниманія и лондонскія фабрики и мастерскія.

У знаменитаго часовщика Карте онъ купилъ замѣчательные географическіе часы и при томъ, какъ увѣряютъ англичане, выучился ихъ собирать и разбирать безъ запинки. *) Осмотрѣвъ Лондонъ, Царь-Батюшка отправился, побуждаемый своею завѣтною мечтою, на Вульвичскій литейный заводъ и Дентфордскіе доки и верфи. Тутъ трудился и учился онъ нѣсколько недѣль у самыхъ ученыхъ и опытныхъ наставниковъ.

Король окружилъ своего царственнаго гостя самымъ сердечнымъ вниманіемъ. Приказалъ найти и нанять ему удобное помѣщеніе, за все самъ платилъ. Даже въ занятомъ для Государя замкѣ, въ Дентфордѣ, прорубили дверь въ стѣнѣ, смежной съ доками, чтобы онъ могъ проходить, во всякое время, никѣмъ незамѣченный. Только изрѣдка Царь оставлялъ свое трудовое уединеніе и показывался то въ Гри́нвичѣ, то въ Лондонѣ, то въ Виндзорѣ.

Чтобы повеселить своего царственнаго гостя, Вильгельмъ III устроилъ великолѣпный морской праздникъ: примѣрную морскую битву у береговъ острова Уа́йта. Петръ былъ въ восторгѣ отъ этого, дѣйстви-

*) Они находятся теперь во дворцѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ Саду, въ С.-Петербургѣ.

тельно, величественнаго зрѣлища. Англійскій флотъ явился передъ русскимъ Царемъ во всемъ блескѣ своего наружнаго великолѣпія и знанія морскихъ эволюцій. По окончаніи маневровъ, Государь осматривалъ городъ, прибрежную мѣстность и вернулся на свой научный постъ. Три мѣсяца неустаннаго труда положилъ онъ на основательное изученіе англійской системы кораблестроенія, пріобрѣлъ всѣ нужныя свѣдѣнія для основанія на родинѣ удобныхъ верфей и изучилъ всѣ порядки образцовой морской службы. 18-го апрѣля Государь простился съ своимъ дорогимъ другомъ, англійскимъ королемъ, сердечно благодаря за вниманіе и гостепріимство. Вильгельмъ такъ высоко цѣнилъ геніальный умъ своего царственнаго гостя, что пожелалъ имѣть его портретъ и просилъ Петра дозволить Гóтфриму Кнеллеру, знаменитѣйшему тогда англійскому живописцу, нарисовать его. Необыкновенно вѣрно передалъ великій художникъ черты великаго Монарха. Двадцатипятилѣтній мужественный красавецъ—Царь, съ береговъ сѣверныхъ морей, привѣтно глядитъ и до сей поры со стѣны аудіенцъ-залы Гáмтонъ-Кóрта, одного изъ королевскихъ дворцовъ, въ окрестностяхъ Лондона.

Въ 1898 г. Лондонъ посѣтила первая экспедиція русскихъ сельскихъ хозяевъ. Ея члены побывали и на Дентфордскихъ докахъ, гдѣ работалъ Петръ Великій. Они напрасно искали доски, прежде отмѣчавшей домикъ, гдѣ жилъ нашъ геніальный Преобразователь: она была уничтожена пожаромъ. По возвращеніи въ Россію, члены экспедиціи собрали подписку въ 300 р. и просили Сергѣя Спиридоновича Татищева, агента нашего министерства финансовъ въ Англіи, исправить этотъ недостатокъ; онъ заказалъ доску и

Государь позволилъ знаменитѣйшему англійскому живописцу того времени, Готфреему Кнеллеру, нарисовать свой портретъ. Онъ до сей поры хранится въ аудіенцъ-залѣ Гамтонъ-Корта, одного изъ загородныхъ королевскихъ дворцовъ, близъ Лондона. *(Къ стр. 29).*

выставилъ ее въ русской лондонской церкви, съ разрѣшенія англійскаго правительства. На ней по англійски и по-русски было написано: «Въ память пребыванія въ Лондонѣ и его предмѣстьяхъ Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, Безсмертнаго Преобразователя Россіи съ 11 февраля по 21 апрѣля нашего стиля и съ 21 февраля по 1 мая новаго стиля».

Значеніе этого проявленія русскаго народнаго самосознанія освѣщено въ словѣ, сказанномъ настоятелемъ нашей посольской церкви, о. Евгеніемъ Смирновымъ, при окончаніи обѣдни, 26-го мая. «Петръ Великій—это наша народная слава и наша общерусская гордость. Если при его имени усиленно бьется сердце и окрыляется мысль всякаго русскаго человѣка, въ предѣлахъ нашего дорогого Отечества, то тѣмъ большій патріотическій подъемъ ощущаетъ каждый русскій, живя или находясь за рубежомъ Россіи. Самосознаніе народное усиливается въ немъ, крѣпнетъ и требуетъ внѣшняго обнаруженія. Доска сія есть естественный плодъ патріотическаго самосознанія, и мы погрѣшили бы противъ русскихъ сельскихъ хозяевъ, первой партіи, если бы не помянули ихъ добромъ. Честь имъ и слава, что, прибывъ сюда, они пожелали увѣковѣчить не для русскихъ только, но и для обитателей сей страны память о великомъ Царѣ русскомъ, трудившемся въ Дептфордѣ во славу и для величія Россіи».

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи. Т. XIV.
2) *О. Іегеръ.* Всеобщая Исторія. Выпускъ 9.
3) Pierre le Grand en Hollande et à Zaardam. Par Verenet.

Новое лѣтосчисленіе.

1700 годъ.

САМОДЕРЖАВНЫЙ Петръ, послѣ смерти матери и брата, отнявъ Азовъ у турокъ, побывавъ не только на морѣ, но и за моремъ, въ Европѣ,—своею всесильною волею, во имя правды и добра, сталъ искоренять въ своемъ государствѣ тѣ недочеты въ управленіи, которые накопились вѣками. И удѣльные раздоры, и татарское иго, и неурядицы междуцарствія довели Россію до многихъ горькихъ безпорядковъ. Духовенство, боярство, служилые люди не пеклись, забыли о нуждахъ Церкви, государства, народа. Надо было направить на новый, добрый путь эту безпредѣльную уже тогда Русскую землю. Настойчиво выискивалъ себѣ помощниковъ великій ея строитель. Его царскій глазъ останавливался и на боярахъ, и на духовныхъ лицахъ, и на дѣтяхъ народа. Всѣ сословія давали добрыхъ исполнителей мудрыхъ велѣній Батюшки-Царя. Иностранцы—и тѣ толпами валили къ восточному свѣтилу. Только злыя, неправыя сердца глухо,

упорно держались старины, прикрывая ея мракомъ свои личные грѣхи, запугивая темный бѣдный народъ.

Юный правитель, строя верфи и на нихъ корабли, заводя артиллерію, вооружая и одѣвая войско по новому, взялся и за преобразованіе общества. Вопили бояре, разставаясь съ своими бородами и длинными кафтанами. Приказный людъ стоналъ, когда лучъ свѣта проникнулъ въ его темныя трущобы и голосъ правды раздался съ высоты престола.

Подходили святки 1699-го года. Народъ набожно молился, кончая постъ и готовясь встрѣтить радостный праздникъ Рождества Христова. Молодежь ждала веселья, ассамблей, театральныхъ представленій, которыя такъ охотно устраивалъ и требовалъ устраивать Царь-Государь. Молодыя боярыни и боярышни готовились къ праздничнымъ выѣздамъ и пріемамъ, увлекаясь модными нарядами, которые уже проникли къ нимъ изъ-за моря. Старухи сердито брюзжали, ворча, что было моченьки, въ душѣ же горько плакались, что не подъ силу имъ пользоваться счастьемъ, свободно дышать, двигаться, людей смотрѣть и себя показывать. Старики угрюмо смотрѣли на то, что почитали и называли «свѣтопреставленіемъ, дьявольскимъ навожденіемъ» съ тлетворнаго Запада. Лучшіе изъ ворчуновъ горячо молились за молодого Царя, чтобы Господь спасъ, вразумилъ его, вернулъ на древній путь благословенныхъ, старыхъ порядковъ.

29-го декабря морозъ трещалъ, какъ никогда. Жарко были натоплены хоромы князя Василія Ивановича Вяземскаго. Его именитая супруга сидѣла съ нимъ на его половинѣ и тихо вела безконечную бесѣду о томъ, что пора женить ихъ красавчика-сына, княжича

Петра; и какъ пригожа-то намѣченная ими его суженая. Только сомнѣніе брало боярыню: какъ-де свадьбу играть по новому, а по старому опасно будетъ.—«Неровенъ часъ, Самъ пожалуетъ, въ сваты еще назовется: такъ ужъ при немъ нельзя старинные обряды выполнять. Какъ разъ угодишь къ князю-кесарю, въ застѣнокъ. Не поглядитъ и на то, что я ему сродни прихожусь!» Съ этими словами боярыня встала, чтобы поглядѣть въ окно. Ей сквозь сумракъ показалось, что кто-то въѣхалъ во дворъ.—И дѣйствительно, забѣгали люди, засвѣтились фонари, захлопали однѣ за другими, на-крѣпко, отъ холоду, запертыя двери, и въ ихъ покой, предупреждая всякіе доклады, ввалилась старая боярыня, княгиня Одоевская. На ней, какъ говорится, «лица не было»,—блѣдность выступала, не смотря на румяны *). «Добро пожаловать, гостьюшка дорогая!»—въ одинъ голосъ, ласково привѣтствовали хозяева свою родственницу и вѣрнаго друга.—«Чего ужъ тутъ—добро?»—надтреснутымъ отъ волненія голосомъ заговорила пріѣзжая.—«Да что это съ тобою приключилось-то, княгинюшка наша родная?» заботливо спрашивали Вяземскіе.—«Какъ это вы тутъ сидите, да ничего не знаете? И что-жъ теперь будетъ-то, если ты, князь Василій, молчать будешь?»—«О чемъ именно, матушка княгиня, прикажешь мнѣ говорить?»—«Опасно ужъ больно становится, ну какъ услышатъ!» вставила хозяйка свой вздохъ въ рѣчь мужа.—«Поди-ка нонѣ и опасаться-то будетъ нечего,—все едино: помирать надоть!» упавшимъ голосомъ, безнадежно разводя руками, заявила княгиня. Хозяева

*) Непремѣнная принадлежность туалета боярынь допетровскаго времени.

набожно закрестились. Невольно, однако, улыбка скользнула по лицу князя. Ужъ очень смѣшливо показалось ему предположеніе скорой смерти у здоровенной, крѣпкой, еще не старой и всегда жизнерадостной княгини Одоевской. Она это примѣтила и чуть не съ остервенѣніемъ напустилась на него: «Нечего, куманекъ, подсмѣиваться надъ старухой! Правду тебѣ говорю. Послѣдніе дни доживаемъ. Гробы заготовляй-ко, кутью вари, чтобы поминки справить. Да, впрямь, и справлять-то некому будетъ, всѣ помремъ!» Князь не выдержалъ, громко засмѣялся. Княгиня же очень внимательно допрашивала гостью, обнимая, лаская ее и прося успокоиться.— «На-те вамъ, успокойтесь сами!» отвѣчала та, вытаскивая изъ бархатнаго, золотомъ шитаго мѣшка (эта заморская новинка очень нравилась старой боярынѣ) большой печатный листъ сѣрой бумаги, и, суя его подъ носъ Вяземскимъ, повторила: «Читайте хорошенько, да понимайте, что пришла смерть всему люду христіанскому!» Княгиня торопливо подала очки своему мужу, придвинула подсвѣчники съ восковыми свѣчами, и обѣ боярыни, усѣвшись рядкомъ, стали слушать, глазъ не спуская съ почтеннаго чтеца. Какъ ни разбирало Вяземскаго любопытство скорѣе узнать содержаніе листа, но онъ все же, съ должнымъ достоинствомъ, раздѣльно, внятно сталъ читать: «Извѣстно великому Государю, что не только во многихъ европейскихъ христіанскихъ странахъ, но и у народовъ славянскихъ, которые съ восточною православною нашею Церковью во всемъ согласны, какъ сербы, хорваты, болгары и всѣ греки, отъ которыхъ вѣра православная принята, всѣ тѣ народы, согласно лѣта свои не отъ сотворенія міра считаютъ, какъ мы до сихъ поръ дѣлали, а отъ Рождества Христова,

осмь дней спустя. И потому», продолжалъ царскій указъ, «намъ подобаетъ, подобно имъ, считать начало года въ осьмой день послѣ праздника Рождества Христова, то есть перваго сего января. И начать новолѣтіе молитвою. Чтобы во всѣхъ церквахъ, послѣ литургіи, совершено было торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Да благословитъ, укрѣпитъ, осчастливитъ Господь новое лѣто жизни каждаго изъ насъ! Потомъ всѣ православные другъ друга радостно да привѣтствуютъ, желая радостей и долгоденствія. Пусть будетъ праздникъ продолжаться до 7-го января. Богатые домовладѣльцы должны разукрасить свои дома сосновыми, еловыми, можжевеловыми вѣтвями. Для народа же устроятся гулянья, фейерверки, пальба изъ пушекъ»... Но всего этого не дочиталъ князь Василій Ивановичъ. Его помертвѣвшія губы едва долепетали: «намъ подобаетъ,—осмь дней спустя»,—буквы запрыгали у него передъ глазами, и сѣрый листъ указа выпалъ изъ похолодѣвшихъ рукъ. Конечно, его супругѣ надо бы было помочь ему, да она сама онѣмѣла отъ ужаса.—«Анъ, что, куманекъ и сватьюшка милая? разобрало и васъ, наконецъ! Почувствовали, что пришла пора помирать православнымъ!» злорадно твердила гостья.—«Это мы въ другорядъ молиться о новогодіи должны?»—уныло заговорила Вяземская.—«Вѣстимо, мать моя, въ другорядъ! Однимъ словомъ, помирать отъ зазора!»—былъ рѣшительный отвѣтъ.—«Не жить, ни-ни, не жить намъ!»—крестясь, твердила хозяйка, жалостно переводя глаза на мужа. Онъ все сидѣлъ, откинувшись на мягкія подушки скамьи и тяжело, еле-еле, переводилъ духъ.—«Господи! Владычица Пресвятая! Никола Батюшко! Да онъ никакъ, родимый, впрямь помирать

Князь Вяземскій все сидѣлъ, откинувшись и тяжело переводя духъ. Тѣмъ временемъ въ комнату вошелъ княжичъ Петръ. (Къ стр. 34—35).

собрался?» взвыла перепуганная супруга.—«Спрысни богоявленской водицей!» посовѣтовала Одоевская: «не махонкій,—отойдетъ! Да и то сказать, помрешь отъ такихъ порядковъ!» Вяземская завыла благимъ матомъ и принялась причитывать, какъ по настоящемъ покойникѣ.

Въ комнату тѣмъ временемъ вошелъ княжичъ Петръ, единственный сынъ именитаго княжескаго рода, прямой потомокъ Рюрикова племени. Въ коротком, ловко сшитомъ кафтанѣ Семеновскаго полка, красивый, стройный, веселый, онъ остановился въ дверяхъ, рѣшительно ничего не понимая. Отецъ въ обморокѣ, еле дышетъ, мать плачетъ, гостья воинственно шипитъ... На полу печатный листъ бумаги. Смекнулъ малый, откуда бѣда. Торопливо принесъ онъ изъ сосѣдняго покоя чару фряжскаго вина и, нагнувшись къ отцу, ласково приподнялъ его и заставилъ отпить нѣсколько глотковъ, приговаривая нѣжныя, добрыя слова. Голосъ любимаго сына ободрилъ старика. Онъ передохнулъ, открылъ глаза, сѣлъ и вопросительно посмотрѣлъ на всѣхъ. Княжичъ не далъ и слова выговорить боярынямъ.—«Ну, родитель, отпей еще, да побольше,—отъ царскаго стола привезъ я тебѣ этого вина,—смотри, какъ Царь тебя жалуетъ!»—«Для-че крещеныхъ-то мутитъ?»—выговорилъ съ трудомъ старикъ, глотая вино и переводя духъ.—«Охъ! худо намъ будетъ, сыночекъ! Отъ Господа худо будетъ! Отъ старины отвращаемся мы, а Онъ отъ насъ, глядь, и отвернется»... сунулись было боярыни со своими словами, но молодой князь даже руку поднялъ повелительно.—«Не отвернулись мы ни отъ чего хорошаго, родитель», властно заговорилъ онъ. «Самъ Господь вразумляетъ нашего великаго учителя, Батюшку-Царя православнаго! Какъ отецъ, заботится онъ

о насъ, чадахъ своихъ. Видишь, родимый, обидно ему, что отъ всего просвѣщеннаго міра отстала его держава. На одну степень со всею Европой желаетъ онъ поставить свою Россію. Вотъ и придаетъ онъ намъ видъ благообразный». Одоевская заворчала себѣ подъ носъ что-то о нечистомъ и его навожденіяхъ. Вяземская же все позабыла отъ восторга. Ея ненаглядный Петруня, какъ ангелъ небесный, такъ красно, умилительно говоритъ, да еще такія мудрыя рѣчи. Старикъ впился глазами въ сына,—всею душой слушалъ онъ его. Тотъ продолжалъ свое.—«Онъ насъ учитъ смывать нашу грязь и умственную и тѣлесную, учитъ одѣваться опрятнѣе, жить честнѣе! Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ,—все о насъ печется! Весь христіанскій міръ ведетъ свое лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова! Что же? съ мусульманами, съ нехристями или съ язычниками оставаться Петровской Руси? Батюшка, ты именитый русскій князь. Вѣдь мы же владѣтельными на Вязьмѣ-то были! Что-жъ ты, магометанства что ли хочешь своей родинѣ?» Отецъ перекрестился, отнѣкиваясь головой.—«Батюшка, ты старецъ разумный, долженъ помогать Царю-учителю, примѣръ показывать,—одинъ въ полѣ не воинъ! Поневолѣ хватается онъ за нѣмцевъ да голландцевъ! Станемъ же мы, Рюриковичи, дружно, непоколебимо, около нашего Монарха! Онъ съ престола сошелъ; онъ изъ своего государства простымъ плотникомъ къ иноземнымъ мастерамъ отправился, только чтобы выучиться у нихъ знаніямъ и насъ потомъ научить. Пойдемъ же, родимый, съ нимъ рядомъ! Поможемъ ему вывести родину къ свѣту, богатству, славѣ! Вотъ наша святая, боярская доля, Богомъ намъ данный трудъ!» Набожно крестился отецъ,—мать плакала.

Кряхтя, ворча себѣ подъ носъ, но не смѣя громко возражать, укладывала Одоевская свой мѣшокъ, видимо собираясь уходить.—«Старъ я становлюсь, сыночекъ, не годенъ ужъ ни на что!...»—«И не старъ ты, батюшко», ласково говоритъ сынъ: «совсѣмъ не старъ для того, чтобы насъ молодыхъ учить, наставлять, поддерживать! Опираясь на благословеніе нашихъ стариковъ, легче будетъ намъ казаться нашъ трудъ, скорѣе пойдетъ работа, во исполненіе державной воли Царя-труженика!»—«Ну, и надрывайтесь въ волю, на руку нѣмцамъ-нехристямъ! Тѣшьте бѣсовъ, а на меня не пеняйте, не гостья я вамъ, ежели ужъ приходится, на старости лѣтъ, такого, прости Господи, невылупленнаго цыпленка, слушать!... Нѣтъ, не гостья болѣ я вамъ, и не невѣста—моя Ксеньюшка такому пострѣлу!» Юноша поблѣднѣлъ, какъ полотно. Онъ совсѣмъ забылъ, что старуха Одоевская—тетка и опекунша его сердечной зазнобушки, красивой Ксеньюшки. Мать вскинула на него испуганный взглядъ. Но было уже поздно. Слова изъ пѣсни не выкинешь, не вернешь рѣчей огненныхъ! Съ поклономъ проводили Вяземскіе именитую гостью. Съ почетомъ до самыхъ выходныхъ дверей шли отецъ съ сыномъ. Княгиня много разъ ее обнимала, повторяя: «Не обезсудь, позабудь, не разлюби меня, твою старую подруженьку!» Одоевская молчала, пыхтѣла, сопѣла, да такъ и уѣхала, не выговоривъ добраго слова.—«Что, молодецъ, опростоволосился?»—сказалъ отецъ сыну, возвращаясь во внутренніе покои и крѣпко запахиваясь въ мѣховой кафтанъ. Княгиня же, жалостно вздыхая, поплелась на свою половину, вылить горе, тоску—своей постельничей, Петенькиной мамушкѣ. Ужъ очень по сердцу приходилась ей Ксеньюшка! Сама-то она ее своему соколу и высмо-

трѣла, сама первая расхвалила, сама и разглядѣть помогла ономнясь, въ приходской церкви! А тутъ, вонъ, на, поди! все теперь пропало, и все изъ-за этого второго новолѣтія, что Петенькѣ такъ нравится. Даже всплакнула княгиня въ своей опочивальнѣ.

Мужчины же, промежъ себя, толковали по-разумному. Старикъ сильно горячился. Думалъ онъ къ царю бѣжать, по старинѣ въ ноги поклониться, заступы просить. Если бы милость была такая:—сватомъ, можетъ, Самъ бы поѣхалъ, или кого отъ себя сватомъ бы послалъ. Все бы тогда по-гладкому пошло! Что за бѣда, что теперь хорохорится старуха; небось, передъ Царемъ и она не зафыркаетъ! Сынъ былъ растроганъ добротой отца. Ему тяжела была мысль, что онъ разлученъ, пожалуй, на вѣки съ полюбившейся ему княжной! Но и Царя онъ не смѣлъ теперь безпокоить своими дѣлами.—«Подождемъ, родитель», грустно заговорилъ онъ. «Господь не попуститъ, старуха не съѣстъ, хоть и зубаста; а не время теперь Государя своими дѣлами занимать. Ужъ очень трудныя времена пошли!»—«Крутенекъ онъ у насъ ужъ очень! Да и затѣи-то все новыя! Торопится, передохнуть не даетъ!»—«Дай только передохнуть ворогамъ, что внутреннимъ, что внѣшнимъ, такъ вотъ сейчасъ и заговоръ подведутъ!»—«Пожалуй, что и это правда!» сдавался старикъ. — «Трудненько ему. Одинокъ стоитъ въ семьѣ-то, и сестры, и царица-супруга все за старое стоятъ!» Сынъ улыбнулся.—«И ты за ними же, батюшко, собрался упираться!» Старикъ, чуточку извиняясь, отвѣчалъ: «Я—что? я ничего,—только испужался маленько двойного новолѣтія. Вѣдь страшно же это, сынокъ, въ правду страшно: отцы, дѣды, прадѣды, самъ, ужъ вонъ сѣдой, все септемврія 1-го молилися

и праздновали новолѣтіе. Теперь же на, поди! Второй разъ на одномъ году, объ одномъ и томъ же заставляетъ Церковь-то молиться!»—«Самъ, родимый, поразмысли хорошенько, понатужься: надо же когда-нибудь вывести у насъ эту татарщину. Онъ же такой премудрый, превеликій,—найдетъ, какъ успокоить, разсѣять сомнѣнія. Вотъ увидишь,—все пройдетъ тихо, гладко, безъ волненій, безъ смуты!» Старикъ, вздыхая, твердилъ свое: «Оно, можетъ, такъ, а все же страшновато, крутенекъ онъ,—больно крутенекъ!» Сынъ высказывалъ свои мысли: «Ужъ если что страшно вотъ теперь,—такъ это внѣшнія дѣла». Отецъ, до тѣхъ поръ ходившій съ сыномъ взадъ и впередъ по хоромамъ, остановился, какъ вкопанный: въ его опытномъ умѣ мелькнула мысль: еще осложнялись внѣшнія дѣла? Ну, такъ, значитъ, война? но съ кѣмъ же? Охъ, Господи, если война, тогда и сынъ его, единственный, уйдетъ отъ него, на новую-то войну. Его очередь настанетъ. Охъ, ужъ этотъ Царь-великанъ! Нѣтъ ему покоя! Самъ передохнуть не хочетъ и никому спокою не даетъ!—«Что тамъ еще?» упавшимъ голосомъ спросилъ онъ.—«Какъ что? вѣдь надо же шведа урезонить, надо къ морю пробраться,—а денегъ-то нѣтъ!» Старикъ какъ будто отошелъ: «Ну, и слава Тебѣ, Господи!» вырвалось у него изъ облегченнаго сердца.—«И ничего въ этомъ нѣтъ хорошаго, батюшко! Войско нужно безпремѣнно, а денегъ нѣтъ,—ихъ необходимо добыть!»—«Пусть объявятъ какіе ни на есть налоги, пусть понемногу собираютъ!»—«Нужны онѣ сейчасъ, вотъ вынь да положь!»—«Ну, если налоговъ не накладывать на народъ, такъ прійдется за нашу мошну что ли браться?» полушутя, полунасмѣшливо спросилъ старикъ.—Юный птенецъ

гнѣзда Петрова разобидѣлся за своего кумира.—Батюшко, Великаго-то Петра такъ поносить?»—«Ну, ну, сынокъ, не серчай на старика, пошутилъ вѣдь я, тебя подразнить захотѣлось!... Если такъ, да этакъ нельзя, а говоришь ты,—деньги нужны, откуда же ихъ добыть ему?»—«По моему, взять ему всѣ богатства, что безъ дѣла лежатъ въ монастыряхъ, да денегъ и наковать. А изъ колоколовъ, что лишніе, безъ нужды, у всякой звонницы найдутся, пушечки повыливать; и зазвонятъ онѣ по-своему на полѣ брани, во славу родины и той же Церкви православной!» Старый князь сѣлъ, повелительно остановилъ сына и строго заговорилъ: «Помолчи, княже Петре! не кощунствуй! И если въ-заправду что такое слыхалъ отъ Батюшки-Царя, Петра Алексѣевича» (старикъ перекрестился), «или отъ его заморскихъ нехристей, друзей, то скажи ему, что старикъ, твой отецъ, а его вѣрнѣйшій рабъ до гробовой доски, князь Вяземскій, ему на это благословенія не даетъ! Пусть беретъ мою послѣднюю рубаху,—онъ, самодержавный Царь, въ ней воленъ! Но Церкви пусть не трогаетъ! Опасно! Не я одинъ,—все встанетъ за колокола церковные! Темный народъ зашевелится!»—Сынъ страшно поблѣднѣлъ. Онъ передалъ отцу только слухъ, носившійся среди царскихъ денщиковъ. Отъ самого Царя онъ рѣшительно ничего не слыхалъ. Говорили же промежъ себя бояре, правда, потихоньку. Сообразилъ онъ, что, можетъ, они пробовали довести свои мысли до царскаго слуха, чтобы Его Величеству внушить. Имъ было все равно, что выйдетъ изъ такого рѣшенія. Стерегли они лишь свои собственные карманы, боясь, что имъ придется раскошеливаться на государственныя нужды. Навѣрное онъ ничего не зналъ, но слова отца крѣпко за-

легли въ его душу. Онъ постарался успокоить старика. Самъ же всѣ святки, забывая сердечную кручину, внимательно вслушивался въ то, что говорилось въ средѣ ближайшихъ приближенныхъ Великаго Монарха. Гдѣ и какъ только могъ, вездѣ внушалъ онъ, что опасно повторять такіе слухи, и горячо объяснялъ возможный отъ нихъ вредъ.

Самъ же Царь былъ все это время особенно сумраченъ; ни съ кѣмъ не говорилъ, только настойчиво требовалъ, чтобы святки и празднества новолѣтія проходили, какъ можно шумнѣе-веселѣе, бояре и народъ веселились бы безъ передышки, и старая Москва шумѣла бы во всю своими хлѣбосольными, гостепріимными, удалыми пирами.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи въ эпоху преобразованій. Т. IX, гл. 12.
2) Примѣчанія *Сахарова* къ запискамъ Желябужскаго.
3) *Штелинъ.* Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ. 1830 года.

Вѣрные слуги царскіе.

Январь 1700 года.

В КОНЦѢ января 1700 года пронесся слухъ, что Государь удалился въ свое любимое село Преображенское. Поѣхали къ нему слѣдомъ и его вѣрные слуги, усердные сотрудники въ тяжеломъ дѣлѣ благоустроенія могучаго царства. Тихо ведутъ они промежъ себя бесѣду въ переднихъ покояхъ, а войти къ Царю не смѣютъ. Шереметевъ, Гордонъ, Головинъ сильно озабочены. Каждый добросовѣстно выполнилъ данное ему порученіе, каждый принесъ свой трудъ на разсмотрѣніе, быть можетъ, на одобреніе великаго руководителя, а тутъ вдругъ у самыхъ дверей останавливаетъ ихъ стража: «Самъ не велѣлъ», отвѣчаютъ караульные на всѣ разспросы, загораживая входъ и не пуская дальше передней.

Явился Веніусъ: «Что это такое у васъ дѣлается?» тревожно повторяетъ и онъ. Въ отвѣтъ ему вельможи только руками развели: «не пущаютъ», чуть слышный былъ отвѣтъ.—«Гдѣ же Алексаша?»—«Убѣгъ куда-

то: видно, радъ вздохнуть!» промолвилъ Головинъ.—«А у тебя-то что въ рукахъ?» любопытно спрашивали всѣ у вошедшаго.—«Хорошая штука! По нраву должна прійтись нашему Батюшкѣ!»—«Дай то Богъ, чтобы онъ у насъ повеселѣлъ».—«И какъ еще обрадуется: китайцы въ Пекинѣ крестятся въ православную вѣру!»—«Ой-ли?» пробѣжалъ недовѣрчивый шопотъ.—«Тамъ, слышь, водятся іезуитскія церкви, по польскому, костелы». Гордонъ навострилъ уши: тайный іезуитъ, онъ зналъ, что Петръ ихъ ненавидитъ, не можетъ простить, что безъ его позволенія они выстроили свою церковь въ Москвѣ.—«А вотъ теперь православный храмъ воздвигнутъ въ Китаѣ,—очень ужъ полюбились тамъ наши священники, разумные, сердечные, покладные!»—«Ихъ, кажется, самъ Государь выбиралъ?» спросилъ Головинъ.—«И умудрился-же онъ всюду распредѣлить все такъ безошибочно!» съ восторгомъ громко выговорилъ Гордонъ.—«Тише вы, уймы на васъ нѣтъ, точно ребята разорались», заворчалъ чернокудрый, быстроглазый Павелъ Ягужинскій, выходя изъ сосѣдней комнаты. И по лицу, и по смятому камзолу видно было, что спать онъ не ложился. Всѣ вопросительно повернулись къ нему и услышали тяжелую вѣсть:—«всю ночь не спалъ: то сядетъ, то опять вскочитъ и ходитъ, все ходитъ, точно левъ въ клѣткѣ, даже самъ съ собою говоритъ. Ну точь-точь-въ Воронежѣ».—«А ты какъ знаешь? развѣ входилъ?» озабоченно спросилъ Шереметевъ.—«Лежалъ на полу у дверей: не оставлять же его, родимаго, когда такъ безпокоенъ!»—«Много заботъ у него»—вздохнулъ Гордонъ. «Вотъ силъ то въ одиночествѣ и набирается... Эхъ! жаль, что нѣтъ здѣсь святителя Митрофана!» Веніусъ залюбопытничалъ.

«Слыхать, они тогда оба повздорили?» — «И какъ слезно помирились-то! Даже я всплакнулъ», заговорилъ Ягужинскій, весело оживляясь. Веніусъ не отставалъ отъ Ягужинскаго.—«За что-жъ поссорились-то?» — «Эхъ, дядя, и все то тебѣ знать надо. Ну-вотъ: Царю угодно было, какъ то по пріѣздѣ, увидать владыку, и послалъ онъ меня за нимъ. Святитель поспѣшилъ къ Царю. Вотъ уже къ дому царскому приблизился, но вдругъ отшатнулся и пошелъ назадъ. Царь послалъ меня узнать, почему святитель не явился. Иду, прошу доложить: не пущаютъ, не велѣно! точь въ точь, какъ здѣсь. Набрался я храбрости, перекрестился, постучалъ въ дверь да и говорю: «Царское Величество повелѣлъ!» Сейчасъ и растворилась дверь. Стоитъ угодникъ Божій передо мною, слезы капаютъ по старческимъ щекамъ на рѣденькую бороду. Ужъ очень жаль мнѣ стало, что такой благостный старецъ огорчилъ Великаго Петра. Повалился я ему въ ноги со слезами и сталъ молить: «Зачѣмъ моего Батюшку-Царя обижаешь, владыко святой? зачѣмъ отошелъ отъ его дома?» — «Твой Царь-мой Царь, всей православной Руси Царь и Самодержецъ. Скажи ему, что не прійдетъ старикъ, смиренный богомолецъ за него предъ Всевышнимъ Царемъ, потому что не подобаетъ ему, иноку, проходить мимо языческихъ изображеній, поставленныхъ у царскихъ палатъ. Пусть уберутъ непристойныя статуи,—тогда и я приду». Выслушалъ рѣчь святителя и не смѣлъ ни ему отвѣчать, ни идти съ такимъ смѣлымъ отвѣтомъ. «Иди, иди, малый, твори волю пославшаго тя», сказалъ святитель, благословляя меня, и положилъ свою святительскую руку мнѣ на голову. Точно окрыленный этимъ прикосновеніемъ, забывая страхъ, помчался я къ Царю»...

Въ эту минуту распахнулись входныя двери, влетѣлъ Меншиковъ, а за нимъ, мѣрно выступая, явился князь-кесарь.

(*Къ стр. 45*).

Въ эту минуту, въ сѣняхъ, послышался шумъ,—всѣ оглянулись, дверь распахнулась,—влетѣлъ Меньшиковъ, а за нимъ, мѣрно выступая, явился «князь-кесарь», такъ звалъ Государь князя Ромодановскаго.—«Поворачивайся живѣе, кесарское твое величество!» задорно говорилъ юный царскій любимецъ.—«Здѣсь бѣда, а онъ тамъ на Москвѣ все въ застѣнки бабъ да юродивыхъ сажаетъ!»—«Молчи, пирожникъ, не озорничай, вѣдь самого тебя туда же упрячу, и не спрошу никого!»—«Шалишь, до меня то, кромѣ Самого, никто не достанетъ», дерзко отвѣтилъ прежній пирожникъ. Его ужъ обступили, допрашивая шепоткомъ: «гдѣ былъ? куда носило?»—«Съ поклономъ къ его цезарскому величеству, въ стольный градъ Москву смахалъ»,—смиренно отвѣчалъ счастливый баловень судьбы. «Вонъ Павлюкъ всю ночь провалялся тутъ, на постилкѣ, у дверей; кажись, ужъ и плакать принимался, все твердитъ: «хоть бы поѣлъ сердечный!» А стража и не внемлетъ, не пущаетъ: запрета самъ не снялъ, ну, и не могимъ войти!»—«Пусть же цезарь къ цезарю идетъ,—его пропустятъ часовые. А то вѣдь, впрямь, надо же его какъ-никакъ, а все же успокоить!»—Ромодановскій, не говоря ни слова, прошелъ мимо часовыхъ въ покои Государя и крѣпко захлопнулъ за собою дверь.

Видимо всю ночь не спавшій Государь ходилъ нервно изъ угла въ уголъ, озабоченный, погруженный въ тяжелую думу. Князь кашлянулъ,—не слышитъ! поздоровался,—опять молчитъ! Тогда, собравшись съ духомъ, князь двинулся на встрѣчу своему Монарху да такъ, что едва съ нимъ не столкнулся. Петръ остановился въ удивленіи, даже не сразу узналъ князя. Потомъ, проведя рукою по глазамъ, спросилъ: «Какъ ты, дядя, сюда попалъ?

Развѣ не зналъ, что я запретъ положилъ входить сюда?»—«Для кого другого запретъ силенъ, да не для меня!» смѣло заговорилъ Ромодановскій. Меня и родитель твой безъ доклада къ себѣ пущалъ. Вѣдомо тебѣ, что при кончинѣ своей мнѣ тебя ввѣрилъ? Кто-жъ въ невзгодѣ будетъ печься о тебѣ, какъ не я? Полно кручиниться, скажи, о чемъ такъ долго одинъ все думаешь? Царь, отецъ твой, царица-мать наказывали совѣта моего слушать! Размыкивать горе подобаетъ вмѣстѣ, а не одному!»—«Полно, дядя! Какой тутъ совѣтъ, когда въ казнѣ нѣтъ денегъ; когда заморскимъ учителямъ нечѣмъ платить, а безъ нихъ я, какъ безъ рукъ, хоть съ мѣста не трогайся!»... Махнулъ рукой и снова зашагалъ изъ угла въ уголъ. Ромадановскій не струсилъ, не отсталъ. Перекрестясь, онъ снова подошелъ къ Царю и еще настойчивѣе, слегка возвышая голосъ, продолжалъ: «Долгая дума,—большая скорбь! Открой мнѣ душу, полно кручиниться въ одиночку! Авось твоему слугѣ вѣрному удастся промыслить тебѣ что полезное!» Зналъ Государь, что Ромодановскій и надежный, и умный совѣтникъ. Наболѣвшая душа просилась высказаться, и полилась, какъ рѣка, царская рѣчь... «Эхъ, князюшко!»—махнулъ онъ рукой,—«видно, никогда не видѣть мнѣ Невы завѣтной!»—Остановившись передъ подробной картой Швеціи и обоихъ побережій Балтійскаго моря, онъ такъ и впился глазами въ Балтійское побережье. «И не видалъ то я ее, а чувствую. Чувствую, что тутъ течетъ наша дельта, нашъ православный русскій Іорданъ! А вотъ-же»,—указывая на шведскую крѣпость Нотебургъ *),—«это надо бы намъ

*) Нынѣшній Шлиссельбургъ.

взять,—тутъ ключъ, тутъ вся ихъ сила! Тутъ гремѣть должны бы, дядя, наши пушки!» и безпомощно разведя руками, прибавилъ:—«А гдѣ ихъ взять?»—«Знаю, что деньги нужны, знаю и то, что у тебя ихъ нѣтъ, и что ты налоговъ не хочешь прибавлять! Все знаю, оттого и пришелъ къ тебѣ, знаю даже, чѣмъ могу помочь! Вотъ объ этомъ то и хочу перекинуться съ тобою двумя-тремя словами!»—«О чемъ ужъ словами перекидываться: денегъ нѣтъ, а войско и кормить и одѣвать нужно. Демидову требуется тоже хорошо за ружья заплатить! Ишь,—первый русскій мастеръ, не хуже, даже лучше нѣмцевъ преуспѣлъ!»—«Ты чѣмъ его взыскалъ то?»—«На Уралѣ всѣ рудники, что ни найдетъ, въ полное владѣніе ему отдалъ! Мастерового въ дворяне произвелъ! А денегъ все нѣтъ, какъ нѣтъ!»—«И деньги будутъ! За русскаго мастерового земной тебѣ поклонъ, Царь батюшко! Не омрачитъ дворянскаго достоинства Демидовъ! Онъ добрый русскій, православный!»—«Да, людями Богъ насъ не обидѣлъ! Рабочихъ рукъ, головъ умнѣйшихъ вокругъ меня довольно, а денегъ все же нѣтъ!»—«Я жъ говорю тебѣ, что есть, что Богъ тебѣ пошлетъ. Только много ли тебѣ понадобилось?»—«На первый случай около двухъ милліоновъ!»—«Не можно-ли поменьше?» вѣско молвилъ князь-кесарь,—«такъ я тебѣ промыслю». Петръ такъ обрадовался, что обнялъ Ромодановскаго.—«Да откуда онѣ у тебя завелись?» приставалъ къ князю повеселѣвшій Петръ.—«Не скажу, а услужу. Успокойся только. Теперь знаешь, что я государству въ теперешней крайности помощь учинить и долженъ и могу».—«Какъ же это?» недоумѣвалъ Государь.—«Вотъ какъ начнетъ смеркаться, такъ я поѣду и достану», загадочно говорилъ Ромо-

дановскій. Но тутъ ужъ Петръ настойчиво потребовалъ объясненія, откуда у князя-кесаря явились деньги.—«Сегодня же все узнаешь!» отвѣчалъ Ромодановскій: «только успокойся, а тамъ поѣдемъ вмѣстѣ на Москву, но не слѣдъ намъ брать съ собою никого!» Царь былъ въ восторгѣ, тоски какъ не бывало. Переговоривъ о дѣлахъ съ остальными сановниками, онъ наскоро перекусилъ и, усѣвшись съ Ромодановскимъ въ колымагу, поѣхалъ въ Москву, въ Кремль, прямо въ тайный приказъ, гдѣ князь-кесарь былъ начальникомъ. Тамъ нашли одного сторожа. Ему Ромодановскій приказалъ отодвинуть отъ стѣны огромный шкафъ. Но какъ старикъ ни натуживался,—шкафъ не двигался. Тогда самъ Петръ приналегъ однимъ плечомъ, шкафъ заскрипѣлъ, онъ еще и еще двинулъ—стѣна открылась и показалась небольшая желѣзная дверь. Любопытству Царя не было предѣла. Князь же, снявъ огромный перстень съ своего пальца, началъ сличать съ нимъ отпечатокъ на восковой печати, висѣвшей на дверяхъ. Свѣчу держалъ самъ Петръ, отъ волненія его рука такъ дрожала, что подсвѣчникъ ходуномъ ходилъ. Князь, убѣдившись въ исправности печати, вынулъ кошелекъ, нашелъ въ немъ ключъ и принялся отпирать замокъ. Но онъ не отпирался. Давно, еще во времена Царя Алексѣя Михайловича, эту дверь заперъ Ромодановскій, такъ какъ за нею хранились тайныя государственныя бумаги; онъ заставилъ ее огромнымъ шкафомъ и, чуть ли не подъ страхомъ смертной казни, запретилъ его отодвигать. Теперь запоры такъ заржавѣли, что ключъ сломался. Послали сторожа за топоромъ и ломомъ. Всѣ трое принялись за работу. Наконецъ самъ Его Величество, понатужившись покрѣпче, пробилъ дверь ломомъ.

Наконецъ самъ Его Величество, понатужившись покрѣпче, пробилъ ломомъ дверь. *(Къ стр. 48).*

Заскрипѣли ржавыя петли и изъ темноты повѣяло могильнымъ холодомъ. Чуть не до верху вся комната была набита сваленною въ груду золотою и серебряною посудою, сбруей и деньгами, какъ рускими, такъ и иноземными. Изумился Петръ, едва вѣрилъ своему счастью и сталъ пробираться среди сокровищъ. Князь остановилъ его.—«Полно, Петръ Алексѣевичъ, съ тебя теперь и этого довольно! Возьми свое, его хватитъ на воинскую потребу. Прійдетъ нужда, все остальное твое будетъ!» Петръ крестился отъ радости, благословлялъ своего вѣрнаго друга, славнаго слугу отечества.—«Какъ это ты могъ схоронить такое добро отъ зоркихъ глазъ нашей премудрой сестрицы?»—«Очень просто: когда твой родитель отъѣзжалъ изъ Москвы въ походы, то довѣрялъ мнѣ лишнія деньги и оставшіяся сокровища. Передъ блаженной же кончиной своей завѣщалъ, чтобы никому изъ наслѣдниковъ не отдавать, пока не случится неминучая потреба. И блюлъ я его державную волю, свято слушался моего Царя-покойника. Теперь вижу твою нужду: потребны деньги на святое дѣло! Налагать подати на народъ не слѣдъ, брать деньги изъ монастырей и церквей рановато: послѣ Никона духовенство все еще не можетъ наладиться на правый путь, пожалуй, не пойметъ настоящей нужды! Вотъ я себѣ и сказалъ: настало настоящее времечко помочь. Вручаю столько, сколько нужно будетъ!» Петръ съ глубокимъ уваженіемъ обнялъ и поцѣловалъ вѣрнѣйшаго слугу Царя и родины.—«Дай Богъ матушкѣ Россіи побольше такихъ вѣрныхъ слугъ, какъ ты, князь-кесарь; тогда легко будетъ справляться со всѣми врагами и внѣшними и внутренними! Иди-же, переливай, чекань драгоцѣнныя деньги. На нихъ я буду кормить, одѣвать,

вооружать мои славные полки, готовить ихъ къ побѣдамъ надъ неугомонными сосѣдями!» И пошелъ Государь довольный, вдохновенный. Передъ нимъ раскрывалось то великое будущее, къ которому онъ велъ свою Россію. Преданный, вѣрный бояринъ сберегъ достаточно золота, а искусный, трудолюбивый, честный Демидовъ надѣлалъ ружей и наковалъ множество тѣхъ славныхъ мечей, которыми державный Преобразователь смогъ прорубить завѣтное окно изъ Россіи въ Европу.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи въ эпоху преобразованій. Т. IX гл. 12.
2) *Штелинъ.* Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ. 1830 г.
3) Примѣчанія *Сахарова* къ запискамъ Желябужскаго.

Орлиное гнѣздо.

1 мая 1703 года.

И думалъ онъ:
«Отсель грозить мы будемъ Шведу,
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду.
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно».

Пушкинъ.

ВЪ СРЕДИНѢ IX вѣка по Р. Хр. съ устьевъ Невы, гдѣ начинался великій путь изъ варягъ въ греки, пошла историческая жизнь нашей дорогой родины. Восемь вѣковъ она постепенно ширилась и разросталась. Строгановы съ Ермакомъ двинули ее на востокъ, до самаго океана. Крѣпла, богатѣла, несмотря на невзгоды, Православная Русь! Церковь объединяла государство. Внутреннія, какъ бы семейныя, смуты не мѣшали росту народной силы. Онѣ ставили только преграды дружескимъ отношеніямъ съ западной Европой. Злые недруги оттѣсняли насъ отъ варяжскаго моря. Но благое Провидѣніе, на диво всей вселенной, послало Руси православной еще невиданнаго великана. Царь Петръ своимъ русскимъ сердцемъ, сво-

имъ геніальнымъ умомъ, понялъ вѣковую ошибку. Онъ покинулъ царственный Кремль, оставилъ древнюю Москву и пошелъ, какъ богатырь народной былины, обходить необъятную равнину. На Бѣломъ морѣ онъ учился плавать и управлять кораблями, строилъ ихъ среди дремучихъ лѣсовъ на рѣкѣ Воронежѣ, взялъ Азовъ. По бурнымъ волнамъ давно ужъ запертаго для насъ Чернаго моря поплыли его корабли съ послами къ султану-владыкѣ древней Византіи. Рудники Сибири, лѣса, рѣки родины,—все бралъ въ расчетъ Царственный работникъ. Зоркимъ окомъ разыскивалъ могучій вождь, державный повелитель, и богатства земли, и прирожденныя способности даровитаго народа, чтобы вызвать къ жизни, поднять на общій уровень могущества и славы свое любимое дѣтище. Съ завистью смотрѣлъ онъ на образованную Европу, объѣзжалъ ее, лично знакомился съ тѣмъ, что было всего пригоднѣе для его Россіи. Самъ вездѣ всему учился, чтобы потомъ самому учить своихъ славныхъ птенцовъ.

На Западъ же посылалъ онъ и русскую молодежь учиться, работать, набираться знаній, а затѣмъ примѣнять ихъ на родной почвѣ. Къ себѣ зазывалъ съ того же Запада нужнѣйшихъ учителей, ласкалъ ихъ, награждалъ, лишь бы они усердно, съ охотой и успѣхомъ передавали свои знанія его любимымъ подданнымъ. Завѣтная цѣль всѣхъ этихъ трудовъ, усилій, была добиться своего, вернуть себѣ потерянное море,—природный путь въ ту самую Европу, откуда онъ ждалъ такъ много знаній, просвѣщенья. Въ союзѣ съ Даніей и Польшей, поднялся русскій богатырь на общаго врага, Карла XII. Гордый своими побѣдами надъ датчанами, шведскій король шелъ къ Нарвѣ,

осажденной русскими, подъ начальствомъ Головина и герцога де-Круа. Счастье улыбнулось ему. 20 ноября 1700 года онъ на голову разбилъ непривыкшіе еще къ бою, недавно набранные русскіе полки, и сталъ ожидать предложеній выгоднаго мира. Терять землю, отчичь и дѣдичь, перестать желать Ингерманландіи, этого исконнаго достоянія новгородцевъ—было непонятно московскому царю. На союзниковъ съ Запада плохая надежда: когда нужна русская помощь,—тогда они друзья, чуть-что не братья. А помочь Россіи,—имъ кажется едва ли не смѣшнымъ. На одного себя могъ только положиться Петръ Великій. Онъ съ удвоенной силой принялся собирать новые полки. Закипѣла работа въ старыхъ русскихъ городахъ—Новгородѣ и Псковѣ. Ихъ многочисленныя обители пришли, какъ и въ древни дни, на помощь государству. Монахи Печерскаго монастыря подъ Псковомъ, наравнѣ съ солдатами, копали рвы и возводили укрѣпленія у самыхъ стѣнъ святой обители. Храмы отдавали лишніе колокола, съ своихъ звонницъ, на пушки. Ихъ побѣдоносная пальба предвозвѣстила на берегахъ Невы широкій молитвенный звонъ величественныхъ храмовъ. Геніальный старикъ Виніусъ, не уставая, лилъ орудія, чтобы пополнить отнятую артилерію. Вездѣ кипѣла самая жгучая работа, подъ руководствомъ Царственнаго учителя-вождя. Въ декабрѣ 1701 года Шереметевъ уже билъ шведовъ при Эрестферѣ, въ январѣ 1702 года разбилъ на голову при Гумельсгофѣ, въ 1703 году взялъ Копорье, Ямъ, Нарву, а въ 1704 году самъ Петръ вернулъ Россіи основанный Ярославомъ Мудрымъ, въ 1030 году, древній, русскій Юрьевъ—нѣмецкій Дерптъ. Враги прибѣгли къ хитрости: пустили слухъ, что подойдутъ

съ моря къ Архангельску. Всю весну и лѣто 1701 года Царь самъ стоялъ на стражѣ, у сѣверной Двины. Когда же миновали опасенія, онъ въ 1702 году повернулъ своихъ гвардейцевъ опять туда же, къ завѣтной Ижорской землѣ, гдѣ къ 27 сентября 1702 года сосредоточено было 10.000 человѣкъ подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала Шереметева. — «Взмилуйся, Царь-Батюшка! Какъ же мы пойдемъ туда?» озабоченно спрашивалъ любимый денщикъ Петра, Ягужинскій, получивъ распоряженіе Царя о походѣ съ береговъ Бѣлаго моря къ истокамъ излюбленной Невы.— «Съ тобой идетъ 10.000 человѣкъ—преображенцы, семеновцы, провіантъ, бомбардирская рота, 43 орудія».— «Да ты и «обѣ яхты» приказываешь протащить. А по прямой-то линіи, боръ стоитъ непроходимый, пожалуй, съ самаго творенія міра. Не все же рѣки да озера по пути, не вездѣ прійдется плыть.»—Усмѣхнулся великанъ.—«Скажи», повторилъ онъ, «чтобы готовились,—да поскорѣе!»—Самъ же зашелъ переговорить обо всемъ къ архіерею. Съ его благословенія, къ мѣстечку Пюхча собрали крестьянъ изъ вотчинъ Соловецкаго монастыря, вооруженныхъ топорами; впереди съ своими любимыми солдатами всталъ самъ Царь, вождь и повелитель, тоже съ топоромъ. Ничего невозможнаго не было на землѣ для русскаго богатыря. Повалились вѣковыя сосны подъ его мощною рукою. Народъ только диву давался.—«Царь-отъ, Царь каки соснищи валитъ! страсть!» говорили они промежъ себя.—«По себѣ—вишь—и дерева-то рубитъ!»—«Силища-то какова, братцы?»—«Знамо-царская, не простая!»—«Смотри, братъ, паренекъ-то—тоже поспѣваетъ, эва! какъ старается!» Это говорили про Павлушу Ягужинскаго. Онъ, Меншиковъ, Орловъ да и всѣ тѣ, кото-

Повалились вѣковыя сосны подъ мощною рукою русскаго богатыря-Царя Петра Алексѣевича. (Къ стр. 54).

рые были съ Царемъ въ Архангельскѣ, шли за нимъ, съ топорами, впереди солдатъ и собранныхъ крестьянъ. Началась работа титановъ. Рубили просѣку, шириною въ три сажени, черезъ болота и топи настилали поперечныя кладни. Шли все по прямой дорогѣ, отъ деревни Пюхча до Пулозера, гдѣ была устроена остановка. Потомъ дальше до Повѣнца. Черезъ рѣку Выгу былъ наведенъ плавучій мостъ, а на Онежскомъ озерѣ уже ждала флотилія карбасовъ (парусныхъ судовъ), чтобы Свирью провести въ Ладожское озеро, къ шведской крѣпости Нотебургу, великаго Царя и его достойныхъ сподвижниковъ.

Точно стая баклановъ, плыла царская флотилія по широкому, бурному Ладожскому озеру. Тамъ, гдѣ въ древни дни отважно хозяйничала удалая новгородская вольница, теперь ея правнуки, не менѣе лихіе, добрые молодцы, идутъ подъ стягомъ самодержца, добывать свои старыя насиженныя гнѣзда. Преображенскіе и семеновскіе мундиры замѣнили блестящія латы древнихъ борцовъ за вѣру и родину. Та же добрая, безотвѣтная русская душа живетъ въ славныхъ потомкахъ могучихъ предковъ. Та же въ нихъ храбрость безмѣрная, стойкость, выносливость неописуемая. Одно чувство у нихъ прибавилось—одно слово слилось съ ихъ плотію и кровію. Это чувство—любовь неизмѣримая къ великому имени Царя, Петра Алексѣевича. Стоитъ онъ, носитель завѣтовъ родной земли, олицетвореніе всѣхъ ея лучшихъ стремленій, желаній, надеждъ! Стоитъ, не шелохнется, родимый великанъ, на передовомъ, самомъ вмѣстительномъ карбасѣ. Онъ весь-вниманіе. Зрительная труба, казалось, замерла въ его рукѣ.—Вдругъ она вздрогнула.—

«Вижу, вижу!» шепчетъ онъ восторженно.—«Что видишь-то, Государь?» тихошенько спрашиваетъ Меншиковъ, щурясь въ даль.—«Орѣшекъ, нашъ старый Орѣшекъ; ишь, какою жесткою скорлупою они его облѣпили! Стѣны-то соединены пятиугольникомъ съ семью башнями, для фланговой обороны. Придется, Данилычъ, намъ сильно понатужиться, чтобы разгрызть эту скорлупу!»—«Ну, и что же, Государь, разгрызеmъ, не поморщимся!» Шведская крѣпость уже ясно виднѣлась съ озера. На ея стѣнахъ зашевелились: видно, замѣтили русскихъ баклановъ *). Вотъ взвился бѣлый дымокъ.... что-то грохнуло.... и ядро съ брызгами погрузилось въ воду.—«Тоже салютуютъ», пошутилъ Государь и, взмахнувъ шляпой, прибавилъ: «ждите меня!»—Опять дымокъ съ крѣпости, и второе ядро упало вслѣдъ за первымъ. Третье чуть не задѣло Царя,—обдавъ всѣхъ брызгами.—«Рули на лѣво», скомандовалъ Меншиковъ, и флотилія взяла слегка въ сторону, чтобы уберечься отъ напрасныхъ потерь.—«Чуютъ ли вражьи-то дѣти, что я самъ здѣсь?» задумчиво сказалъ Государь, вынимая очень точную карту мѣстности, и, развернувъ ее на колѣняхъ, указалъ Меншикову на одинъ пунктъ.—«Вотъ тутъ, пониже Нотебурга, укрѣпилась армія Шереметева. Туда надо намъ волокомъ, за лѣсомъ, перетащить наши карбасы. Возьми съ собою людей да посмышленѣе и разыщи удобный волокъ. Я же здѣсь пока посторожу, а тамъ, съ задними и самъ явлюсь». На другой день чуть свѣтъ потянулись люди въ обходъ, по точно намѣченному пути. Они тащили на себѣ, по топкому болоту, и карбасы и артиллерію, изо всѣхъ силъ помогая малень-

*) Сѣверная морская птица.

кимъ выносливымъ лошадкамъ, добытымъ въ Повѣнцѣ. Тишина была мертвая. Исчезли съ горизонта напугавшіе шведовъ бѣлые паруса,—точно въ воду канули. Понять не могли, кто и зачѣмъ приходилъ ихъ оглядывать? А тѣмъ временъ, крадучись, обходили крѣпость добрые молодцы. Меншиковъ шелъ впереди. Когда по расчету они должны были подходить къ Шереметевской стоянкѣ, самъ Царь пустился имъ вслѣдъ. Довольный своими людьми, онъ поощрительно здоровался съ ними.—«Спасибо, молодцы», слышали полки и дружно, но не гулко отвѣчали: «Спаси тебя, Господь, Царь-Батюшко!» Солдаты стояли въ прекрасно устроенномъ лагерѣ. Надъ просторной царской палаткой развѣвался флагъ съ государственнымъ гербомъ. Борисъ Петровичъ Шереметевъ самымъ сердечнымъ образомъ привѣтствовалъ Царя во главѣ молодецкихъ полковъ.—«Здорово, ребята», повторялъ Государь, зорко озирая любимые ряды.—«Будь здоровъ, Царь-Батюшко!» отвѣчали храбрецы.—1-го октября крѣпость была уже обложена съ четырехъ сторонъ; были готовы двѣ мортирныя и двѣ пушечныя батареи. Первою мортирной командовалъ самъ Государь въ чинѣ капитана. Шереметевъ послалъ спросить шведскаго коменданта, на какихъ условіяхъ онъ сдастъ крѣпость. Но гордъ и заносчивъ былъ отвѣтъ Шлиппенбаха. Шереметевъ вспылилъ и приказалъ открыть огонь изо всѣхъ орудій. Нѣсколько дней продолжалась убійственная канонада. То тутъ, то тамъ загоралась шведская твердыня отъ русскихъ бомбъ. Любимые сыны Петровы громили ее безъ устали. Наконецъ, взвился давно желанный бѣлый флагъ, и отъ крѣпостныхъ воротъ отчалила ладья съ барабанщикомъ-парламентеромъ.—

«Пардону запросили», благодушно замѣтилъ фельдмаршалъ.—«Ну, теперь онъ, пожалуй, вздорожаетъ», сказалъ Государь, принимая письмо. Судорожно сорвалъ печать и вскрикнулъ отъ удивленія. Ягужинскій подскочилъ, вопросительно воззрясь на Петра.—«Письмо-то женское», былъ полный удивленія отвѣтъ. Всѣ окружающіе переглянулись:—имъ очень хотѣлось засмѣяться, такъ странно казалось, что женщина писала врагу о сдачѣ крѣпости. Но придержались изъ опаски: какъ-то самому прійдется это по нраву?—«Видно по всему, что комендантша и шведскія офицерши куда какія ловкія персоны», заговорилъ Петръ благодушно. «Думаютъ, что мы,—русскіе варвары,—исторіи и не нюхали. Ну нѣтъ:—пусть убѣдятся, что ошиблись. Пиши, Павлуша, что позволяю имъ оставить крѣпость и вынести на своихъ спинахъ, подобно добрымъ женамъ Вельфовъ, своихъ мужей, отцовъ и сыновей. Не отставать же мнѣ, въ великодушіи, отъ императора Конрада, перваго изъ Гогенштауфеновъ».

Не такъ, однако, подумали шведы. Получивъ насмѣшливый отвѣтъ, они пришли въ такую ярость, что напрягли всѣ послѣднія силы и застрѣляли пуще прежняго. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней русскіе отвѣчали такою же адской пальбой. Въ трехъ мѣстахъ загорались крѣпостныя строенія, и бреши становились все шире и шире.—7-го октября собрали охотниковъ для приступа, разставили лѣстницы. 11-го ночью въ крѣпости вспыхнулъ пожаръ, и пока гарнизонъ старался его потушить, три залпа съ царской батареи подали сигналъ къ приступу. Охотники на лодкахъ устремились въ 3 часа утра къ крѣпости.

Шведы были стойки. Они отбили первый натискъ. Тогда князь Голицынъ позвалъ своихъ семеновцевъ,

а Карповъ преображенцевъ. Бой былъ ожесточенный, бились больше 12 часовъ. Князь Голицынъ приказалъ отогнать лодки, чтобы люди не могли отшатнуться. Съ берега Меншиковъ, понявъ, что, несмотря на сказочное геройство, русскимъ не совладать съ неприступной громадой,—бросился имъ на помощь съ своими охотниками-бомбардирами. — Участь шведовъ была рѣшена. Пощады запросилъ комендантъ. — Въ свою очередь онъ молилъ за женщинъ и дѣтей. Безстрашный, упорный въ бою, великій Петръ, какъ истый герой, былъ рѣдко—великодушенъ ко всѣмъ падшимъ, безсильнымъ. Взята шведская твердыня. Теперь Нева опять течетъ по русскому руслу. Царь выполнилъ свой долгъ и передъ родиной, и передъ самимъ собою. Онъ имѣлъ право быть великодушнымъ. Побѣжденному врагу было позволено удалиться съ воинскими почестями: взять съ собою четыре пушки изъ чужой уже крѣпости и выйти съ распущенными знаменами, даже, съ барабаннымъ боемъ. Навсегда теряли шведы, когда-то, дорого доставшуюся имъ русскую собственность, въ истокахъ Невы. Ихъ горе и стыдъ не равнялись, однако, безграничной радости торжествующаго побѣдителя.—«Моя, моя Нева! моя дельта! Мое море!» твердилъ Царь, какъ въ бреду. И крестился, и молился, и горячо благодарилъ своихъ славныхъ сподвижниковъ, награждая по-царски всѣхъ—отъ старшихъ вождей до послѣдняго рядового. Въ память этого славнаго дня была выбита медаль: на одной сторонѣ портретъ Государя, а на другой—бомбардированіе города съ надписью: «Былъ у непріятеля 90 лѣтъ».

Къ Виніусу, въ Сибирь, Царь писалъ: «Правда, что зѣло жестокъ орѣхъ сей (Орѣшекъ) былъ, однако же,

слава Богу, счастливо разгрызанъ. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила!» Апраксину же отписывалъ подробнѣе: «Объявляю вашей милости, что, съ помощью Побѣдодавца Бога, крѣпость сія, по жестокомъ и чрезвычайно трудномъ и кровавомъ приступѣ, сдалась на акордъ *)... Истинно вашей милости объявляю, что черезъ всякое мнѣніе человѣческое **) сіе учинено, и только единому Богу въ честь и чуду приписать должно!»

Ни Нотебургъ, ни Орѣшекъ уже не существовали для Петра. Осматривая крѣпость съ своимъ штабомъ, Государь, обернувшись къ Меншикову, сказалъ: «Ну, Данилычъ, вотъ тебѣ дѣло: губернаторствуй здѣсь, возроди эти развалины въ знатную русскую крѣпость. Это вѣдь ключъ изъ Ладоги, съ самаго дальняго сѣвера, въ нашу, теперь, Неву родную, къ нашему собственному морю!» И тутъ же приказалъ прибить къ шпицу главной крѣпостной башни ключи, врученные ему разбитымъ Шлиппенбахомъ.—«Да будетъ отнынѣ эта крѣпость называться Шлюссельбургомъ, и да послужитъ она намъ твердою опорой къ заселенію мѣстности и покоренію всей дельты, подъ пяту русскаго владычества!»—«Аминь, аминь, аминь!» отвѣчали, крестясь, славные сподвижники,—птенцы гнѣзда Петрова.

Въ апрѣлѣ 1703 года Петръ снова самъ былъ уже въ Шлюссельбургѣ; казалось, силы его удесятирились. Часто, стоя передъ картой Балтійскаго побережья, онъ восторженно повторялъ, указывая на то мѣсто, гдѣ Нева вливается въ море: «сіи врата мои! черезъ

*) На извѣстныхъ условіяхъ.
**) Сверхъ ожиданія.

нихъ пройдетъ Россія на широкую дорогу просвѣщенія, богатства, славы!»—Войска стали понемногу подходить. «Торопитесь, Борисъ Петровичъ, грачи ужъ прилетѣли и въ гнѣзда засѣли», писалъ онъ Шереметеву, который, къ вскрытію Невы, былъ уже на мѣстѣ. Виніусъ, вернувшись изъ Сибири, усердно лилъ пушки въ Новгородѣ, переправляя ихъ Волховомъ и Ладогой къ новой крѣпости, которую строилъ ученый иностранецъ Ламбертъ. Кромѣ десятковъ тысячъ солдатъ, на работы были созваны крестьяне со всего сѣвера. Это—древній русскій обычай: испоконъ вѣковъ, народъ сзывали на великокняжескія, царскія и церковныя работы. При Петрѣ, къ этому прибѣгали для постройки крѣпостей, городовъ и прокладыванія дорогъ. Государь былъ очень озабоченъ. За распутицей медленно подвозили провіантъ и лазаретные припасы, а на мѣстѣ, какъ зорко ни смотри, при такой уймѣ народа, не обойтись безъ больныхъ и увѣчныхъ. Великій Петръ, какъ и его державный родитель, на войнѣ самъ ходилъ за ранеными. Всѣ дивились, какъ ловко онъ дѣлалъ перевязки, внимательно слѣдя за дѣятельностью врачей.—И жить, и умирать съ такимъ Царемъ было легко всякому честному труженику, на русской землѣ!

Позднею ночью усталый возвращался Государь въ свою ставку. Тамъ, на берегу Невы у Красныхъ сосенъ, Ягужинскій долженъ былъ приготовлять ему для прочтенія государственныя дѣла. Все спитъ кругомъ! Утихли крѣпостныя работы, заснули усердные труженики. Одинъ онъ не спитъ, отецъ родной земли, читаетъ, пишетъ, рѣшаетъ дѣла, двигаетъ, направляетъ жизнь своего необъятнаго царства. Рядомъ за стѣнкой, на походной кровати прилегъ Ягужинскій,

ему не спится! Жаль Царя-Батюшки, мірового труженика. А нельзя было не подать привезенныхъ бумагъ: осерчалъ бы, пожалуй, еще дубинкой попотчивалъ!— И заснулъ на этой заботливой мысли до упаду уставшій юноша молодецкимъ, здоровымъ сномъ. Царь же все сидѣлъ да трудился за своимъ рабочимъ столомъ: все читалъ, писалъ, обдумывалъ. Ранешенько вскочилъ Ягужинскій. Чу! до его слуха доносится все тотъ же знакомый скрипъ пера. «Что-жъ это такое? Онъ, кажись, и не ложился? а день ужъ занялся. На дворѣ совсѣмъ свѣтло». Встревоженный денщикъ натянулъ кое-какъ свой камзолъ и тихошенько пріотворилъ дверь. Государь милостиво поздоровался съ своимъ любимцемъ.—«На, неси-ка Виніусу эту цедулку. Онъ вчера пріѣхалъ, я же погорячился, сразу обидѣлъ старика, а вышло-то вотъ, по его: бумаги присланы во время. Такъ вотъ я у него прощенія прошу, пусть старина не серчаетъ!»—«Гдѣ ему серчать, Государь? онъ тебя безъ ума любитъ».—Потомъ вздохнувъ, несмѣло, негромко спросилъ, косясь на несмятую постель: «Да ты, родимый, за ночь-то нисколечко не отдохнулъ?»—Царь улыбнулся.—«Ходилъ смотрѣть, какъ мой Павлуша похрапываетъ!» Юноша вспыхнулъ и, чуть не со слезами, началъ извиняться.— «Что ты, что ты, перекрестись, паренекъ! Я бы осерчалъ, если бы ты смѣлъ не спать по почамъ. Да и самъ я крѣпко всхрапнулъ вотъ тутъ, за столомъ». Недовѣрчиво посмотрѣлъ денщикъ на столъ, потомъ на лицо Великаго Монарха и со словами: «прикажу однимъ духомъ принести тебѣ горяченькаго», побѣжалъ исполнять царскій наказъ. Не успѣлъ Государь еще вымыться и переодѣться, какъ услышалъ шаги и голоса у ставки. «Кто тамъ? что тамъ?» спра-

шивалъ онъ нетерпѣливо, подходя къ выходу. Веселые, довольные чуть не ворвались къ нему. Шереметевъ, Виніусъ, Меншиковъ, за ними преображенцы: Нейдгардъ и Глѣбовскій.—«Государь! преображенцы разгромили бастіонъ подъ Ніеншанцемъ!» *) заговорилъ радостно первый.—«Это вмѣсто рекогносцировки-то?» **) добродушно спросилъ Государь. Нейдгардъ выступилъ впередъ и очень обстоятельно сталъ доносить, какъ онъ, съ своимъ отрядомъ, спустился внизъ по Невѣ, осмотрѣлъ всю мѣстность праваго берега и, никѣмъ не замѣченный, пользуясь мглою сѣверной ночи, подошелъ къ самымъ бастіонамъ Ніеншанца. Тутъ ужъ онъ не смогъ удержать своихъ молодцовъ. Они бросились проучить крѣпко спавшаго врага. Всѣхъ перебили, пушки заклепали и рвались ужъ дальше, крѣпость брать: но Глѣбовскій и онъ, точно помня порученіе—сдѣлать только рекогносцировку—собрали отрядъ и, невредимые, вернулись въ лагерь, принося повинную Царю-Батюшкѣ, за ослушаніе.—«Да повинную голову и мечъ не сѣчетъ!» довольнымъ голосомъ отвѣтилъ Государь, расцѣловавъ храбрецовъ-офицеровъ, а солдатъ приказалъ угостить на своей царской кухнѣ и поднести имъ царскаго вина. Потомъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовали и герои дня, молодые преображенскіе офицеры. Было рѣшено строить траншеи, возводить батареи кругомъ крѣпости и готовиться взять ее приступомъ; на теперешній же Гутуевскій островъ былъ посланъ десантъ ***), чтобы зорко смотрѣть, не покажется ли съ моря под-

*) Укрѣпленіе при впаденіи р. Охты въ Неву.
**) Развѣдка.
***) Высадка войска.

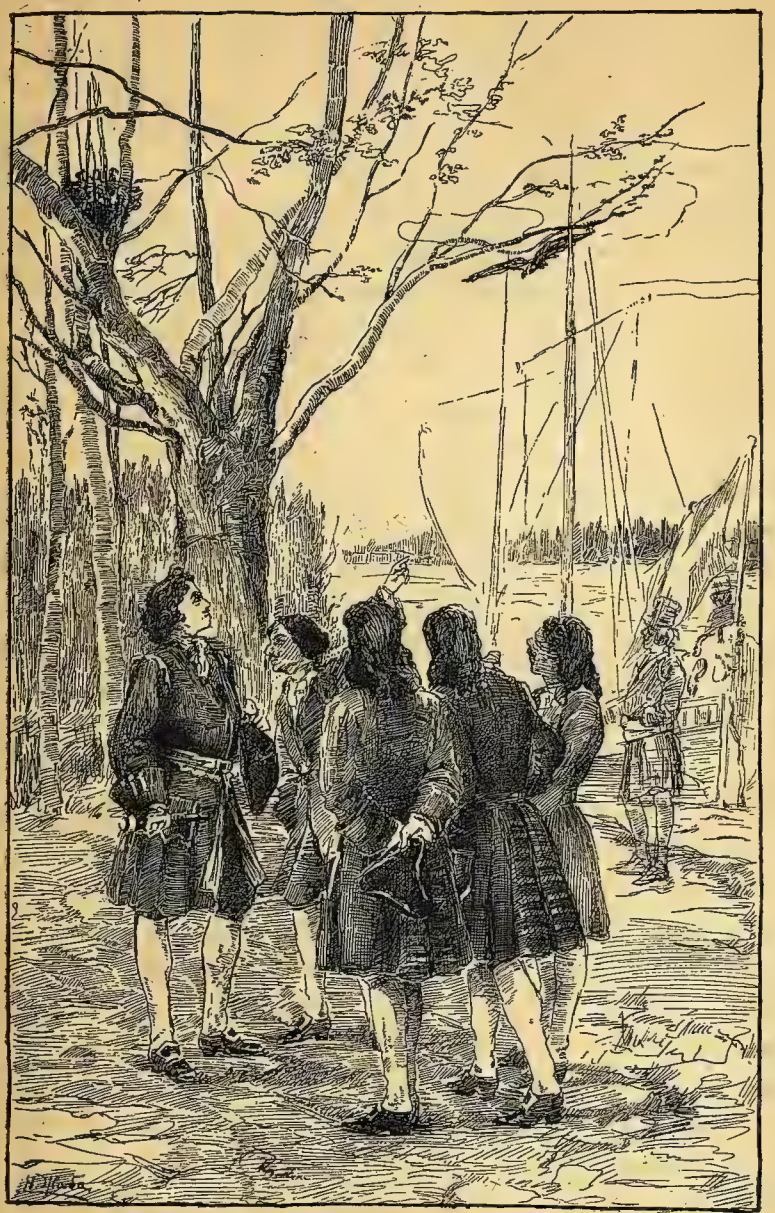
крѣпленіе для осажденныхъ. Все было готово къ штурму. Обѣ стороны ясно понимали, что не устоять крѣпости передъ могучимъ напоромъ. Петръ, однако, все медлилъ:—жаль ему обрекать на вѣрную смерть—даже враговъ! Онъ послалъ осажденнымъ предложеніе сдаться на честныхъ, не унизительныхъ условіяхъ. Но всегда кичливые шведы не хотѣли склонить головы. Признать себя побѣжденными, уступить русскимъ,—нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ сдача. И они палили, не сдаваясь.—«Да чего-жъ это мой порохъ они изводятъ! сыплютъ моими зарядами! Наше вѣдь все это добро, оно должно намъ достаться! Нѣтъ, Борисъ Петровичъ, грохни-ка ты, да такъ, чтобы замолчали!»—И, послушная волѣ Царя, русская артиллерія принялась жарить изъ всѣхъ орудій. Имъ отвѣчали всѣ восемьдесятъ шведскихъ пушекъ. Казалось, небо и земля застонали отъ сотрясенія. Лѣса Ингерманландіи дрогнули отъ корней до маковокъ. Стонъ стоялъ надъ дрожавшею землею. Волны Балтики широко заколыхались, и могучая Нева присмирѣла вмѣстѣ съ бурною Ладогой, почуя своего прирожденнаго владыку-великана. Вотъ засверкало сквозь дымъ красное пламя. Огненные языки прорвались въ разныхъ концахъ крѣпости, и боръ сосновый, и вся Нева, покрытая русскою флотиліей, озарились зловѣщимъ пламенемъ пожара.

Вдохновенно стоялъ Петръ на своемъ укрѣпленіи. Онъ видѣлъ, какъ безвредно для его солдатъ погибалъ непріятель. Его волновало упрямство шведа.—«Все добро изведетъ!» ворчалъ онъ, переходя отъ одного орудія къ другому, часто самъ направляя прицѣлы. Ягужинскій, какъ тѣнь, слѣдовалъ за нимъ.—«Отбой, Государь, я слышу отбой!» закричалъ онъ

радостно.—«И впрямь, отбой», замѣтилъ Государь, снимая шляпу, и набожно перекрестился.—«Эхъ! уши-то у тебя, что и глаза молодые», замѣтилъ онъ, отъ радости обнимая своего любимца. Ворота крѣпости отворились, на спущенномъ мосту показалась группа офицеровъ.—«Ну, давно пора», замѣтилъ Царь, милостиво принимая заложниковъ, и приказалъ скорѣе писать, только не тяжелыя для побѣжденныхъ, условія мира. Его великодушная душа раскрылась милосердію. Онъ достигъ того, чего желалъ такъ пламенно, столько лѣтъ. Теперь, куда ни кинуть взоръ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ его лагерь, все принадлежало ему. Дельта Невы—русская дельта! Новый свѣтъ засіялъ для родной страны. И новымъ свѣтомъ милосердія блеснули его орлиныя очи. Ягужинскій пишетъ, а онъ самъ диктуетъ условія: позволяетъ выйти изъ крѣпости съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ; жителямъ даетъ возможность, не торопясь, уложиться и вывезти личное свое имущество, амуницію, четыре желѣзныя пушки; соглашается на просьбу побѣжденныхъ и направляетъ ихъ не въ Нарву, а прямо въ Выборгъ.—«Да смотри, строго повтори нашимъ молодцамъ, чтобы и пальцемъ не тронули чужого добра».—Великъ онъ былъ, нашъ Петръ родной! Не сравнить его ни съ однимъ изъ извѣстныхъ героевъ древности.—Онъ былъ христіанскій православный герой! Вечеромъ того же 1-го мая, Государь обходилъ свое новое пріобрѣтеніе. Ничто не ускользало отъ его геніальнаго вниманія.—«Вонъ тамъ, думаю я, хорошо будетъ заложить артиллерійскій паркъ», сказалъ онъ Трезини, испанцу по происхожденію, знатоку въ артиллерійскихъ наукахъ, указывая на теперешнюю Выборгскую

сторону. Ламбертъ замѣтилъ, что надо бы осмотрѣть поближе всю мѣстность по теченію рѣки.—«Ну, конечно, завтра-же, съ восходомъ солнца мы отправимся», вымолвилъ Государь, а потомъ прибавилъ: «трудновато будетъ работать здѣсь лѣтомъ: ужъ очень мало времени даетъ солнышко на отдыхъ!»—«За то, какъ много для работы», вкрадчиво замѣтилъ иностранецъ.—«Вотъ мы и будемъ пользоваться, будемъ работать!..» сказалъ Государь.—На другой день маленькая флотилія прослѣдовала большою Невой до самаго взморья, потомъ по всѣмъ лабиринтамъ многочисленныхъ рукавовъ мимо теперешняго Васильевскаго острова, Елагина, Каменнаго, Крестовскаго, Выборгской и Петербургской стороны, и остановилась, по приказу Петра, у маленькаго острова, носившаго тогда названіе Іени Соори, или Заячій.—«На этомъ островку надо возводить крѣпость», заговорилъ Государь, внимательно обходя островокъ. «Кругомъ вода,—рвовъ не надо будетъ копать, выигрывается и время и трудъ. Мимо же, даже лодкѣ, не только вражьему кораблю, не пробраться незамѣченнымъ. По другимъ же рукавамъ нѣтъ ходу,—мелководье. Весь городъ построю на островѣ Хирвасари,—теперешній Васильевскій,—а на лѣвомъ берегу разведу огородъ,—т. е. садъ *),—да съ помощью Божіей и туда современемъ перекину городъ», договорилъ онъ, снявъ шляпу и набожно крестясь на востокъ. — «Государь-Батюшко-Царь!» закричалъ неистово Ягужинскій: «смотри вверхъ, на небо смотри—знаменіе-то какое!» Всѣ подняли головы и въ благоговѣйномъ удивленіи сняли шляпы. «Что тамъ?» удивленно спросилъ Петръ, смотря,

*) Лѣтній садъ.



Смотри вверхъ, на небо смотри—знаменіе-то какое! О Господи, какое чудное знаменіе! (Къ стр. 66—67).

какъ и всѣ, на верхъ.—Высоко, въ небесахъ виднѣлась огромная, черная точка. Она спускалась, плавно колыхаясь въ воздухѣ, и точно остановилась на мгновеніе прямо надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ Государь.—«Орелъ, царь-птица», заговорили кругомъ.—«Надъ твоей головой парúтъ онъ, Государь!» твердилъ въ восторгѣ Ягужинскій. «Это — знаменіе свыше! такой же орелъ кружился надъ Цезаремъ, когда онъ переходилъ Рубиконъ».—«Какой полетъ-то могучій», тихо выговорилъ Петръ.—«Твой полетъ, Царь-Батюшко», сказали окружающіе.—«А вонъ и гнѣздо на деревѣ», замѣтилъ Меншиковъ. Огромная шайка, громаднѣе всѣхъ аистовыхъ гнѣздъ, чернѣла въ дали, на высочайшемъ деревѣ, окруженномъ вѣковыми гигантами, на которыхъ только что начинали распускаться свѣжіе зеленые листья.—«Смотрите, орлица съ орленками въ гнѣздѣ», продолжалъ Ягужинскій.—«Ну, и мы съ тобой постараемся свить здѣсь орлиное гнѣздо храбрецовъ, защитниковъ моей новой столицы!» весело сказалъ Государь: «и да стоитъ оно, крѣпкое, нерушимое, пока земля стоитъ, пока солнце по небу ходитъ!»—И, взявъ у стоявшаго тутъ же матроса кортикъ, Государь вырѣзалъ имъ два куска дерна и положилъ ихъ крестомъ; потомъ срубилъ дерево, вырубилъ изъ него крестъ, вставилъ въ дерновый крестъ и выговорилъ: «быть на семъ мѣстѣ соборному храму! Ну, Данилычъ, пиши-ка въ Новгородъ. Пусть владыко митрополитъ прибудетъ сюда, къ Петрову дню, со всѣмъ своимъ освященнымъ клиромъ и благословитъ закладку этой церкви, во имя первопрестольныхъ апостоловъ Петра и Павла, среди очертаній новой крѣпости, служащей основаніемъ

и оплотомъ новой нашей столицы—Санктъ-Петербурга.

Орелъ крыломъ своимъ могучимъ
Брега Балтійскіе одѣлъ
И, будто громъ сквозь тучи,
Предрекъ грядущихъ счастье дней,
Паденье шведской славы, среди Эстоніи полей.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Н. Полевой.* Исторія Петра Великаго.
2) *П. И. Петровъ.* Исторія Петербурга, изд. 1885 года.

Ночь на Невѣ.

Съ 6-го на 7-ое мая 1703 года.

ПОЛНАЯ тишина царила надъ испепеленной крѣпостью Ніеншанцъ. Сѣверная сырая, туманная ночь медленно спускалась на землю. По небу носились отрывки темныхъ тучъ; далеко, на морѣ, пожалуй, и гуляла буря, только неопытному уху русскихъ солдатъ это было не вдомекъ. Кое-какъ они уже размѣстились, ютясь въ развалинахъ. Государь устроился въ неразрушенномъ углу стѣны, въ казематѣ. Усталъ онъ отъ послѣднихъ трудовъ. Многихъ заботъ и усилій стоило ему взятіе крѣпости: отдохнуть захотѣлось. Никого и близко не подпускаетъ къ его опочивальнѣ вѣрный денщикъ—Павлуша Ягужинскій. Да и самому было не въ мочь! собрался юноша растянуться и всхрапнуть вплотную. Вдругъ ему почудилось, что кто-то осторожно, тихошенько тронулъ засовъ входной двери. Онъ насторожился,—прислушался. Замокъ опять шевельнули.—«Что тамъ?» едва слышно спросилъ Ягужинскій.—«Это я», также тихо отвѣчали

снаружи. Задвижка подалась подъ осторожной рукой денщика, и на порогѣ показался самъ шлюссельбургскій губернаторъ.—«Привели наши, съ сторожевого поста, плѣнныхъ шведскихъ матросовъ. Сказываютъ, что въ устьяхъ Невы стоятъ шведы», шепотомъ передавалъ Александръ Даниловичъ.—«Ну ихъ! не дадутъ ему, родному, и соснуть покойно», ворчалъ денщикъ.—«Какой ужъ тутъ сонъ, пожалуй, самъ захочетъ видѣть плѣнниковъ», замѣтилъ Меншиковъ. Со вздохомъ, почесывая затылокъ, подошелъ Ягужинскій къ дверямъ опочивальни. Но не успѣлъ онъ дотронуться до ручки, какъ Петръ былъ уже на ногахъ, самъ отворяя дверь.—«А, Данилычъ! съ чѣмъ пожаловалъ»?—«Вѣстовые привели плѣнныхъ шведскихъ матросовъ, Государь! Говорятъ, что въ устьяхъ Невы встали два ихъ фрегата!»—«Добро пожаловать! Это они свою крѣпость пришли защищать!» весело заговорилъ Петръ. Ни сна, ни усталости, какъ не бывало. «Дорогихъ гостей мы ужъ отъ себя теперь не выпустимъ, зададимъ имъ праздникъ на славу. Зови сюда и вѣстовыхъ и плѣнниковъ!» Съ помощью переводчика, соображаясь и съ замѣчаніями солдатиковъ, Государь внимательно разспрашивалъ плѣнныхъ шведовъ. Изъ ихъ сбивчивыхъ отвѣтовъ выяснилось, что они рѣшительно ничего не знали о взятіи крѣпости, пока не попали, подъ русской стражей, на ея развалины. Шведскій флотъ на взморьѣ и теперь, конечно, въ полномъ невѣдѣніи о случившемся, какъ и высланные въ устья Невы два фрегата, шнява «Астрэль» и ботъ «Геданъ», которые ждутъ лоцмановъ, чтобы подняться къ крѣпости.—«Вотъ мы и пошлемъ лоцмановъ, и приведемъ дорогихъ гостей самымъ надежнымъ обра-

зомъ по фарватеру, къ самой крѣпости», говорилъ Петръ. Приказавъ отвести плѣнниковъ съ надежнымъ конвоемъ подъ арестъ, онъ подозвалъ своихъ любимцевъ къ столу, на которомъ лежала карта окрестностей Невы и сказалъ: «Ты, Павлуша, сбѣгай, скажи преображенцамъ, чтобы скорешенько садились на пятнадцать карбасовъ; я поведу ихъ Невой, вотъ до этого мѣста!»—Онъ указалъ на теперешнюю биржевую стрѣлку. «Тутъ повёрну вотъ сюда!»—продолжалъ Государь, ведя рукой по Малой Невѣ вокругъ Васильевскаго острова. «Когда же настанетъ минута,—пущу ракету, и ты, Данилычъ, съ семеновцами, явишься мнѣ на подмогу!» Какъ статуя, стоялъ любимецъ, глазъ не спуская съ карты и дожидаясь дальнѣйшихъ объясненій.—«Посади ихъ на другіе пятнадцать карбасовъ и плыви Кемей, *) до этой деревушки, тамъ причаль къ этому островку **) и жди ракеты!» Вѣсть о ночной экспедиціи вызвала радостное возбужденіе во всемъ лагерѣ. Всѣ весело засуетились, и выборные смѣльчаки изъ обоихъ полковъ съ восторгомъ пошли за Царемъ, вполнѣ понимая, что идутъ на опасное, удалое дѣло, на смерть за родину, съ Царемъ!

Догорающіе лучи вечерней зари съ трудомъ пробивались изъ-за тучъ, сильный вѣтеръ носилъ ихъ по хмурому небу и поднималъ пѣнистыя волны могучей рѣки, когда флотилія смѣльчаковъ поплыла внизъ по теченію. Семеновцы поплыли по Кемей и тихо, лодка за лодкой, пробирались, не шумя, среди камышей, до самаго болотистаго островка. Меншн-

*) Теперешняя Фонтанка.
**) Названный Галернымъ.

ковъ стоялъ на носу передового карбаса, зорко вглядываясь въ туманную даль. Тамъ, далеко, въ самомъ устьѣ Невы, виднѣлось что-то громадное, черное. Какъ тѣни, чуть дыша, вышли храбрецы на плоскій берегъ, обросшій низкимъ кустарникомъ. Всѣмъ дали по чаркѣ пѣнника, строго на строго запретивъ поднимать голосъ, чтобы по водѣ, да по вѣтру не донесло чего, ненарокомъ, до вражьихъ судовъ. Не чуяли шведы, какая гроза на нихъ надвигалась. Костровъ, конечно, не разводили, да и дождь бы помѣшалъ огню загорѣться. Людямъ позволили прилечь пока, до разсвѣта. Меншикову не спалось! Хоть онъ и укутался въ толстый коверъ, но ухомъ лежалъ на землѣ,—прислушиваясь, не донесется ли какого подозрительнаго шороха.—Чу!—гдѣ-то скрипнулъ перепелъ! Данилычъ вскочилъ, передъ нимъ стоялъ солдатикъ, посланный на развѣдки.—«Какъ будто что-то шевелиться начинаетъ на фрегатахъ», докладывалъ онъ шепоткомъ, «точно собираются утекать! Видно, опаска взяла, что матросы не возвращаются съ развѣдокъ!»—«А ракеты что-то не видать», разсуждалъ Александръ Даниловичъ, «однако пора подниматься, вонъ какъ будто свѣтать начинаетъ. Вставай, ребятушки! надо быть на готовѣ!» Офицеръ прочиталъ краткую молитву, всѣмъ роздали опять по чаркѣ водки. Бравый командиръ, обойдя храбрецовъ, сказалъ имъ внушительно: «Не на шуточный бой ведетъ насъ Царь-Государь! Придется многимъ лечь за него и родину святую! Тѣ же, что останутся въ живыхъ, пусть разнесутъ по своимъ домамъ славную вѣсть о доблестной смерти товарищей, героевъ! Дождемся царской ракеты и, какъ одинъ человѣкъ, двинемся съ преображенцами на вражьи суда!»—«Рады ста-

Въ эту минуту изъ-за кустовъ, съ противоположнаго берега Невы, по яснѣющему небу взвилась сигнальная ракета. «Идемъ впередъ, зоветъ родимый!» *(Къ стр. 73).*

раться», пробѣжало по рядамъ.—«Тише, молодцы, теперь съ Богомъ по ладьямъ!» Крестясь размѣщались солдатики, беззавѣтно, бодро, идя на явную смерть, по волѣ Великаго Царя. Въ эту минуту изъ-за кустовъ, съ противоположнаго берега Невы по яснѣющему небу взвилась сигнальная ракета.—«Идемъ впередъ, зоветъ родимый»! весело скомандовалъ Меншиковъ, садясь на передовой карбасъ, и полетѣлъ въ Неву съ той стороны, откуда никоимъ образомъ шведы не могли ожидать ненавистныхъ имъ русскихъ солдатъ. Флотилія Государя обогнула Васильевскій островъ. Шведы начали уже распускать паруса, пускаясь на утекъ, когда семеновцы налетѣли на невиданныя еще ими морскія чудовища. На Астрэлѣ было 14 пушекъ, на Геданѣ 10, и все-же шведскіе командиры растерялись: такъ неожиданно и лихо напали на нихъ русскіе смѣльчаки, налетѣвшіе со всѣхъ сторонъ въ своихъ утлыхъ ладьяхъ.—«Какъ бы улизнуть, взявъ курсъ къ морю», раздумывали шведы. Но тяжелыя суда должны держаться фарватера, а его-то уже занялъ самъ Петръ съ своими удальцами. Приходилось отбиваться. Съ тяжелой шнявы дали залпъ изъ всѣхъ орудій. Вода, воздухъ заколыхались, земля затряслась,—но ядра летѣли слишкомъ высоко и падали съ грохотомъ въ воду далеко, далеко, за русскими лодками, не причиняя имъ ни малѣйшаго вреда. Онѣ, точно пчелы, облѣпили вражьи суда, солдаты засыпали ихъ палубу градомъ ручныхъ бомбъ и бросились на абордажъ *). Государь съ топоромъ въ рукахъ, былъ впереди. Каждый его богатырскій взмахъ валилъ вра-

*) Рукопашный бой на двухъ сцѣпившихся судахъ.

говъ на право и на лѣво. Шведы бились съ остервенѣніемъ, бросаясь прямо на него. Но Божій избранникъ былъ неуязвимъ. Кругомъ валились груды тѣлъ на груды, смертью дышали преображенцы, дерясь бокъ о бокъ съ Батюшкой-Царемъ и очищая палубу отъ враговъ. Геданъ достался семеновцамъ. Они не отставали отъ своихъ товарищей; забравшись вслѣдъ за командиромъ на ботъ, они не оставили въ живыхъ ни одного врага. Съ Астрэли донесся звукъ побѣдной трубы.—«Довольно! ударить отбой!» послышалась звучная команда Петра. Государь не допускалъ напрасныхъ кровопролитій, онъ отличался необычайнымъ милосердіемъ къ безоружному врагу. Громкое «ура» побѣдителей было отвѣтомъ славному герою. Меншиковъ, весь въ дыму, сажѣ, мокрый (такъ какъ онъ свалился въ воду и только что былъ вытащенъ своими), перебрался съ Гедана и восторженно поздравлялъ побѣдоноснаго Царя. Порывисто, горячо обнялъ Петръ неизмѣннаго товарища своихъ побѣдъ, своихъ трудовъ.

Дымъ снова стоитъ надъ Невою. Пушки снова гремятъ со стѣнъ уже русскаго Ніеншанца. Но не бой возвѣщаютъ эти залпы, не смерть несутъ выстрѣлы: русская артиллерія, со стѣнъ взятой крѣпости, несетъ свой вѣрноподданный привѣтъ Царю-побѣдителю и его геройскимъ сподвижникамъ. На маленькихъ лодкахъ храбрецы-гвардейцы—не моряки—справились съ двумя морскими великанами. Вверхъ по теченію Невы двигалась тріумфальнымъ шествіемъ побѣдоносная флотилія. Весело смотрѣли молодцы-солдаты съ бортовъ плѣненныхъ судовъ. Они торопливо украсили ихъ по всѣмъ снастямъ разноцвѣтными флагами. Впереди, на носу отбитой шнявы,

стоялъ величественный Петръ. Онъ цѣлой головой возвышался надъ всей своей свитой. На Геданѣ виднѣлся Меншиковъ. Сзади плыли побѣдоносныя русскія лодки,—на нихъ остальная команда, свои и шведскіе раненые,—ни одного здороваго плѣннаго не было видно. На берегу побѣдителя встрѣтило полковое духовенство, высыпали изъ лагеря войска, потрясая воздухъ привѣтными кликами. Послѣ благодарственнаго молебствія, старшій изъ наличныхъ кавалеровъ россійскаго ордена Андрея Первозваннаго, Головинъ, по единогласному рѣшенію всѣхъ генераловъ и офицеровъ, возложилъ этотъ орденъ на главныхъ виновниковъ славной побѣды: капитана отъ бомбардировъ, русскаго Царя Петра Алексѣевича, и его вѣрнаго сподвижника, бомбардира поручика Александра Меншикова. Офицеры же и солдаты, участвовавшіе въ этомъ геройскомъ дѣлѣ, были награждены Государемъ медалью съ изображеніемъ морского сраженія, надъ нимъ, въ облакахъ, виднѣлась рука, держащая корону и пальмы. Внизу же стояла надпись:

«Небываемое бываетъ».

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи въ эпоху преобразованій. Т. XIV, гл. 4.
2) *Н. Полевой.* Исторія Петра Великаго. Т. II, разсказъ 8-й.

Полтавская битва.

27 іюня 1709 г.

ВЫСОКО стоитъ яркое солнышко на южномъ синемъ небѣ Россіи. Жарко, душно на поляхъ подъ Полтавой, 26 іюня 1709 года. Два стана раскинуты по широкой равнинѣ. Два великана привели свои арміи, чтобы рѣшить, кому изъ нихъ быть или не быть. Не хочетъ понять Шведскій король, Карлъ XII,

Что не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ.
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ и кичливъ,
Богъ вѣсть, какому счастью вѣритъ;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ—
Сломить ему свои рога!

Духъ зависти не даетъ покоя королю. Точитъ, мучитъ его, хуже раны, полученной при безумномъ наѣздѣ на русскій аванпостъ.

Почтительно окружаютъ шведскаго монарха старѣйшіе изъ его доблестныхъ сподвижниковъ. Онъ собралъ ихъ въ своемъ шатрѣ, чтобы отдать приказанія для предполагаемой битвы. Осторожно, разсудительно стараются они доказать своему вѣнценосному полководцу всю безразсудность желаемаго имъ боя. Они повторяютъ, что передъ ними

Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ, блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.

Карлъ повторялъ свое: «Увидите, они сдадутся при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ съ нашей стороны».—«А я думаю», сказалъ Гилленкрокъ, «что они будутъ биться до послѣдней крайности. Захотятъ подражать своимъ братьямъ, арміи Голицына, и попробуютъ разбить насъ, какъ разбили уже Левенхаупта».—«Мы даже Полтаву не могли взять», точно извиняясь, говорилъ Рейншельдъ: «а тамъ командовалъ только полковникъ Келлинъ.—«Мнѣ досадно, что до сихъ поръ не удалось помѣряться силами съ самимъ Петромъ. По крайней мѣрѣ, я бы лично отплатилъ ему за эту случайную побѣду!» воскликнулъ Карлъ.—«Этотъ несчастный, полный разгромъ нашихъ силъ очень ободрилъ русскихъ», замѣтилъ Рейншельдъ.—«И всѣ запасы истреблены», прибавилъ Пеперъ.—«Наше пораженіе въ конецъ убило довѣріе козаковъ къ нашей силѣ. Они громко выражаютъ свою преданность Московскому Царю. Мазепа привелъ намъ на помощь только 7000 войска,—остальное не пошло за нимъ. Въ церквахъ духовенство торжественно проклинаетъ нашего союзника, называя его измѣнникомъ. Слыхать, что Царь

то ужъ здѣсь, что, по его распоряженію, возведены замѣчательные окопы», вставилъ кто-то изъ свиты, «прилетѣлъ чуть не изъ подъ Азова. Теперь въ вражьемъ станѣ всѣ лучшіе ихъ люди собраны: и Брюсъ, и Шереметевъ, и Меншиковъ. По слухамъ, готовятся къ атакѣ, на 29-е іюня.—«А! хотятъ ознаменовать русскій праздникъ, Петровъ день!» вспылилъ Карлъ: «такъ нѣтъ же, этого не будетъ! Я не хочу, чтобы было по его! Поручаю Вамъ, фельдмаршалъ Рейнскіольдъ, принять, вмѣсто меня, начальство надъ нашими силами. Завтра, чуть свѣтъ, атакуйте русскій лагерь; подробныя диспозиціи Вамъ не нужны: Ваша опытность, Ваши знанія не требуютъ указаній. Ну, а въ ожиданіи побѣды позволяю себѣ пригласить всѣхъ васъ ко мнѣ на пиръ, въ московскій обозъ», любезно прибавилъ самонадѣянный боецъ, повелительнымъ движеніемъ руки распуская свой военный совѣтъ. Понуря головы, одинъ за другимъ, оставили ставку своего короля дѣйствительно храбрые и опытные воины. У нихъ не было недостатка въ мужествѣ или знаніи. Старые храбрые бойцы,—они любили брань и сѣчу, но ихъ не отуманивалъ грѣхъ самомнѣнія. Они чутьемъ старыхъ, навыкшихъ борцовъ понимали русскаго вождя! знали, какъ несокрушима сила арміи, идущей за вѣру, родину, Царя! Внутренній голосъ говорилъ, что они начинаютъ неравный бой, на вѣрную гибель ведутъ свои полки. Честный Гилленкрокъ отъ Карла пошелъ къ Пиперу, умоляя его попробовать еще разъ употребить свое вліяніе на Карла. Но тотъ отвѣчалъ: «Вы такъ же хорошо знаете короля, какъ и я; вы знаете, что если онъ разъ принялъ какое нибудь рѣшеніе, то ужъ нѣтъ никакой возможности заставить его отказаться». Не-

Что-то кралось, пригибаясь низко къ землѣ, по направленію къ русскому лагерю. Часовой насторожился,—щелкнулъ курокъ. «Тише, землякъ, не шуми, погоди!» *(Къ стр. 79).*

смотря на это, добросовѣстный Пиперъ попробовалъ еще убѣдить упрямаго Карла.—«Если бы, въ эту минуту, ангелъ Божій сошелъ съ неба и приказалъ мнѣ согласиться съ вами, я и тогда бы не уступилъ!» былъ рѣзкій отвѣтъ.—Нечего было дѣлать, долгъ прежде всего! И шведскіе генералы, покорные волѣ монарха, еще разъ зорко осмотрѣвъ мѣстность, опытной рукой сдѣлали послѣднія распоряженія для рѣшительнаго боя. Станъ погрузился въ послѣдній покой. Южная темная ночь спустилась надъ спавшей землей, окутывая непроглядным покровомъ все видимое пространство. Изъ за шведскихъ палатокъ отдѣлилась едва замѣтная точка. Что-то кралось, пригибаясь низко къ землѣ, по направленію къ русскому лагерю. Часовой насторожился, щелкнулъ курокъ.—«Тише, землякъ, не шуми, погоди», съ передышкой, не вставая съ земли, заговорила черная фигура.—«Такъ и ты лежи, не шелохнись, а то пристрѣлю», внушительно заявилъ часовой.—«Мнѣ до Царя бы надо».—«Вона—какое слово вымолвилъ», ворчалъ часовой, стоя съ взведеннымъ куркомъ: «говорятъ тебѣ пришибу, не дохни, лежи, не двигайся съ мѣста».—«Да нужда у меня къ Царю, во-какая!» продолжалъ молить, конечно, не шевелясь, неизвѣстный. Подходящій патруль, на счастье, разрѣшилъ недоразумѣніе. Человѣка подняли, допросили, обыскали и, убѣдившись, что онъ безоруженъ, исполнили его просьбу: довели до царской ставки. Петръ сидѣлъ, окруженный своими славными птенцами. Тутъ были «и Шереметевъ благородный, и Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ, и, счастья баловень безродный, полудержавный властелинъ». Именно этому послѣднему, любимцу, Петръ поручилъ свою южную армію съ зимы 1707—8 г.

Не вѣрилъ еще тогда Царь доносамъ, предупреждавшимъ его объ измѣнѣ малороссійскаго гетмана, Мазепы, но зналъ, что шведскій герой и ловокъ, и храбръ, пока—не побѣдимъ. Лично оберегая нарождающійся Петербургъ, Петръ довѣрилъ охрану Малороссіи способнѣйшему своему сподвижнику, и не даромъ. Данилычъ замѣчательно умно воспользовался минутой, когда Мазепа 29 октября 1708 г. раскрылъ свои намѣренія, присоединивъ свои войска къ арміи Карла. Уже 31 Батуринъ (столица Мазепы) былъ взятъ русскими. Малоросія дрогнула изъ конца въ конецъ, встрепенулась, какъ одинъ человѣкъ, отпала отъ своего вѣроломнаго гетмана. Духовенство, неся высоко знамя Православія и сохраняя нераздѣльную съ нимъ вѣрность русскому Царю, съ высоты церковнаго амвона, предало анаѳемѣ отступника отъ родинны святой. Выбранъ былъ новый гетманъ Скоропадскій, и малороссійскіе крестьяне принялись за народную войну, что значительно подтачивало шведскія силы. Осторожный Петръ велъ обдуманно свое дѣло. Изъ Петербурга онъ слеталъ въ Воронежъ, Азовъ, осмотрѣлъ, взвѣсилъ свои силы, чтобы оберечь окраины, отъ вторженія турокъ и татаръ, и тогда только явился въ станъ Меншикова, подъ Полтавой. И вотъ въ ставкѣ, ночью на 27 іюня, отдаетъ онъ своимъ генераламъ послѣднія приказанія передъ боемъ. Всѣ они внимали геніальнымъ распоряженіямъ своего Царственнаго вождя, указывавшаго по картѣ, какъ и гдѣ разставить полки. Въ это время къ говорившимъ осторожно подошелъ Ягужинскій. Онъ шепотомъ передалъ Шереметеву, что патруль привелъ перебѣжчика. Государь своимъ чуткимъ слухомъ уловилъ слова любимаго денщика и приказалъ обстоятельно все разспро-

сить и доложить, въ чемъ дѣло. Оказалось, что это былъ бѣглый казакъ, изъ войска измѣнника Мазепы. Никакъ не могъ онъ поднять оружіе на русскихъ, братьевъ своихъ по вѣрѣ; этотъ преданный слуга Государя рѣшился подъ прикрытіемъ ночи, хоть ползкомъ, да пробраться въ русскій лагерь, дойти до Царя и предупредить о готовившейся на утро атакѣ. «Слава Богу», сказалъ Петръ, «мы готовы встрѣтить непріятеля».

Чуть-чуть начала заниматься заря, какъ безъ шума, точно шевелящіяся тѣни, начали подниматься русскія рати. Передъ рядами арміи былъ прочитанъ безсмертный приказъ Царя-вождя: «*Воины, пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества: вы должны помышлять, что сражаетесь не за Петра,—но за государство, Петру врученное, за православную нашу вѣру, за церковь, за родъ свой, за отечество. Не должна васъ смущать слава непобѣдимости непріятеля, которой ложь вы доказали не разъ своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, защитника нашего, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога! жила бы только Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея*». Съ этими вдохновенными словами, великій въ своемъ христіанскомъ смиреніи, Царь-самодержецъ обратился къ полкамъ, имъ самимъ обученнымъ, имъ самимъ собраннымъ, на защиту отъ врага-иновѣрца и измѣнника-подданнаго.

Около 5-ти ч. утра непріятель подошелъ къ нашимъ позиціямъ.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Клубами всходитъ къ небесамъ

Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ,
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Русскимъ центромъ командовали Шереметевъ и Рѣпнинъ, правымъ крыломъ Ренъ, лѣвымъ Меншиковъ, артиллеріей Брюсъ. Государь же, во главѣ одного только полка, былъ всюду впереди. Тамъ, гдѣ огонь становился сильнѣе, гдѣ чаще свистѣли пули, тамъ являлся онъ, на своемъ боевомъ конѣ, исторической Лизетѣ. Шальная пуля пробила его шляпу, другая чуть не ранила его въ грудь, но отлетѣла, ударившись о золотой, толстой тѣльный крестъ, который Петръ постоянно носилъ. Это было благословеніе смиреннаго инока съ Аѳонской горы. Этотъ крестъ и теперь показываютъ въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ.

Къ 11 часамъ утра шведы потерпѣли пораженіе на всѣхъ пунктахъ. Великій Петръ торжествовалъ полную побѣду надъ опаснымъ врагомъ. Онъ отстоялъ свою Россію и отъ иноземнаго вторженія и отъ внутреннихъ измѣнниковъ, упрочивъ въ глазахъ Европы значеніе восточнаго, православнаго колосса. Когда непріятель былъ прогнанъ съ поля сраженія, Государь приказалъ своей побѣдоносной арміи построиться впереди лагеря. Приготовили аналой, духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ отслужило благодарственный молебенъ и русскіе чудо-богатыри, съ своимъ Царственнымъ вождемъ, смиренно преклонили колѣни, благодаря Всевышняго Вождя за дарованную побѣду надъ лютымъ врагомъ. Послѣ молитвы Государь съ непокрытою головою объѣхалъ ряды, благодаря за храбрость и понесенные труды, а въ царскихъ шатрахъ былъ устроенъ пиръ въ честь славныхъ сподвижниковъ Петровыхъ. Государь пригласилъ также и шведскихъ плѣнныхъ генераловъ и офицеровъ раздѣлить съ нимъ русскую хлѣбъ-соль.

Пируетъ Петръ. И гордъ и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

На этомъ пиру, среди плѣнныхъ были удрученные горемъ Пипперъ и Реншельдъ. Государь сердечно, ласково обошелся съ ними и подарилъ послѣднему свою шпагу. На другой день приступили къ погребенію

тѣлъ павшихъ въ Полтавскомъ бою героевъ. Самъ Царь водрузилъ на общей могилѣ крестъ съ надписью: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся. Лѣта воплощенія Бога—Слова 1709-го, іюня 27 дня».

ИСТОЧНИКИ:

1) Проф. *С. Ѳ. Платоновъ.* Лекціи по Русской Исторіи.

2) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи. Т. III. Царствованіе Петра Великаго.

3) Составленный *Леромъ* для военно-учебныхъ заведеній,—Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра до нашихъ дней.

4) *Пушкинъ.* Строфы изъ поэмы «Полтава».

Русскіе на Прутѣ.

11 іюля 1711 года.

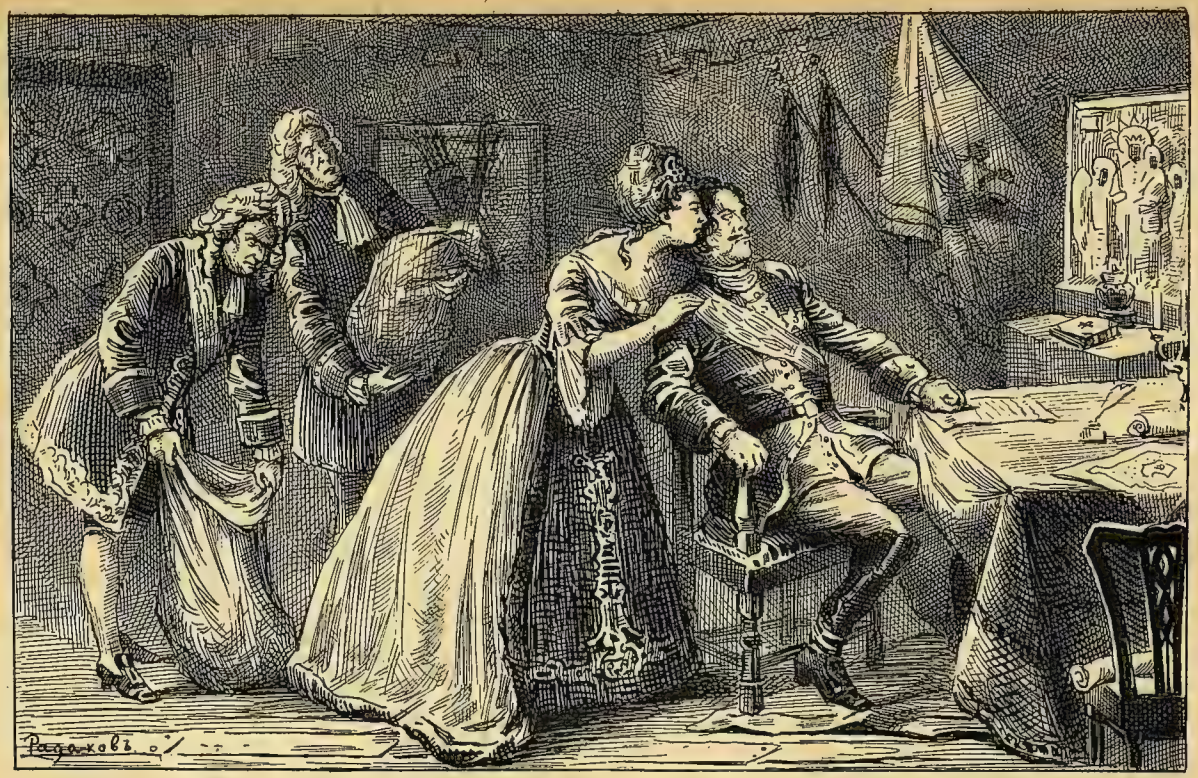
ФРАНЦУЗСКІЙ писатель Сегюръ въ своей исторіи Россіи яркими красками рисуетъ грустную страницу славнаго царствованія нашего великаго Царя. «11 іюля 1711 года», говоритъ онъ, «въ пустынной равнинѣ Молдавіи, на рѣкѣ Прутѣ, стоялъ отрядъ отборныхъ русскихъ войскъ, любимые полки Петровы, носители зарождающагося величія молодого государства. Хотя, при всѣхъ стычкахъ съ сильнѣйшемъ непріятелемъ, они оставались побѣдителями, но люди были совершенно истощены тяжелыми переходами, недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ и боевыхъ снарядовъ. Всегда предусмотрительный, осторожный, царственный вождь на этотъ разъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе, вслѣдствіе неисправности и двуличности своихъ союзниковъ—поляковъ и господарей—молдавскаго Кантемира и Валахскаго Бранкована». Послѣ Полтавскаго погрома, Карлъ бѣжалъ въ Турцію и, поселив-

шись въ Бендерахъ, употребилъ все свое умѣнье, излилъ всю клокотавшую въ душѣ его злобу, чтобы поссорить султана съ русскимъ Царемъ. Война была объявлена, но союзники не выполнили своихъ обязательствъ, и русскій отрядъ былъ окруженъ въ пять разъ сильнѣйшимъ непріятелемъ *) Казалось, насталъ послѣдній день, закатывалась заря молодого, чуть начавшаго жизнь государства!

Петръ заперся въ своей ставкѣ. Онъ скрылся отъ глазъ ближайшихъ своихъ сподвижниковъ. Не желая, чтобы даже любимая супруга видѣла терзанія его страдальческой души, онъ отказался отъ ея цѣлительной, нѣжной ласки, которая одна облегчала его острыя, нервныя страданія. Одному Богу извѣстны тѣ мученія, которыя терпѣлъ Его помазанникъ! Но пусть не торжествуетъ злоба, пусть подождетъ злорадствовать коварство! Какъ ни измученъ, подавленъ великанъ, все же онъ изъ ставки вынесетъ одно великое! Этотъ искусъ страданія—необходимое звено въ вѣнцѣ его славы. Несчастье должно бы, кажется, сокрушить эту сильную волю; онъ же выходитъ еще величавѣе изъ налетѣвшей бѣды. Мучимый своею страшною головною болью и сознаніемъ тяжести лежащей на немъ отвѣтственности, Петръ то мечется по ставкѣ, то опять садится, пробуя писать инструкцію въ Москву, въ Сенатъ. «Не падать духомъ, думать только о благѣ государства»,—чертитъ его дрожащая рука, «не обращать ни малѣйшаго вниманія на мои даже собственноручно-писанныя приказанія, которыя могли бы получиться изъ плѣна» **). Одна

*) У насъ было 38 тысячъ, у турокъ же съ татарами 200.000.

**) Подлинникъ этого письма пока не найденъ, но Соловьевъ вѣритъ въ его подлинность.



«Прости насъ, Царь-Батюшко!» твердо заговорила супруга Петра. (Къ стр. 87).

родина у него и въ умѣ и въ сердцѣ,—лично для себя онъ не существуетъ. «Безъ особливыя Божія помощи....» выводитъ рука вождя, намекая на невозможность спасенія безъ помощи свыше; глаза Царя подняты съ мольбой къ образу Божіей Матери, Всѣхъ скорбящихъ Радости *), участливо смотрящей на великаго страдальца. Набожная царевна Наталія Алексѣевна благословила этою чудотворой святыней своего брата въ опасный путь. Въ эту минуту самого полнаго отреченія его отъ себя, пламенной молитвы за родину, за подданныхъ, послышался у входа въ ставку шумъ, говоръ, пререканія.—«Да», слышится голосъ: «сама—первая послушнѣйшая ему раба въ дни покоя и порядка, теперь же нѣтъ ни силы, ни приказа, который удержалъ бы меня!»

Коверъ отдернула сильная рука, и государыня Екатерина Алексѣевна, за ней Шереметевъ и Шафировъ, обремененные мѣшками, ворвались въ царскій покой.—«Прости насъ, Царь-Батюшка!» твердо заговорила супруга Петра, «мы рѣшились молить твою милость сдѣлать послѣднюю попытку: пошли вотъ эти, собранныя мною, сокровища великому визирю, можетъ, онъ и согласится на миръ! «Петръ стоялъ, какъ вкопанный, поднявшись во весь ростъ: у его ногъ лежала груда золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней, украшеній: его любимая жена стояла на колѣняхъ, за нею его надежные помощники.—«Купить себѣ свободу?» вопросительно вымолвилъ Великій, и опять онъ поднялъ взоръ свой на Священный ликъ иконы.—«Это не позоръ, Государь! Ты спасаешь Россію, спасая себя!» вѣско вымолвилъ Борисъ Петровичъ. Госу-

*) Теперь она въ церкви, что на углу Шпалерной улицы и Воскресенскаго проспекта.

дарыня обняла колѣни Царя: «Ты нуженъ ей, твоей Россіи! Что будетъ съ ней, когда тебя не будетъ?» Эта удачная мысль спасла всѣхъ. Государь, перекрестившись, сѣлъ и сталъ обдумывать условія, на которыхъ можно было начать переговоры съ врагомъ о мирѣ. Екатерина выполнила свой долгъ передъ Россіей, никогда не забывавшей этой важной услуги ея и избравшей ее на царство: въ тяжкую минуту, она, спасла русскаго Царя-Батюшку, родного Самодержца!

По словамъ того же Сегюра, очень трудно было уладить всѣ вопросы. Визирь принялъ, конечно, драгоцѣнный выкупъ, но Петру пришлось: 1) поступиться своими завоеваніями на югѣ, 2) пропустить врага Карла, съ остатками шведскихъ храбрецовъ, назадъ, на родину, черезъ русскія владѣнія. Шафировъ передалъ Государю, что турки требуютъ даже его отказа отъ союза съ господарями, за ихъ измѣнничество туркамъ, хотя и русскимъ-то они оказали больше вреда чѣмъ помощи.—«Лучше я уступлю туркамъ всѣ земли до Курска, чѣмъ выдамъ Кантемира, пожертвовавшаго мнѣ всѣмъ своимъ достояніемъ. Потерянное оружіемъ и возвращается оружіемъ! Но нарушеніе даннаго слова—невозвратимо. Отступать отъ чести то же, что не быть Государемъ!» Великій отвѣтъ величайшаго Царя!—«Вы», продолжаетъ французскій историкъ, «кому дорого значеніе настоящаго величія, внемли́те этимъ словамъ: безразлично должно быть, на какомъ языкѣ они сказаны! Вотъ какой урокъ честности даетъ этотъ великій славянинъ своимъ западнымъ учителямъ. И въ этомъ урокѣ его современники нуждались гораздо больше, чѣмъ онъ въ ихъ наукахъ и просвѣщеніи!» Не русскій и не для русскихъ читателей излагалъ эти мысли—графъ Сегюръ.

Онъ писалъ въ 1829 году, когда еще не могло изгладиться изъ памяти французовъ ихъ несчастное бѣгство изъ русскихъ снѣжныхъ степей, въ 1812 году. Если недавній врагъ такъ говорилъ о православномъ русскомъ Царѣ, то съ какимъ благоговѣйнымъ восторгомъ должны мы, его подданные, передавать изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, нарождающимся поколѣніямъ эти драгоцѣнныя воспоминанія о великомъ Монархѣ—труженикѣ на родной, необъятной русской землѣ!

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи. Царствованіе Петра.

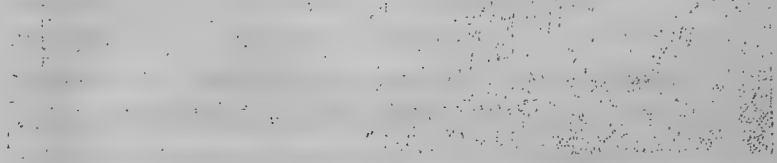
2) *Сегюръ.* Исторія Россіи и Петра Великаго (Histoire de Russie et de Pierre le Grand par le c-te de Segur. 1829).

Набожность царицы и царевны.

1688—1710 гг.

НЕНАСТНАЯ осень стоитъ надъ Москвою. Октябрь даетъ ужъ себя знать. Мелкій, холодный дождь такъ и пронизываетъ тѣхъ рѣдкихъ прохожихъ, которыхъ нужда выгоняла на грязныя улицы старушки-Москвы. Не весело живется въ Бѣлокаменной! Царю Іоанну Алексѣевичу все недужится. Царевна-правительница призадумалась:—недобрыя вѣсти приходятъ отъ князя В. В. Голицына. Она сама настояла на Крымскомъ походѣ, наперекоръ братьямъ и боярамъ, и тревожилась теперь, не видя ничего добраго впереди. Младшій Царь засѣлъ въ своемъ Преображенскомъ: то учитъ свои потѣшные полки, то строитъ суденышки; плаваетъ на нихъ по Яузѣ и Переяславскому озеру. А когда и заглянетъ въ столицу ненарокомъ, то только въ Нѣмецкую слободу, къ своимъ новымъ заморскимъ друзьямъ, ученымъ, искуснымъ нѣмецкимъ мастерамъ. Одна царственная вдова, всемилостивѣйшая государыня Ната-

Царица Наталія Кирилловна съ царевной Наталіей Алексѣевной частенько навѣщали болящую сестру патріарха Іоакима. *(Къ стр. 91).*



лія Кирилловна, съ царевной дочерью своей, въ неустанномъ попеченіи о скорбныхъ, болящихъ, неимущихъ проѣзжаетъ по пустыннымъ улицамъ въ своей царской колымагѣ, развозя по тюрьмамъ и больницамъ щедрую милостыню. По словамъ очевидца, ни ночь, ни непогода не останавливали царственную благотворительницу. Она неоскудно подавала пособія отъ своихъ сокровищъ. Къ ней, какъ къ надежному пристанищу, притекали всѣ нуждавшіеся въ спасительной помощи. Сама она вязала и шила для бѣдныхъ, сама же и раздавала свое рукодѣлье имъ, а куда не поспѣвала, туда посылала довѣренныхъ лицъ. Не было ни одного монастыря, не только въ Москвѣ, но и въ округѣ, ни одной церкви, въ которой бы не красовались щедрыя жертвы царственной благодѣтельницы. За то на самой царицѣ—матери никто ужъ не видѣлъ, послѣ смерти ея незабвеннаго супруга, ни одного драгоцѣннаго, даже цвѣтного украшенія. Отъ всего придворнаго великолѣпія, отъ всей пышности нарядовъ, отъ всѣхъ радостей свѣта отказалась царственная вдова. Вся—милосердіе, состраданіе, любовь, она къ тому же пріучала и свою любимую дочь. Царевна Наталія Алексѣевна чуть не съ пеленокъ всюду сопутствовала своей любимой и любящей матери. Обѣ царственныя благотворительницы именно въ октябрѣ 1688 года частенько пріѣзжали въ Москву, навѣщать смертельно болящую сестру святѣйшаго патріарха Іоакима. Давно болѣла бѣдная вдова Евфимія Петровна Панина. Года проходили, а страданія ея не уменьшались, несмотря на всѣ старанія врачей, пріѣзжавшихъ даже изъ Нѣмецкой слободы: молодой Царь, видя тревогу своихъ дорогихъ близкихъ и вѣря въ заморское искусство, посылалъ къ больной знакомыхъ ему лѣкарей.

Тихо все въ маленькой, душной горенкѣ небольшого дома, на Ордынкѣ, въ приходѣ Преображенія Господня. Задремали скромныя, ласковыя сидѣлки, благочестивыя монахини, сходившіяся изъ всѣхъ московскихъ монастырей любовно ухаживать за болящей сестрой своего благоговѣйно почитаемаго архипастыря. Стонала бѣдная отъ неизлѣчимыхъ ранъ, зіявшихъ у нея на боку, и не разъ уже, теряя терпѣніе, слезно молила несчастная Господа смиловаться, послать ей смерть, отпущеніе грѣховъ, разрѣшеніе отъ непосильныхъ страданій. Единственнымъ отраднымъ лучемъ въ многострадальной жизни Евфиміи Петровны были посѣщенія ея царственныхъ утѣшительницъ. Какъ лучъ отрады, словно перерывъ въ страданіяхъ, была для больной участливая улыбка доброй красавицы-царевны Наталіи Алексѣевны. Сопровождая свою царственную мать, царевна умѣла не только успокаивать, ободрять страждущихъ,—она считала для себя единственною цѣлью жизни—посвящать все свое время на служеніе нуждающимся, на ихъ утѣшеніе и поддержку. Случалось, выпрашивалась она и одна къ больной, на Ордынку. Въ сопровожденіи мамушки, по-долгу засиживалась она въ маленькой горенкѣ, утѣшая больную, какъ умѣла: читала священныя книги, разсказывала о страданіяхъ Божіихъ угодниковъ и часто горячо молилась вмѣстѣ съ нею, стараясь силой вѣры укрѣплять терпѣніе, смягчить теплотой молитвы невольно пробивавшійся ропотъ больной.

Когда царевна прощалась съ своей любимицей въ послѣдній разъ, ей показалось что Евфимія Петровна особенно ослабла, что ей ужъ остается страдать недолго, и потому она особенно тепло поручила добрымъ сестрамъ-инокинямъ, какъ можно чаще, при ней

и съ нею творить молитвы, поддерживая этимъ бодрость умирающей. Свято исполняли кроткія сидѣлки наказъ любимой царевны, ихъ общаго ангела-утѣшителя, и задремали только, когда убѣдились, что больная поуспокоилась.

Тускло теплятся лампады передъ иконами въ божницѣ. Ничто не шелохнется въ комнатѣ болящей; только изрѣдка ея слабые стоны еле-еле раздаются въ ночной тишинѣ. Изъ окна сталъ слабо проникать блѣдный отблескъ чуть занимающагося утра. Больная вздохнула сильнѣе, шевельнулась, залепетала молитву Іисусу и жалобно застонала, желая привстать и перекреститься. Ее окружили, ласково помогли приподняться, затеплили свѣчу и стали повторять съ нею слова горячей мольбы къ Царицѣ Небесной, скорой Помощницѣ и единой Надеждѣ всѣхъ бѣдныхъ, угнетенныхъ горемъ и недугами. Долго молилась больная, и вдругъ окружающія замѣтили, точно она къ чему-то приглядывается, точно прислушивается; губы беззвучно шевелились, глаза блестѣли, лицо приняло восторженное выраженіе. Струхнули близкія, закрестились, пали ницъ, твердя молитвы. Имъ даже чудилось, что комната становится свѣтлѣе, точно бѣлая полоса потянулась къ окошку, изъ котораго виднѣлась уже въ полумглѣ пробуждавшагося утра колокольня приходскаго храма Преображенія Господня. Евфимія Петровна чуточку окрѣпшимъ голосомъ спросила, находится ли въ ихъ церкви образъ Царицы Небесной,—Всѣхъ скорбящихъ Радости. Удивленно переглядывались сидѣлки. «Конечно, есть!» торопливо, перебивая другъ друга, хоромъ всѣ заговорили: «въ придѣлѣ св. Варлаама Хутынскаго!» Тогда больная совершенно внятно разсказала, какъ она услышала

въ минуту пробужденія голосъ, спрашивавшій ее, отчего она такъ долго, такъ много страдающая, не подумала обратиться въ лѣчебницу, которая находится такъ близко. Когда же она въ недоумѣніи думала, гдѣ же та лѣчебница находится, голосъ продолжалъ: «какъ ты не знаешь, что это мой образъ, называемый «Всѣхъ скорбящихъ Радость!» Стоитъ онъ въ храмѣ Преображенія Господня, въ трапезѣ съ лѣвой стороны, гдѣ всегда стоятъ женщины. Призови ты священника съ причтомъ того прихода, пусть принесутъ къ тебѣ тотъ образъ мой, отслужатъ молебенъ съ водосвятіемъ, и тогда ты получишь исцѣленіе!» При этихъ словахъ больной почудилось даже, что она видитъ въ воздухѣ передъ собою бѣлую полосу, точно дьяконскій орарь, простиравшуюся къ окошку, по направленію къ виднѣвшемуся храму. «Идите», продолжала больная: «молите іерея прійти съ причтомъ и принести ко мнѣ, недостойной и худой, Святыню многомилостивую!» Конечно, всѣ слушавшія, молясь и крестясь, бросились исполнять порученіе, понимая, по-своему, что это послѣдняя воля умирающей. Дали знать и царственнымъ благодѣтельницамъ, въ село Преображенское. Послѣ ранней обѣдни, благочестивый причтъ приходскаго храма перенесъ свою святыню въ обитель скорби и страданій. Пламенна была молитва измученной Евфиміи Петровны. Съ нею и за нее усердно молились и батюшка, и сердечныя сидѣлки-сестрички, и всѣ близкіе, торопливо собравшіеся, желая отдать ей послѣдній долгъ уваженія еще при жизни. И неслись къ Пречистой Заступницѣ съ благоуханіемъ ѳиміама усердныя прошенія объ облегченіи недуга бѣдной страдалицы.—Послѣ молебна ее окропили святою водою. Набожно крестилась Евфимія Петровна, какъ

будто, окрѣпшею рукою. Ясно, здоровымъ голосомъ передала она все слышанное ею, дословно повторяя и свой вопросъ, и послѣдовавшій отвѣтъ, и припоминая видѣнное ею сіяніе, въ формѣ свѣтлой полосы, направленной къ окошку. Внимательно, съ благоговѣніемъ слушали присутствующіе немудреный разсказъ. Священникъ записалъ его тутъ же, дословно и потомъ всталъ, чтобы благословить больную, и далъ ей выпить святой воды.—Невольный общій крикъ не то испуга, не то изумленія и, конечно, всеобщей безмѣрной радости раздался въ комнатѣ: больная встала безъ чужой помощи съ постели, на которой столько лѣтъ проводила безконечные дни въ невыразимыхъ страданіяхъ, подошла къ образу, до земли поклонилась передъ изображеніемъ благой Цѣлительницы человѣческихъ страданій и приняла благословеніе священника, пораженнаго чудеснымъ проявленіемъ милости Царицы Небесной, «Радости всѣхъ скорбящихъ и угнетенныхъ». Изъ устъ присутствовавшихъ вырвались слова сладостной молитвы благодаренія за все видѣнное и слышанное. Бодро стояла поднявшаяся чуть не изъ могилы страдалица. Пламенно было ея благодареніе, горячи слезы радости, смочившія ея лицо, изнуренное невыносимыми болями. Святѣйшій патріархъ, богобоязливая царица и кроткая царевна безконечно радовались чуду, славили Бога и положили изъ вѣка въ вѣкъ ежегодно 24-го октября праздновать память чуда, совершеннаго святымъ образомъ Богоматери, «Всѣхъ скорбящихъ Радости».

Съ тѣхъ поръ благочестивые москвичи толпами шли просить защиты, утѣшенія, исцѣленія болѣзней, страданій тѣлесныхъ и душевныхъ, молясь и служа молебны предъ чудотворною иконою, въ храмѣ Пре-

ображенія Господня. Когда великій Царь, озабоченный, тревожный, предпринималъ свой походъ противъ турокъ въ 1711 году, его любимая и любящая сестра очень безпокоилась вмѣстѣ съ нимъ. Сердцевѣщунъ томилось и болѣло за жизнь родного, дорогого вождя. Чтобы хоть чѣмъ-нибудь себя успокоить и подкрѣпить, Наталія Алексѣевна, съ согласія патріарха и настоятеля, взяла святыню изъ Преображенскаго храма и благословила ею Царственнаго брата. Набожный Петръ не разставался съ иконою и всегда ставилъ ее въ своемъ походномъ шатрѣ. Съ какою благодарностью вспомнилъ онъ свою заботливую сестру въ ту минуту, когда, на берегу Прута, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, онъ писалъ свой незабвенный приказъ Сенату. Его рука судорожно двигалась по бумагѣ, глаза же поднимались къ умильному Лику съ горячею мольбой о помощи бѣдствующему войску, а съ нимъ всей Россіи.—И чудо совершилось: Царица Небесная, Радость всѣхъ скорбящихъ, пришла на помощь взывавшему къ Ней о помощи благочестиво-вѣрующему земному Царю. Великій визирь принялъ предложеніе русскаго главнокомандующаго, и миръ былъ заключенъ.

По возвращеніи изъ похода, ни Государь, ни его царственная сестра не хотѣли ужъ разставаться со святыней. Царевна обложила ее серебряною вызолоченною ризою, украсила драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Но что важнѣе всего, Наталія Алексѣевна повелѣла вдѣлать въ доску, на которой изображенъ очень искусною рукой умильный, прекрасный Ликъ Богоматери, частицы мощей св. угодниковъ, которыя переходили изъ рода въ родъ въ царственной семьѣ и достались царевнѣ по наслѣдству, частицы терновъ

Петръ Великій устроилъ себѣ рабочій кабинетъ въ домѣ своей любимой сестры. *(Къ стр. 97).*

изъ терноваго вѣнца Спасителя и Господа нашего Іисуса, нѣсколько капель пресвятой и пречистой Его крови и кусочки отъ яслей и гроба Господня. Всѣ эти святыни выложены такъ тщательно, что видно, съ какимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ благочестивая царевна заботилась о почитаніи святыни.

Когда царская семья осенью 1711 года покинула окончательно старую матушку-Москву и переѣхала къ берегамъ величавой красавицы-Невы, царевна поселилась въ своемъ собственномъ каменномъ дворцѣ, въ русской слободѣ, на углу нынѣшней Шпалерной улицы и Воскресенскаго проспекта. Братъ и сестра, подъ впечатлѣніемъ чудеснаго спасенія Государя на рѣкѣ Прутѣ, рѣшили, въ благодарную память о чудесной помощи Царицы Небесной, воздвигнуть въ сѣверовосточной части дворца, въ угловой палатѣ однопрестольный храмъ, во имя Воскресенія Христова. Глубоко набожный Государь былъ очень радъ, что у его любимой сестры будетъ домовая церковь, какъ и всегда на Москвѣ водилось, въ царскихъ палатахъ. Въ этотъ-то храмъ и была поставлена всѣми чтимая святыня, чудотворная икона Божіей Матери. Петръ Великій очень часто навѣщалъ свою любимую сестру. По-долгу бесѣдовали они о благихъ его твореніяхъ на счастье и славу дорогого отечества. Государь устроилъ даже свой рабочій кабинетъ въ комнатѣ между церковью и внутренними покоями царевны; перенесъ туда свои чертежные планы и работалъ, уединяясь отъ шума придворной жизни. Наталія Алексѣевна, покинувъ Москву, не покинула завѣтныхъ родительскихъ преданій. Съ новыми силами и чуть ли не удвоенною энергіей принялась она за излюбленное свое дѣло благотворенія. Вглядываясь въ нужды

повой столицы, любимаго дѣтища своего великаго брата, она стала собирать вокругъ себя слабыхъ, сирыхъ, старыхъ женщинъ, матерей, женъ, сестеръ и дѣтей тѣхъ многочисленныхъ работниковъ, которыми кишѣла новая столица, гдѣ съ такою чудовищной быстротой поднимался на тундрахъ и болотахъ гранитный колоссъ—Санктъ-Петербургъ. Подъ покровомъ чудотворной святыни находили себѣ пріютъ и утѣшеніе всѣ скорбныя и бѣдныя женщины вновь зарождающагося многолюднаго города. Царевна трудилась безъ устали, приводя въ исполненіе свои завѣтнѣйшія мечты. При своемъ дворцѣ она основала богоугодныя заведенія: больницу, богадѣльню, пріютъ для дѣтей. Отъ престола царскаго широкою рѣкою лилась на юную столицу благодѣтельная помощь всѣмъ въ ней нуждающимся. Наталія Алексѣевна помнила завѣты святыхъ россійскихъ княгинь. Слѣдуя преданіямъ сѣдой старины, идя по стопамъ своей благочестивой матери, она щедрою рукой положила краеугольный камень тому обширному, великому зданію царской благотворительности, которая впослѣдствіи разлилась такимъ могучимъ потокомъ по всему обширному пространству Императорской Россіи.

ИСТОЧНИКИ:

1) Историко-статистическое описаніе С.-Петербургской Скорбященской церкви. Священника *Н. Георгіевскаго.*

2) Записки *Крекшина.*

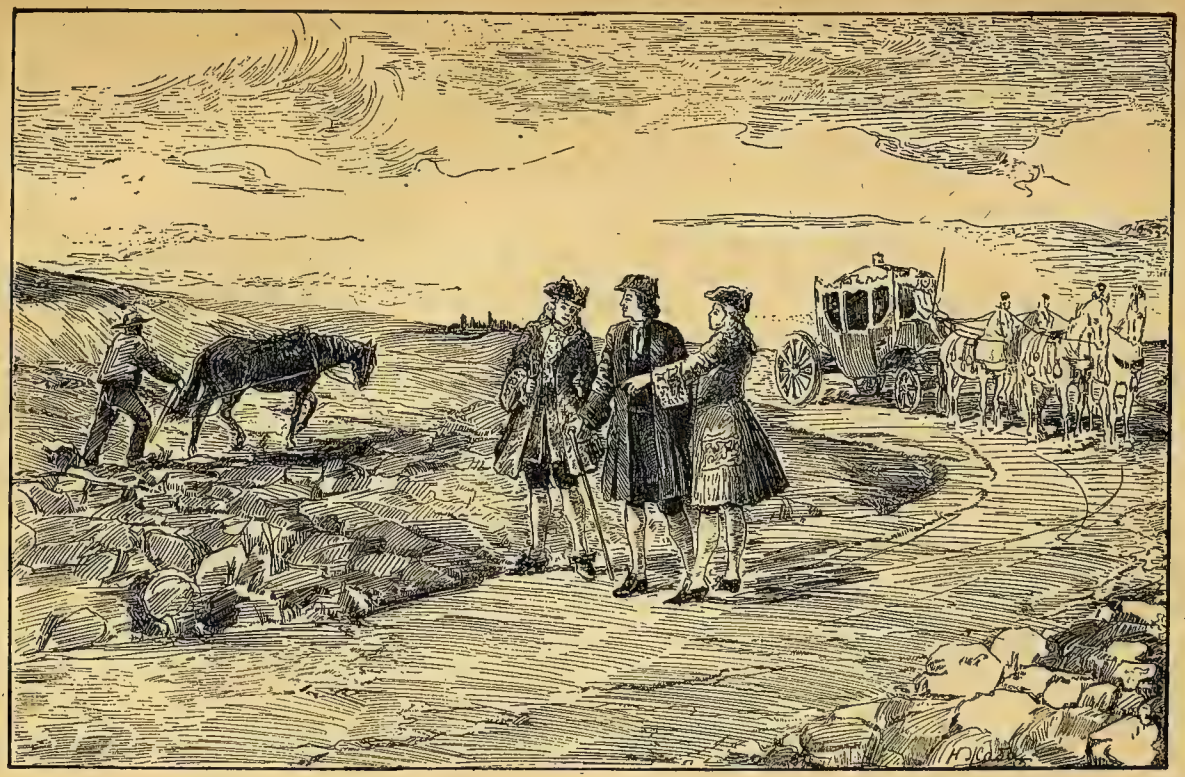
Русскій Царь во Франціи.

Апрѣль 1717 года.

ВЫСОКІЙ, худощавый, отлично сложенный, онъ былъ блѣденъ, съ большимъ, открытымъ лбомъ, блестящими черными глазами и пронизывающимъ взглядомъ. Въ сѣромъ кафтанѣ изъ толстаго, темнаго сукна, безъ воротниковъ и манжетъ у рубашки, подпоясанъ кожанымъ широкимъ поясомъ, на которомъ висѣла сабля. Въ маленькомъ парикѣ безъ пудры, въ поярковой шляпѣ явился передъ нами Царь-великанъ, поражая своею величественной осанкой, привѣтливыми, но всегда повелительными и рѣзкими движеніями. Такъ отзывается о Петрѣ Великомъ французъ, современникъ, когда, въ Дюнкирхенѣ, 21-го апрѣля 1717 года, встрѣчали Его Величество члены торжественнаго французскаго посольства.—Маршалъ Тессѐ и его свита, отъ имени герцога Орлеанскаго, правившаго Франціей за малолѣтствомъ короля Людовика XV, привѣтствовали именитаго гостя изысканными выраженіями искренняго удовольствія. Они были представителями самаго пыш-

наго, самаго образованнаго Двора тогдашняго міра. Воспитанные въ строгой школѣ свѣтскихъ обычаевъ, эти изящные носители придворныхъ завѣтовъ Короля-Солнце *), шли встрѣчать Самодержца, являвшагося говорить о союзѣ своего туманнаго, морознаго, необъятнаго царства съ образованнѣйшимъ изъ современныхъ европейскихъ государствъ. «Я—солдатъ и доволенъ, если у меня есть хлѣбъ и вода», благодушно твердилъ Петръ, отказываясь отъ роскошнаго, пышнаго гостепріимства. Лично онъ не особенно любилъ ни французовъ, ни ихъ языка. «Голландскій и англійскій нужны намъ на морѣ, нѣмецкій же на сушѣ не въ примѣръ пригоднѣе французскаго», говаривалъ онъ. Но, признавая по своимъ геніальнымъ соображеніямъ всю политическую пользу франко-русскаго союза и стремясь распространять познанія въ родной Россіи, онъ и самъ отправился учиться всему, что давала образованнѣйшая Франція Людовика XIV, и отправилъ туда же трудиться отборную молодежь, изъ русскихъ боярскихъ семей. Безобразовъ, Юсуповъ, Волхонскій, Жеребцовъ, Бѣлосельскій, Салтыковъ, Пушкинъ, да всѣхъ и не перечесть, уже ждали въ Парижѣ своего Царя. Петръ остановился въ Калэ, дѣлалъ смотръ войскамъ, осматривалъ портъ, присутствовалъ даже на охотѣ, устроенной въ честь его прибытія. Всюду Его Величеству отдавали почести, какъ самому королю. По дорогѣ въ Парижъ, онъ нѣсколько разъ останавливался, выходилъ изъ экипажа, внимательно присматривался къ полевымъ работамъ поселянъ, черезъ Куракина **) разспрашивалъ о ихъ

*) Историческое прозвище, присвоенное Людовику XIV.
**) Нашъ посолъ въ Парижѣ.



По дорогѣ въ Парижъ русскій Царь нѣсколько разъ останавливался, выходилъ изъ экипажа, внимательно присматривался къ полевымъ работамъ поселянъ. *(Къ стр. 100).*

бытѣ, промыслахъ, заработкахъ. Его поражала нищета, убожество французскаго поселянина. И это только два года спустя послѣ смерти Людовика XIV, гордившагося своимъ могуществомъ. «Мое государство олицетворяется мною» (L'état c'est moi) *), было его надменное, историческое выраженіе. «Забудьте Петра, помните только Россію», говорилъ Батюшка-Царь православный своимъ солдатамъ передъ Полтавской битвой (1709 г.). Отживающая и нарождающаяся силы наглядно выразились въ этихъ словахъ, на двухъ противоположныхъ концахъ Европы. Все для себя—гибнетъ, все для ближняго—крѣпнетъ и возвеличиваетъ государство. 26-го апрѣля въ 9 ч. вечера Русскій Царь торжественно въѣхалъ въ Парижъ, въ нарядныхъ королевскихъ каретахъ, окруженный блестящимъ конвоемъ кирасиръ. Ему были приготовлены покои королевы, въ Луврскомъ дворцѣ. Но владыка сѣвера положительно не могъ помириться съ французскою роскошью. Тогда наскоро его помѣстили въ красивомъ частномъ домѣ Ледигера; и тамъ онъ стѣснялся пышнымъ убранствомъ, дорогою мебелью. Онъ приказалъ вынуть изъ фургона походную кровать и разложить ее въ уборной комнатѣ. На другой день Государя посѣтилъ принцъ Орлеанскій, правитель Франціи. Не могли надивиться французскіе сановники величественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ милостивымъ пріемамъ своего державнаго Гостя. Они подмѣтили и его царственный поклонъ и чуть-чуть покровительственный оттѣнокъ въ обращеніи съ регентомъ.— «А мы-то ждали дикаря изъ медвѣжьей берлоги».— «Да, пожалуй, кой-чему не мѣшаетъ и намъ у него

*) Государство—это я.

поучиться!»—«Ну, этому не научиться, это врожденное», толковали между собою изящнѣйшіе сыны французскаго Двора.

Весь Парижъ высыпалъ на улицы, толпился вокругъ жилища Царя, сгорая отъ нетерпѣнія знать, когда же, наконецъ, онъ выйдетъ, покажется собравшейся толпѣ любопытныхъ. Вдругъ въ концѣ улицы почувствовалось движеніе, народъ подался, показались придворные гайдуки, королевскіе экипажи, и карета короля Людовика XV остановилась у подъѣзда. Въ ту же минуту настежь распахнулись двери дома и самъ нашъ Петръ Великій стремительно спустился съ лѣсницы, а за нимъ высыпала вся его русская свита. Онъ поднялъ семилѣтняго короля на свои мощныя руки, внесъ на крыльцо, ласково, любовно посмотрѣлъ на него своими чудными глазами и, нѣжно поцѣловавъ, сказалъ: «Всю Францію на себѣ держу». Растроганные французы подняли неистовые крики восторга: они не могли налюбоваться на своего малютку-короля, вознесеннаго такъ высоко могучимъ, сѣвернымъ богатыремъ. Съ этой минуты русскій Царь полюбился французамъ. Онъ, добрый геній своего государства, сѣятель всѣхъ ея будущихъ успѣховъ, посѣялъ и то зерно дружескаго союза, которое такъ пышно расцвѣло по волѣ его будущихъ державныхъ Наслѣдниковъ. Носитель завѣтовъ Великаго Петра изъ вѣка въ вѣкъ, незабвенный Императоръ Александръ III въ безсмертномъ выраженіи—«Россія—для русскихъ»—повторилъ мысль своего великаго пращура. Для славы, для крѣпости дорогой обоимъ имъ Россіи, онъ утвердилъ дружескую связь обоихъ государствъ, ту связь, которая зародилась въ Парижѣ, на крыльцѣ дома Леди-

геръ, между маленькимъ Бурбо́номъ и великимъ Романовымъ. Шесть недѣль провелъ Государь въ Парижѣ, безъ устали ходилъ и ѣздилъ по городу и по окрестностямъ. Посѣщалъ фабрики, заводы, загородные дворцы. Ничто не ускользало отъ его внимательнаго, прозорливаго взгляда. Опера его мало интересовала. Королевскіе брилліанты ни на минуту не останавливали на себѣ его вниманія. Онъ не посѣтилъ принцессъ, родственницъ короля. О французской роскоши и пышности Двора отозвался, какъ древній мудрецъ, что излишняя роскошь губитъ государство. Однако, не отказался принять и очень благодарилъ, когда ему поднесли, изготовленный для его августѣйшей супруги, изящный письменный столикъ краснаго дерева, съ бронзовыми украшеніями и маленькимъ зеркаломъ.*)—Домъ Инвалидовъ привелъ въ восторгъ великаго воина. Онъ обошелъ и внимательно осмотрѣлъ всѣ помѣщенія, вникалъ въ порядки: какъ содержать ветерановъ; пилъ здоровье храбрецовъ-товарищей по воинскимъ подвигамъ, разспрашивалъ,—гдѣ, кто, когда былъ раненъ, и тѣмъ вызвалъ слезы умиленія увѣчныхъ бѣдняковъ. Между ними былъ шестидесятилѣтній старикъ, давно больной, съ бѣльмами на обоихъ глазахъ. Государь, всегда интересовавшійся вопросами медицины, обратилъ на него вниманіе, разспрашивалъ о ходѣ болѣзни, о способѣ лѣченія и, узнавъ, что знаменитый глазной врачъ Воолгюйзъ рѣшился сдѣлать операцію престарѣлому страдальцу, выразилъ желаніе присутствовать при ней. Инвалида привезли къ Царю, и Воолгюйзъ съ

*) Этотъ столикъ можно и теперь видѣть въ Лѣтнемъ дворцѣ Петра Великаго, въ комнатѣ императрицы Екатерины Алексѣевны.

успѣхомъ удалилъ оба бѣльма, причемъ Петръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ знаменитаго врача и набожно перекрестился, увидя, что операція удалась.

Продолжая любопытно осматривать все, что казалось достойнымъ его вниманія, Государь посѣтилъ Гобеленовскую ковровую мануфактуру, монетный дворъ, галлерею плановъ, арсеналы. Побывалъ въ Сенъ-Сирѣ, воспитательномъ заведеніи для дочерей дворянства, основанномъ при монастырѣ—умною и безгранично вліятельною при Людовикѣ XIV—госпожей Ментэно́нъ. Онъ обошелъ всѣ классы, заставилъ подробно объяснить себѣ всѣ ученическія упражненія, и потребовалъ, чтобы его спутники, русскіе приготовили ему самый подробный, всесторонній отчетъ о состояніи этого крайне полезнаго учрежденія. Чуткій ко всему прекрасному и полезному, великій Царь пожелалъ лично поклониться той замѣчательной женщинѣ, которая съ такимъ умомъ, такъ сердечно заботилась объ этомъ разсадникѣ прекраснаго воспитанія французскихъ родовитыхъ дѣвушекъ. Онъ засталъ знаменитую старуху въ постели. Царь открылъ занавѣсъ кровати и долго, пристально смотрѣлъ на нее молча, потомъ сѣлъ у ногъ ея на постели и спросилъ, чѣмъ она больна? Она отвѣчала «старостью». Свидѣтели свиданія говорятъ, что въ минуту появленія Петра на лицѣ 83-лѣтней старухи блеснулъ лучъ ея прежней красоты.

Высшая богословская школа Франціи, Сорбо́нна, очень желала видѣть царственнаго Гостя въ своихъ стѣнахъ. Ученые мужи высказали чужеземному Монарху свое глубочайшее уваженіе, какъ великому просвѣтителю сѣвернаго мрака: они поднесли ему адресъ,

Въ присутствіи русскаго Царя, Воолгюйзъ, знаменитый французскій операторъ, снимаетъ бѣльмо съ глаза ослѣпшаго французскаго инвалида.

(Къ стр. 104).

гдѣ въ почтительныхъ и краснорѣчивыхъ выраженіяхъ предлагали Его Величеству соединеніе обѣихъ христіанскихъ церквей, восточной и западной.—«Господь, дѣйствительно, далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстью людской властенъ только одинъ Христосъ, и соединеніе церквей можетъ совершиться единственно по Божьей волѣ», отвѣтилъ мудро Божій помазанникъ.

Вернувшись въ Россію, Государь получилъ извѣстіе объ единогласномъ избраніи его членомъ Парижской Академіи. Милостиво принявъ это доказательство уваженія къ Монарху, носителю просвѣщенія на своей родинѣ, отъ ученѣйшаго общества тогдашней образованной Европы, нашъ Петръ Великій послалъ въ Академію Шу́махера, поручивъ передать отъ его имени карту Каспійскаго моря, составленную по его порученію, и образцы описаній Сибири, сдѣланные первымъ тогда путешественникомъ, докторомъ Мессершмитомъ.—Послѣ торжественнаго засѣданія въ Академіи, аббатъ Фрижѐ представилъ Шумахера юному королю Людовику XV-му, при чемъ Виллеруа̀ сказалъ про нашего Царя: «воистину великій Монархъ, котораго нынѣ всѣ прочіе монархи за совершенный образецъ имѣть мо́гутъ».

Изъ своего путешествія великій учитель привезъ на родину замѣчательный музей анатомическихъ инструментовъ доктора Рюйша, съ которымъ положительно подружился въ Парижѣ, даже не пожалѣлъ выплатить ему 30 тысячъ гу́льденовъ за его научныя сокровища, лишь бы обогатить ими Россію.

Изъ Амстердама вывезъ онъ, приблизительно въ то же время, рѣдко-богатую коллекцію чучелъ, жи-

вотныхъ и птицъ, змѣй, насѣкомыхъ, добытыхъ аптекаремъ Себа изъ Вестъ и Остъ-Индіи.

Эти оба богатѣйшія собранія послужили основаніемъ естественнаго кабинета при нашей Академіи Наукъ.

Тогда уже существовалъ, конечно, по волѣ державнаго нашего просвѣтителя, московскій военный госпиталь: при немъ хирургическое училище, анатомическій театръ и ботаническій садъ, въ которомъ самъ Царь садилъ цѣлебныя травы и растенія.

Казенныя аптеки, госпитали и богадѣльни, кромѣ Москвы, существовали еще и въ Казани, Глуховѣ, Ригѣ, Ревелѣ. Въ Петербургѣ были сухопутный и морской госпитали, ботаническій садъ и хирургическая школа. Въ Липецкѣ и Олонцѣ открыты минеральные источники и при нихъ лѣчебница. Однимъ словомъ, вездѣ, куда только ни бросалъ Петръ свой орлиный взоръ, всюду вызывалъ онъ къ новой, лучшей будущности свою богатую, любимую, дорогую родину.

ИСТОЧНИКИ

1) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи. Т. V, гл. 1.
2) *Гизо.* Исторія Франціи, разсказанная моимъ внукамъ.
3) *Полуденскій.* Петръ Великій въ Парижѣ. «Русскій Архивъ» 1865 г.

Императоръ Петръ Великій.

1721 годъ, 22 октября.

Не даромъ Великій Петръ такъ радовался Полтавской побѣдѣ! Могила русскихъ храбрецовъ была могилой и шведскаго величія на сѣверѣ Европы. Надъ этой славной могилой взошла заря могущества Петровской Руси! Европа поняла, что на ея восточной окраинѣ поднимается сила, съ которой надо считаться. Подъ властью самодержавнаго вождя, осѣняемая свѣтомъ православнаго вѣроученія, сплачивалось, наперекоръ европейскимъ кознямъ, сильное государство. Покорно, выносливо переживало оно военныя неудачи, невзгоды судьбы, чтобы еще съ большею настойчивостью подняться на новые подвиги. Двадцать одинъ годъ Государь напряженно вытѣснялъ шведовъ изъ своихъ владѣній. Передъ побѣдоноснымъ стягомъ Петра падали гордыя стѣны рыцарской Риги, Ревеля; Ижорскій Выборгъ, Финляндскіе—Гельсингфорсъ, Кексгольмъ, Або, Таммерфорсъ сдались войскамъ Царя Петра. Балтійское побережье снова—русская земля!

Неудача на югѣ тяжелый Прутскій миръ не могли умалить блестящихъ успѣховъ на сѣверной окраинѣ. Во главѣ своихъ любимихъ моряковъ, Царь одержалъ блестящую морскую побѣду у мыса Гангутъ, 1714 г. Войско, высадившись на шведскую землю, двигалось къ Стокгольму, раззоряя, сжигая все побережье. Безсильна оказалась угроза англійскаго флота, явившагося въ Балтійскихъ водахъ защищать интересы дружественной Швеціи. Карлъ XII убитъ въ битвѣ съ норвежцами. Внутренняя смута разстроила шведскій правительственный строй. Безполезно заступничество европейскихъ Дворовъ. Наступила для шведовъ година уступокъ! Приходилось смириться передъ геніемъ сосѣда,—выполнять законныя его требованія. Онъ опирался на свои, самимъ имъ созданныя, силы. Вызванная къ жизни, побѣдоносная на сушѣ и на морѣ, русская мощь отвоевала право требовать себѣ и свое старое исконное добро, и то, что купила своимъ трудомъ, своею кровію, подъ державнымъ водительствомъ геніальнаго Самодержца. 28-го апрѣля 1721 года прибыли въ Ништадтъ Брюсъ и Остерманъ, носители мирныхъ условій своего Государя. Все лѣто тянулись переговоры.—«Вы хотите заставить насъ подписать безчестный миръ!» взывали шведскіе уполномоченные; но было уже поздно. Два раза русскій Царь начиналъ съ ними прежде переговоры,—тогда они упорствовали, требовали невозможнаго. Теперь онъ гордо объявилъ, что силой заставитъ Швецію мириться, разсуждать же, честенъ или безчестенъ будетъ для нея миръ,—не его дѣло! Приходилось склониться передъ каменною стѣною Петровой воли. Шведы дѣлали, что могли,—они изощрялись тянуть переговоры. Лѣто шло къ концу. Царь терялъ терпѣніе.

«Пыль клубится по дорогѣ, Государь! пыль столбомъ поднимается! курьерская тройка скачетъ!»

(Къ стр. 109).

Ягужинскій полетѣлъ въ Ништадтъ торопить, во что бы то ни стало, подписаніемъ мирныхъ условій. Догадливый Остерманъ, понявъ волненіе Петра, сумѣлъ хитростью ускорить желанную развязку. Онъ собралъ къ себѣ, на пиръ, друзей и недруговъ, представилъ имъ любимца царскаго и торжественно объявилъ, что онъ носитель рѣшительной послѣдней воли своего Монарха. Переглянулись шведы—не допили своихъ стакановъ! —«А что, какъ вдругъ прервутъ переговоры?» пробѣжало въ мысляхъ каждаго изъ нихъ.— Тогда опять побѣды русскихъ! Нѣтъ, ужъ лучше уступить, покончить по-добру и подписать условія. Миръ такъ нуженъ шведамъ. Давно покоя ждетъ страна. И согласились, безъ оговорокъ, на всѣ требованія русскихъ пословъ. Ливонію, Эстляндію, Ингрію, Корелію съ Выборгомъ отдавала Швеція. Только этого и дожидался умный Остерманъ. Онъ подписалъ аккордъ (мирный договоръ) и сейчасъ же отправилъ курьера съ этою доброй вѣстью къ Царю. Нетерпѣливый Петръ уже скакалъ самъ по дорогѣ въ Выборгъ. 3-го сентября, на Лисьемъ носу, подъ тѣнью самимъ имъ посаженныхъ дубковъ, у только что построеннаго дворца, сидѣлъ Царь. Онъ сильно волновался, то вскакивалъ, то вновь садился, твердя запекшимися губами: «Что тамъ? какъ? отъ чего замедленіе?»— «Пыль клубится по дорогѣ, Государь! пыль столбомъ поднимается! Курьерская тройка скачетъ!» кричалъ денщикъ Волковъ, подбѣгая. Петръ выпрямился во весь свой богатырскій ростъ. Съ телѣжки соскочилъ капралъ преображенскаго полка Образцовъ и, подавая пакетъ, выговорилъ задыхаясь: «Миръ, Ваше Величество!» Государь перекрестился и, не распечатывая драгоцѣннаго письма, ушелъ къ себѣ во дворецъ.

Тамъ, въ уединеніи, онъ обдумывалъ всѣ выгоды подписанныхъ условій, сдѣлалъ собственноручно всѣ нужныя распоряженія и 4-го сентября, чуть свѣтъ, вышелъ въ пріемную, къ ожидавшей его свитѣ, торжествующій, ясный, какъ утренняя заря. Онъ послалъ Сиверсу и Синявину приказанія явиться въ Кронштадтъ съ своими кораблями, поздравляя ихъ съ блестящимъ, выгоднымъ миромъ, окончаніемъ войны,—двадцать одинъ годъ изнурявшей его любимую Россію. А самъ поѣхалъ въ Петербургъ.

Взволновалась юная русская столица рано утромъ 4-го сентября, услыхавъ долетавшіе съ моря пушечные выстрѣлы. Въ устьи Невы показалась царская бригантa. Каждую минуту стрѣляли всѣ три ея пушки; трубачи съ кормы трубили изъ всѣхъ силъ, и сбѣгавшейся толпѣ слышалось въ этихъ звукахъ завѣтное, священное слово: «миръ!» Свѣтлый, радостный стоялъ Царь-Батюшка, любимый, славный побѣдитель. И народъ, и знать, и духовенство, и войска,—всѣ спѣшатъ къ нему на встрѣчу. Крѣпость подхватила пальбу, церковные колокола радостно вторили побѣдной стрѣльбѣ. Петръ направился прямо къ крѣпости: «Миръ, ребята, миръ!» услышалъ весь народъ отъ самого Царя. Онъ, снявъ шляпу, шелъ съ бриганты прямо въ Троицкій соборъ. Ему было трудно двигаться сквозь толпу. Народъ неистовыми криками выражалъ свою радость; ловилъ его руки, цѣловалъ ноги, полы его кафтана и плакалъ отъ восторга. Въ дверяхъ собора показался Рязанскій митрополитъ, Стефанъ Яворскій: «Войди, побѣдитель, миротворецъ!» вдохновенно воскликнулъ старѣйшій іерархъ русской Церкви, осѣняя святымъ крестомъ Божьяго Помазанника. Изъ широко раскрытыхъ дверей храма неслись слова

умилительной молитвы: «Тебе, Бога, хвалимъ!» и восхищенный народъ услышалъ могучій голосъ своего земного Царя, слившійся съ голосами пѣвчихъ въ восхваленіи и благодареніи Царя Небеснаго—Подателя побѣдъ непоколебимо вѣрующимъ чадамъ православной Церкви и одолѣнія надъ ея врагами.

Изъ храма Царь вышелъ на площадь, гдѣ уже были выкачены бочки вина и пива. На его радостномъ лицѣ блестѣли слезы умиленія и благодарности Творцу. Онъ взошелъ на приготовленный помостъ и громко сказалъ народу: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что такую долголѣтнюю войну всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціей счастливый, вѣчный миръ!»—«Да здравствуетъ Государь!» восторженно отвѣчали толпы. Отрядъ драгунъ съ бѣлыми перевязями черезъ плечо ѣздилъ по улицамъ, въ предшествіи трубачей, возвѣщая о мирѣ и его блестящихъ послѣдствіяхъ.—Великолѣпенъ былъ этотъ славный праздникъ мира! Прекрасны минуты, переживаемыя царственнымъ Побѣдителемъ! Онъ захотѣлъ ознаменовать его, по примѣру своихъ предковъ, добрымъ дѣломъ. 20-го сентября самъ отправился въ Сенатъ и объявилъ, что, въ знакъ благодарности за милость Божію, даетъ прощеніе всѣмъ осужденнымъ преступникамъ, освобождаетъ государственныхъ должниковъ и слагаетъ недоимки, накопившіяся съ начала войны по 1718 годъ.

22-го октября—новое торжество! Государь пожаловалъ къ обѣднѣ въ Троицкій соборъ. Преосвященный Ѳеофанъ Прокоповичъ громогласно прочиталъ мирныя условія со Швеціей, потомъ, обращаясь къ Государю, сказалъ рѣчь, въ которой перечислилъ всѣ великія дѣла Царя Петра,—«истинно великаго Отца

своего Отечества, славою превзошедшаго даже восточныхъ императоровъ.»—Тогда подошли къ Государю сенаторы, и канцлеръ, графъ Головкинъ, въ свою очередь, краснорѣчиво выразилъ, какъ Государь геніальнымъ, неутомимымъ трудомъ вызвалъ свою родину изъ небытія въ славное бытіе, поставилъ ее на равную степень съ первенствующими монархіями міра и облекъ такимъ блескомъ могущества и славы, что благодарный народъ всеподданнѣйше молитъ своего великаго Вождя принять титулъ «Отца Отечества, Петра Великаго, Императора Всероссійскаго».—«Виватъ, виватъ, виватъ! Петръ Великій, Отецъ Отечества, Императоръ Всероссійскій!» прокричали всѣ сенаторы. Этотъ радостный крикъ повторила полной грудью вся безчисленная толпа, тѣснившаяся внутри и внѣ храма. Онъ прокатился изъ края въ край по стогнамъ юной столицы. Эти крики народной гордости подхватила радостно вся воспрянувшая Россія, и могучія волны красавицы Невы понесли ихъ въ широкую Балтику, туда, гдѣ стонали враги восточнаго великана, приниженные русскою силой,—туда, гдѣ завистливымъ окомъ слѣдили кабинеты образованной Европы за сказочнымъ ростомъ могучей Россійской Имперіи. Такъ счастливо кончилась наша Сѣверная война, начатая Московскимъ государствомъ и законченная Императорской Россіей!

ИСТОЧНИКИ:

1) *Іегеръ.* Всеобщая исторія, 9-й выпускъ.
2) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи. Эпоха преобразованій. Т. VI.
3) *Голиковъ.* Ч. VII.

Преосвященный Θеофанъ Прокоповичъ, обращаясь къ Государю, сказалъ рѣчь, въ которой перечислилъ всѣ великія дѣла Царя Петра, истинно великаго Отца Отечества. *(Къ стр. 112).*

Петръ Великій въ Дербентѣ.

1722 годъ.

ТОРЖЕСТВУЮЩІЙ, счастливый Петръ не забылъ своей старой колыбели, гнѣзда Романовскихъ орловъ. Отпировавъ на славу у береговъ державной Невы, онъ отправился въ древнюю Москву. Синодъ, Сенатъ, Дворъ, любимые полки, вся знать сопровождали туда только-что провозглашеннаго Императора. Истово, по старинѣ, привѣтствовала его Златоглавая старушка въ стѣнахъ своего древняго Кремля. Всѣ сорокъ сороковъ ея старинныхъ храмовъ радостно звонили, чуть ли не заглушая выстрѣлы орудій, при торжественномъ вшествіи побѣдоносныхъ войскъ. Впереди преображенцевъ шелъ ихъ полковникъ—Петръ Алексѣевичъ, Императоръ Всероссійскій, потомъ подполковники—Меншиковъ и Бутурлинъ. За преображенцами шли полки Ингерманландскій, Астраханскій, Лефортовскій, Бутырскій. На Красной площади Новгородскій архіепископъ Ѳеодосій привѣтствовалъ Государя словами: «Дѣлателю благій! Благодать дѣлъ твоихъ превосходитъ похвалы. Прими

же не хвалу,—а привѣтъ сердца и снѣдай неожиданные плоды трудовъ твоихъ, даруя насыщаться ими и сынамъ твоимъ, Отецъ Отечества!»—Затѣмъ шествіе двинулось въ Успенскій соборъ, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Съ чисто русскимъ хлѣбосольствомъ пировалъ Императоръ среди своихъ родовитыхъ бояръ, именитыхъ купцовъ, добродушныхъ, набожныхъ московскихъ людей. Народъ не могъ достаточно налюбоваться на своего чудо-богатыря, Императора Всероссійскаго, сразу поднявшаго родину на высшую ступень величія и славы среди европейскихъ государствъ. «Выходитъ, что наша матушка-Москва теперь—столица русской Имперіи. Она, значитъ, сравнялась въ чести съ древней Византіей,—столицей Римской Имперіи!» переговаривались довольные, гордые москвичи. Забыли они всѣ строгости Государя, нелюбимые ими его порядки; простили всѣ новшества, всѣ заморскіе обычаи. Къ Императорскому Двору, наперерывъ другъ передъ другомъ, торопились знатныя боярыни, чванныя старушки древней столицы, въ фижмахъ, пудрѣ, мушкахъ, парикахъ. Всѣхъ одинаково ласково принимала вторая супруга Петра, Екатерина Алексѣевна, вѣрная подруга трудовой, тяжелой жизни Преобразователя. Она всецѣло посвятила свою жизнь заботамъ о царственномъ Супругѣ,—съ любовью оберегала его здоровье, искренно радовалась его радостямъ, тужила горько о его неудачахъ и горестяхъ, спѣшила къ нему, когда видѣла, что онъ огорченъ, опечаленъ, разстроенъ. Во всѣхъ страданіяхъ, которыя причинялъ великому Царю его болѣзненный, непонятливый сынъ отъ первой супруги, Евдокіи Ѳеодоровны Лопухиной, она являлась ангеломъ-утѣшителемъ удрученнаго горемъ отца. Не вмѣшиваясь въ госу-

дарственныя дѣла, Екатерина Алексѣевна сливала свою жизнь съ каждымъ движеніемъ, каждою думой своего Августѣйшаго Супруга. Во время болѣзни не отходила отъ него, при частыхъ сильнѣйшихъ головныхъ болякъ Государя часами оставалась неподвижною, не снимая рукъ съ головы страдальца. Ея мужество во время Прутскаго похода можно сравнить только съ мужествомъ «древнихъ римскихъ матронъ». Это мнѣніе заимствовано изъ иностранныхъ источниковъ. Если оно дошло до насъ съ враждебнаго Запада, гдѣ такъ неохотно всегда отмѣчали, да и теперь стараются затушевывать все хорошее, что представляетъ историческая жизнь Россіи, то что же чувствовали современники, живые свидѣтели семейнаго счастья Отца Отечества? Давно съ надеждой и упованіемъ обращались къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ всѣ, кому приходилось прибѣгать къ царской милости. Охотно, усердно заступалась она за обиженныхъ, страждущихъ, вымаливала прощеніе даже виноватымъ, со слезами прося за нихъ своего царственнаго Супруга. Съ умиленіемъ смотрѣли русскіе люди, близкіе къ престолу, на преданную, нѣжную Подругу трудовой жизни своего Монарха. — Пока шли въ Москвѣ безконечные пиры и празднества, въ синодальной, крестовой палатѣ собирались вѣрные слуги царскіе въ особое засѣданіе и, обсудивъ вопросъ внимательно, въ общемъ собраніи, рѣшили поднести на соизволеніе Государя свое постановленіе о присвоеніи Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ титула Императорскаго Величества. А въ 1724 году 7-го мая (тоже въ Москвѣ) Императоръ Петръ I-й короновалъ свою Августѣйшую Супругу Императорскимъ вѣнцомъ.

Зима 1721—22 гг. прошла для москвичей въ праздничномъ чаду. Пиры смѣнялись новыми пирами. Вездѣ являлись Императоръ и Императрица и были, видимо, довольны весельемъ подданныхъ. Но заботливыя думы не покидали славнаго чела Петрова. На время онъ могъ быть покоенъ за свои западныя окраины. Замолкъ упрямый, побѣжденный шведъ. Притихла Данія. Король Прусскій искренно или нѣтъ, но крѣпко держался русской дружбы. Польша умирала отъ внутреннихъ раздоровъ. Австрія была поглощена интригами съ дворами западныхъ сосѣдей. Съ Турціей былъ заключенъ надежный, вѣчный миръ. За то востокъ ужъ очень крѣпко тревожилъ заботливаго Пѣстуна земли родной. Туда не разъ ходили его послы, чтобы сговориться и съ армянами и съ персами на счетъ нашей торговли. Первые не держали условій, вторые сильно притѣсняли русскихъ купцовъ: ихъ грабили, разоряли и напослѣдокъ многихъ даже перебили. Русскіе послы, Александръ Бековичъ Черкасскій, Волынскій, Макаровъ, Семенъ Абрамовъ, какъ ни старались исполнить царскіе указы, никакъ не могли добиться выгодныхъ отношеній. Съ востока неслись постоянно недобрыя вѣсти. Афганцы поднялись противъ персидскаго шаха Гуссейна и уже подступили къ Испагани. Этимъ, конечно, могла воспользоваться Турція и своимъ вліяніемъ оттѣснить Россію отъ Каспійскаго моря, но тогда умалится значеніе блестящихъ успѣховъ на сѣверной окраинѣ. Каспій необходимъ для народившейся Имперіи, чтобы поддержать ея мощь на Балтикѣ. Нѣтъ, нельзя допустить усиленія Турціи ни въ какомъ случаѣ.—И весь взволнованный, озабоченный, съ письмомъ Абрамова въ рукахъ, Императоръ порывисто отправился въ покои

Екатерины Алексѣевны.—«Прощай, сердечное дитя мое! *) я уѣзжаю въ Астрахань! Смотри! читай, что пишутъ мнѣ о персидскихъ дѣлахъ!»—«Въ Астрахань? Такъ далеко? Но ты, Государь мой, обѣщалъ прожить здѣсь все лѣто, заняться духовными и судными дѣлами!»—«Не могу. Тамъ пропадаютъ наши интересы!»—«А какъ же здѣсь будетъ безъ тебя?»—«Павлуша Ягужинскій да владыко Ѳеофанъ присмотрятъ за Сенатомъ и Синодомъ, а Данилычъ будетъ вѣдать военную коллегію. Тебѣ обо всемъ, что важно, разскажутъ, мнѣ съ нарочнымъ отпишутъ!»—«Ну, нѣтъ, не до дѣлъ, не до совѣтовъ мнѣ, когда ты такъ далеко! Возьми меня съ собой!»—«Нельзя, Катюша! Дологъ путь и труденъ!»—«Не ѣзди самъ, тебѣ ужъ не подъ силу такъ уставать. Побереги себя!» И Государыня расплакалась.—Какъ ни жаль было Императору разставаться съ любимой Подругой, но онъ не могъ ей уступить, не могъ пренебречь интересами государства. 3-го мая гвардія двинулась внизъ по рѣкѣ Москвѣ. 13-го самъ Императоръ сухимъ путемъ доѣхалъ до Коломны. Тамъ онъ долженъ былъ разстаться съ Императрицей, но добрая, любящая женщина на-отрѣзъ отказалась отпустить его одного. Пришлось уступить ея слезамъ и мольбамъ. Екатерина Алексѣевна рѣшительно сѣла на Императорскій баркасъ. Государя сопровождали Апраксинъ, Толстой, и цѣлая флотилія поплыла по Окѣ въ Нижній, а тамъ по Волгѣ до Астрахани. 18-го іюня, во главѣ многочисленныхъ галеръ, на которыхъ красовались царскіе побѣдоносные полки, русскій Императоръ оставилъ

*) Переводъ съ нѣмецкаго: «Herzenskind», какъ часто звалъ Государь свою супругу.

Астрахань и поплылъ по спокойнымъ волнамъ Каспійскаго моря въ сторону Дербента. 1722 г. 27-го іюня, въ годовщину славной побѣды у Гангутскаго мыса, Петръ вышелъ на берегъ въ Архангельскомъ заливѣ; войска вытянулись стройными рядами, былъ поставленъ аналой, и духовенство отслужило благодарственный молебенъ за дарованную русскимъ войскамъ великую побѣду надъ шведами. Южное небо, южное море услышали теплыя моленія благочестивыхъ сѣверянъ, пришедшихъ изъ далекихъ хладныхъ странъ помогать своимъ единовѣрнымъ азіятскимъ братьямъ. Туть же выстроили необходимый ретраншементъ, т. е. укрѣпленный лагерь, оставили сторожевой отрядъ и двинулись впередъ. 12-го августа съ распущенными знаменами, при барабанномъ боѣ и торжественныхъ звукахъ военной музыки, русскія войска стали лагеремъ подъ Тарками.

За пять верстъ до города встрѣтилъ Бѣлаго Царя владѣлецъ Тарской земли, Шевкалъ Адальгирей. Императоръ ѣхалъ верхомъ передъ фронтомъ. Шевкалъ сошелъ съ лошади и до земли поклонился Его Величеству, поздравляя со счастливымъ пріѣздомъ, потомъ подошелъ къ каретѣ Ея Величества и, низенько склонившись передъ Супругой великаго вождя, цѣловалъ землю, по восточному обычаю. На другой день Императоръ, въ сопровожденіи трехъ ротъ драгунъ, ѣздилъ смотрѣть старинныя укрѣпленія въ Тарковскихъ горахъ и, согласившись на убѣдительныя просьбы Адальгирея, посѣтилъ его жилище. Съ почетомъ, какой только могъ придумать азіятскій князекъ, принялъ онъ своего великаго Гостя: провелъ по большимъ комнатамъ, украшеннымъ каменными фонтанами, на женскую половину, въ комнату, гдѣ жили его жены. Ее роскошно убрали зерка-

лами и коврами. Императора встрѣтили двѣ жены Адальгирея, окруженныя знатнѣйшими туземками. Всѣ поклонились до земли, цѣлуя правую ногу Петра, а потомъ, испросивъ позволеніе, поцѣловали и его руку. Принесли скатерть, поставили фрукты и разныя кушанья. Хозяинъ, разливъ по чашкамъ горячее вино, поднесъ Государю. Его Величество обратилъ вниманіе на чудесную посуду и пожелалъ знать, откуда ее получаютъ. Ему отвѣтили, что ее дѣлаютъ въ персидскомъ городѣ Мешедѣ.

Вернувшись въ лагерь, Государь очень подробно разсказалъ все своей Супругѣ. Она такъ заинтересовалась слышаннымъ, что выразила самое любопытное желаніе увидѣть магометанскихъ княгинь. 14-го августа обѣ жены Адальгирея, разодѣвшись въ богатѣйшіе персидскіе наряды, укрытыя бѣлыми чадрами, явились въ русскій лагерь, въ ставку Ея Величества, цѣловали ногу, руку Императрицы и поднесли ей 16 лотковъ винограда. На другой день, въ праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы, въ русскомъ лагерѣ, подъ Тарками, была поставлена походная церковь Преображенскаго полка. За рядами православныхъ воиновъ стояла тѣсная толпа сбѣжавшихся туземцевъ, сосредоточенно присутствовавшихъ при христіанскомъ Богослуженіи. По окончаніи обѣдни, Императоръ Петръ самъ вымѣрялъ пространство, гдѣ стоялъ походный храмъ, и положилъ огромный камень на мѣстѣ, гдѣ стоялъ престолъ. Второй камень благоговѣйно положила Екатерина Алексѣевна, за нею всѣ присутствовавшіе, такъ что быстро поднялся каменный курганъ тамъ, гдѣ служили православную литургію, подъ Тарками, на пути къ Дербенту.

Побѣдоносно, хотя и безусловно утомительно было

шествіе главныхъ силъ. Въ письмѣ къ сенаторамъ Государь выражался такъ: «Дорогою все видѣли смирно и отъ владѣльцевъ горскихъ принимаемы пріятно лицомъ (а сія пріятность ихъ была въ такой ихъ волѣ, какъ проповѣдь о божествѣ Христовѣ, реченная: «что намъ и Тебѣ, Іисусе, Сыне Бога Живаго!») Отдѣльные русскіе отряды дрались то тутъ, то тамъ, съ успѣхомъ, наводя страхъ на туземцевъ, давая имъ чувствовать всю тяжесть русскаго оружія, настойчиво поддерживавшаго интересы родной торговли на далекомъ Востокѣ. «Не троньте моихъ подданныхъ!» твердо говорилъ каждый шагъ Императора въ этомъ тяжеломъ переходѣ. «Ни передъ чѣмъ не остановлюсь, чтобы строго взыскать за обиду русскаго человѣка!»—И грозенъ и великъ шелъ онъ съ своими побѣдоносными богатырями.

По дорогѣ къ Дербенту лежало мѣстечко Утемишъ, столица султана Махмуда. Императоръ послалъ къ нему трехъ донскихъ казаковъ, съ письмомъ, предлагая сдаться безъ боя; отвѣта не дали, посланцевъ убили, Махмудъ же яростно напалъ на русскихъ. Не долго продолжался бой: непріятель былъ смятъ, отброшенъ, уничтоженъ, мѣстность выжжена, и Петръ продолжалъ свой путь. Дербентъ не сопротивлялся: 23-го августа, за версту отъ города, Наибъ встрѣтилъ Государя, палъ на колѣни и поднесъ на серебряномъ блюдѣ два серебряныхъ ключа отъ городскихъ воротъ. Весь народъ, съ духовенствомъ страны во главѣ кланялся русскому Бѣлому Царю; со стѣнъ палили пушки. Торжественно въѣзжалъ Императоръ, во главѣ, своихъ славныхъ полковъ, въ древній Дербентъ. У самыхъ воротъ города, указывая величественнымъ движеніемъ руки на живописный городъ, Петръ ска-

23 августа, за версту отъ города, Наибъ встрѣтилъ Государя, палъ передъ нимъ на колѣни и поднесъ на серебряномъ блюдѣ два серебряныхъ ключа.

(Къ стр. 120).

залъ слѣдовавшему за нимъ Толстому: «поставить здѣсь стѣну, чтобы защитить свое государство отъ хищныхъ набѣговъ степныхъ дикарей!»—Императрица слѣдовала за своимъ Супругомъ въ каретѣ; Августѣйшихъ гостей помѣстили въ цитадели, бывшемъ дворцѣ султана; войско расположилось лагеремъ на равнинѣ по морскому берегу. Государь писалъ объ этой торжественной встрѣчѣ въ сенатъ: говорилъ о трудностяхъ пути и о хорошихъ вѣстяхъ изъ Баку, куда послалъ цѣлый отрядъ войска. Онъ поздравилъ сенаторовъ съ тѣмъ, «что, съ Божіею помощью, въ сихъ краяхъ футъ *) получили». Самъ же страшно волновался, безпокоясь о своемъ любимомъ войскѣ. Необходимый провіантъ не подплывалъ изъ Астрахани. Флотилію задерживали бури. Государь такъ сильно тревожился, что не могъ уйти съ морского берега, откуда разстилалась безконечная даль. Долго уговаривала его Екатерина Алексѣевна не стоять на берегу, не оставаться во время бури подъ дождемъ, доказывая, что это вредно для его здоровья. Наконецъ, Государь послушался, вернулся, только успокоиться не могъ. Схвативъ свой любимый старый топоръ, онъ, съ свойственной ему силой, прорубилъ себѣ окно въ стѣнѣ опочивальни, и изъ него открылся очаровательный видъ на городъ, море и всю живописную, чудную окрестность.—«Ну, посмотри, Катюша, какая красота, какая сила волнъ,—онѣ шумятъ, бушуютъ, вторятъ тѣмъ нашимъ сѣвернымъ роднымъ волнамъ! Теперь ужъ три моря—наши! Пойми, сердечное дитя, что вся земля, которую омываютъ эти воды,—русская земля, великая, богатая, могучая!»—«Лишь бы здо-

*) Т. е. стали твердою ногой.

ровье-то у тебя было—поработать на ея счастье», сказала нѣжно Екатерина Алексѣевна: «не бережешься ты нисколечко, о себѣ и думать не хочешь! Все о своемъ государствѣ печешься!» Ея рѣчь была прервана громкимъ восклицаніемъ Государя: въ прорубленное имъ окно онъ, въ подзорную трубу, разсмотрѣлъ далеко, далеко бѣлые паруса. Ихъ было много! Это шелъ Вильбоа съ провіантомъ.

Спѣшно дѣлались приготовленія къ отъѣзду. Въ Дербентѣ оставили гарнизонъ. На возвратномъ пути заложили крѣпость святаго Креста,—она замѣнила прежнюю Тарскую крѣпость; побывали и на новомъ Архангельскомъ ретраншементѣ. Оттуда Петръ послалъ полковника Шилова въ Гилянъ съ отдѣльнымъ отрядомъ. Наконецъ, ихъ Величества благополучно достигли въ добромъ здоровьи Астрахани 4-го октября 1722 года.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи. Т. XVI. Царствованіе Императора Петра Великаго.

2) Иностранные источники.

Петербургъ.

30-го мая 1723 года.

ЛѢНИВО отдѣлялся туманъ отъ сырой земли, перенимая лучи восходящаго солнца, и стлался по черепичнымъ крышамъ домовъ, точно желая помѣшать теплому солнышку нагрѣть, утѣшить своимъ блескомъ молодую столицу сѣверной Имперіи. Коровы бродили около домовъ, жадно подъѣдая свѣжую травку въ изобиліи пробивавшуюся по сторонамъ немощеныхъ еще улицъ. Пѣтухи принимались неистово горланить, въ перегонку, возвѣщая солнечный восходъ, а городъ уже давно былъ полонъ жизни и движенія.

Рано просыпался Петербургъ въ первые годы своего существованія. Отъ Смольнаго двора, внизъ по Невѣ, чуть свѣтъ, ужъ тянулись къ Адмиралтейству цѣлые караваны лодокъ, нагруженныхъ бочками, снастями, лѣсомъ. Въ домахъ, на дворахъ жизнь била необычною волной. Около богатыхъ палатъ стояли огромныя фигурныя коляски, кареты, запряженныя цугами разукрашенныхъ лошадей. Кой-гдѣ, среди

зелени палисадниковъ, куртинъ, обрамлявшихъ иные подъѣзды, какъ ягодки, рисовались красныя одноколки; ржали, прыгали осѣдланныя лошади въ раззолоченой сбруѣ. Изъ всѣхъ домовъ выходили люди разнаго званія и вида, кто въ богатомъ, кто въ бѣдномъ, но всѣ въ чистомъ нарядѣ. Одни набожно спѣшили въ церковь, другіе на берегъ рѣки, уже усыпанный любопытнымъ людомъ. По самой Невѣ такъ и сновали блестящіе разукрашенные буера, баркасы, шлюпки, лодки, направляясь къ воротамъ крѣпости. А въ воздухѣ стоялъ, гудѣлъ не умолкая праздничный церковный звонъ. Толпа любовно вслушивалась въ звуки.—«Ай да Иверскій-Валдайскій! *) Рѣчистъ родимый, словно громъ!» неслось по адресу 800-пудоваго колокола съ соборной Александро-Невской колокольни.—«Ну, куда тебѣ, свейскій пискунъ! Не тягаться же съ нашимъ русскимъ богатыремъ», презрительно отзывались объ колоколѣ Троицкаго собора, привезенномъ изъ Або.

Около «Литейнаго Дома» **) солдаты и дворовая челядь, подъ наблюденіемъ собственныхъ Государевыхъ денщиковъ, выметали въ саду аллеи, ставили скамьи, накрывали длинные столы: городъ, видимо, готовился къ великому торжеству.—«Вотъ трезвонъ-то задаютъ спозаранку», сказалъ прохожій молодецъ.—«И что ты, братъ, видно, не здѣшній; для насъ-то, тунеядцевъ, оно, можетъ, и рановато—6 часовъ, ну, а Царь нашъ—батюшка давно вставши, почитай, что ужъ часа три, какъ за работой: примѣръ

*) Изъ Валдайскаго Иверскаго монастыря.

**) Дворецъ Петра Великаго, существующій и теперь въ Лѣтнемъ саду.

намъ знатный даетъ! »—«Все для насъ, своихъ рабовъ, трудится», сказалъ третій.—«И праздничка не знаетъ», поддержали въ толпѣ.—«Народъ его гуляй себѣ, да веселись, а онъ, отецъ-кормилецъ, и спитъ-то однимъ глазомъ. Дай ему Господь здравія на многи лѣта!»

Показался тяжелый рыдванъ архимандрита Александро-Невскаго монастыря, Ѳеодосія Яновскаго. Окружавшіе монахи едва могли шагъ за шагомъ открывать ему дорогу среди сгустившейся толпы, почтительно снимавшей шапки передъ служителемъ Божіимъ.—«Тоже къ празднику поспѣваетъ», заговорили въ толпѣ.—«А то какъ же? Вѣдь надо помолиться за Царя то!»

Среди всеобщаго говора, вдругъ послышался хриплый голосъ, точно изъ трубы: «ужо, вонъ скоро, какъ васъ отселева погонятъ въ православную Москву, бѣлокаменную, да отдадутъ Питеръ снова шведу, еретику, такъ, пожалуй, и всплакнете малую толику!» говорилъ широкоплечій, рослый рыжій парень. Всѣ глаза обернулись въ его сторону: не то страхъ, не то недовѣріе читались на лицахъ присутствующихъ. Толпа попятилась, здоровенный гарнизонный капралъ протолкался впередъ.—«Питеръ уступаемъ шведамъ?» спросилъ онъ громко, твердо, покручивая усы и строго обводя народъ глазами. «Чтобъ отсохъ языкъ у бездѣльника, кто выговорилъ эти слова! Не видать шведамъ Питера, какъ ушей своихъ! Слышишь ли? Питеръ—шведамъ! когда мы безъ мала не забрали всей ихъ землишки и чуть не полонили самого короля! Или мало что ли пролили мы крови? или не милъ ужъ Государю Питеръ? или не милъ намъ Государь что ли?» все возвышая голосъ, говорилъ служивый.

— «Намъ ли не любить Питера? Христосъ въ вами,

кавалеръ!» заговорилъ степенный приземистый купецъ съ окладистой русой бородой, «трудно было сначала въ новомъ поселеніи, за то милостью Бога и Государя нажились, обжились мы здѣсь въ прокъ и веселье. Намъ ли не любить Питера? Здѣсь вонъ скоро двадцать ужъ годковъ мы живемъ да и семьей обзавелись; и дѣтки и прибытокъ подрастаютъ! Кого, кого не обласкалъ Государь нашъ милостивый? Онъ самъ не разъ и у меня крестилъ».—«У насъ хлѣба-соли кушалъ», подхватили другіе, «былъ на похоронахъ моего сына, капрала-то изъ преображенцевъ».—«Изволилъ веселиться и на моей-то свадьбѣ. Дай Богъ ему здоровья на многи лѣта!»—«Ношу бороду», продолжалъ первый купецъ, «потому что сѣдая моя борода не стóитъ и бритвы, а какъ бы помоложе былъ, выбрилъ бы, какъ выбрилъ ее своимъ сыновьямъ. За Питеръ же лягу я костьми!»

— «Смерть сама прійдетъ, не спросится», не унимался рыжій, «видали, можетъ, звѣзду то съ хвостомъ, вотъ какъ шарахнетъ по землѣ, такъ всѣхъ и смерть возьметъ!»—«Анъ нѣтъ, все врешь», заголосили въ толпѣ, «тогда, когда она явилась, самъ Царь насъ всѣхъ собралъ на лугъ, возлѣ сада, самъ и показывалъ, самъ родимый все и толковалъ».—«Ну, ну, увидите, увидите еще не то! Нѣмцы хотятъ сгубить народъ, и Государь дастъ имъ надъ нами волю», кричалъ мужикъ. Къ нему подскочилъ какой-то секретарь, выхватилъ изъ рукъ его картузъ и, показавъ народу, закричалъ: «Видите православные, вонъ смотрите, желтый козырь! да здѣсь же спрятанъ и красный лоскутъ, должно быть, споротъ со спины!» *)

*) Отличительные знаки, которые повелѣно было особымъ указомъ имѣть раскольникамъ.

— «Раскольникъ, раскольникъ», раздалось въ толпѣ, и множество рукъ потянулось, чтобы задать здоровую головомойку неразумному брехуну.—«Государя хулить! какъ дерзаетъ на Государя класть хулу!»—Не сдобровать бы его косточкамъ, помяли бы ихъ хорошенько, если бы въ эту минуту колокола не затрезвонили къ обѣднѣ. Народъ закрестился. Кой-кто замѣтилъ, что пора и въ церковь—помолиться за Отца-Императора, любимца народнаго, высокаго новорожденнаго.—«И впрямь пора! Ура новорожденному великому Государю Петру Алексѣевичу!» И толпа повалила. Рыжій же трясся отъ страха, какъ осиновый листъ; его шапка валялась на землѣ. Одинъ изъ старыхъ отставныхъ солдатъ внушительно и важно замѣтилъ ему: «Ты, видать, здѣсь въ Питерѣ совсѣмъ ужъ вновѣ. Вонъ, погляди, идутъ царскіе драгуны. Мнѣ стóитъ имъ мигнуть,—и ты погибъ: они сведутъ тебя къ Антону Мануиловичу *), и ты сгинешь въ его канцеляріи, но я ужъ милую тебя именемъ милостиваго Государя. Поди, скажи тѣмъ глупцамъ, учителямъ своимъ, что поздно, молъ, они взялись за недоброе дѣло. Прошло то время, когда они могли надѣяться взволновать народъ своею злобою! Теперь онъ понимаетъ великія дѣла Царя Петра. Онъ любитъ его, какъ бога земного. Поди скорѣе, кричи погромче: «Да здравствуетъ отецъ нашъ, Царь-Государь, Петръ Алексѣевичъ, Императоръ Всероссійскій!» Закрестился раскольникъ, полною грудью вздохнулъ, спасенный отъ свирѣпыхъ кулаковъ, схватилъ шапку въ охапку, пустился бѣжать и ну себѣ кричать, чуть не всѣхъ

*) Графъ Антонъ Мануиловичъ Девіеръ, первый С-Петербургскій генералъ-полиціймейстеръ.

перекрикивая: «Да здравствуетъ отецъ нашъ, Царь Петръ Алексѣевичъ!» По толпѣ пронесся говоръ: «Графъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ!» Всѣ сторонились, многіе снимали шапки. Показались блестящіе вершники, за ними фигурная открытыя коляска, запряженная цугомъ разукрашенныхъ лошадей и окруженная множествомъ слугъ и скороходовъ, одѣтыхъ въ европейскіе камзолы. Въ коляскѣ сидѣлъ генералъ-адмиралъ графъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ. На его полномъ, благородномъ лицѣ отражалась сердечная доброта, глаза блестѣли остроуміемъ и проницательностью. Подъѣхавъ къ пристани, графъ вышелъ изъ экипажа, вѣжливо, съ улыбкой, снимая шляпу, привѣтствовалъ собравшуюся толпу, подавая руку тѣмъ, кого зналъ лично. На немъ былъ тщательно причесанный парикъ, французскаго покроя фіолетовый кафтанъ, богато шитый золотомъ, на груди красовалась Андреевская лента. Когда доложили, что лодки ждутъ его сіятельство, онъ снова всѣмъ поклонился и, окруженный своею свитой, сталъ спускаться по деревяннымъ сходнямъ.— Сподвижникъ Петра, другъ фельдмаршала Шереметева *), Апраксинъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Царя въ дѣлѣ смягченія нравовъ, введенія образованности и полезныхъ знаній. Въ его домѣ, какъ и въ домахъ Брюса, Голицына и многихъ другихъ, созрѣвшихъ въ школѣ Петра, замѣтны были благотворительность неимущимъ, просвѣщенная роскошь, покровительство уму и талантамъ. Изъ ихъ собраній были изгнаны кубки съ виномъ,—ихъ замѣняли поучительные разговоры, утонченныя манеры,

*) Борисъ Петровичъ Шереметевъ скончался въ 1719 г.; знаменитая его дочь—Наталья Борисовна—впослѣдствіи вышла за князя Ивана Долгорукова.

добродушное обхожденіе съ низшими. Они привлекали сердца своею вѣжливостью, хлѣбосольствомъ, непринужденною веселостью. Одновременно съ лодками адмирала на Невѣ показалась и царская баржа. Она спускалась къ пристани отъ Лѣтняго сада. Ярко блестѣли на майскомъ солнцѣ золотые галуны и красный бархатъ внутренней отдѣлки; съ Государемъ сидѣли Императрица, цесаревны Анна и Елисавета и дѣти царевича Алексѣя: великій князь Петръ (впослѣдствіи Императоръ) и его сестра, царевна Наталія. Баржа остановилась у пристани, устроенной у Невскихъ крѣпостныхъ воротъ. Тамъ стояли, дожидаясь Царя, петербургскій губернаторъ, князь Меншиковъ, великій канцлеръ графъ Головкинъ, генералъ-адмиралъ и знатнѣйшія особы государства.—Императоръ былъ въ треугольной шляпѣ, прострѣленной въ день знаменитой Полтавской битвы, въ кафтанѣ изъ голубого гродетура, вышитомъ серебромъ руками самой Императрицы, съ орденскою лентою св. Андрея Первозваннаго черезъ плечо. Ступивъ на берегъ, Петръ остановился, снялъ шляпу, низко поклонился на всѣ четыре стороны и, сопровождаемый Августѣйшимъ семействомъ и всѣми вельможами, вошелъ въ церковь, гдѣ тотчасъ началось богослуженіе. Народъ же запрудилъ улицы и всю, тогда обширную, Троицкую площадь.

По окончаніи службы, совершенной Ѳеодосіемъ, архіепископомъ Новгородскимъ, Государь вернулся тѣмъ же порядкомъ во дворецъ. Нева вся была покрыта множествомъ судовъ; ими управляли матросы въ бѣлыхъ рубашкахъ; роскошная обивка внутри, позолота, гдѣ только можно было ее положить, давали картинѣ самый пестрый, нарядный видъ. Яхты и фре-

гаты, расцвѣченные праздничными флагами, красиво качались на своихъ якоряхъ. Народъ по берегамъ нарядный, веселый, точно старался перекричать своими радостными возгласами пушечную пальбу и церковный звонъ. У пристани Лѣтняго сада Государя встрѣтили для поздравленія иностранные послы съ герцогомъ Голштинскимъ во главѣ. Принявъ ихъ Петръ направился къ войскамъ, ожидавшимъ его на нынѣшнемъ Царицыномъ лугу. Это были постоянно квартировавшіе въ Петербургѣ 8 полковъ: Преображенскій, Семеновскій, Ингерманландскій, С.-Петербургскій и 4 гарнизонныхъ.—Громкимъ «ура» привѣтствовали солдаты своего обожаемаго Отца-Царя. Онъ обходилъ ряды, здоровался не только съ командирами, но и съ отдѣльными солдатиками, лично ему извѣстными своею храбростью въ прежнихъ бояхъ. Потомъ Государь приказалъ угостить ихъ на славу и вошелъ во дворецъ, гдѣ ждали его Императрица, царевны и многія изъ самыхъ приближенныхъ лицъ. Столъ былъ накрытъ для немногихъ,—Государь не любилъ многолюдныхъ обѣдовъ, да и комнаты въ существующемъ еще теперь Лѣтнемъ дворцѣ были невелики. Прислуживали царскіе денщики: Афанасій и Алексѣй Татищевы, Орловъ, Муртинъ, Поспѣловъ, Бутурлинъ и Нартовъ. У прибора Его Величества были положены деревянная ложка, вправленная въ слоновую кость, ножикъ и вилка съ зелеными костяными черенками.—Гдѣ бы ни кушалъ Государь въ гостяхъ, дежурный денщикъ долженъ былъ всегда класть передъ нимъ его приборъ.

Въ этотъ день обѣдъ былъ нѣсколько нарядѣе обыкновеннаго, но все же любимыя блюда Петра не могли быть забыты: для закуски лимбургскій сыръ,

молодая рѣдька, потомъ щи, каша, студень, жареная утка въ кисломъ соусѣ, приправленномъ лимонами. Рядомъ со столовой находилась кухня *), чрезвычайно чистая; стѣны были выложены, по-голландски, бѣлыми маленькими кафлями съ голубымъ узоромъ. Кушанья, чтобы не простывали, передавались сквозь окошечко въ стѣнѣ, раздѣлявшее обѣ комнаты.

По окончаніи обѣда, гости перешли въ другую комнату, а Государь удалился въ свою токарню. Тамъ или на галлереѣ, стоявшей противъ дворца, онъ отдыхалъ съ полчаса, послѣ чего занимался дѣлами. На наружной сторонѣ дверей токарной комнаты онъ собственноручно сдѣлалъ надпись: «Кому не приказано, или кто не позванъ, да не входитъ сюда; не токмо посторонній, ниже служитель дома сего, дабы хозяинъ хотя сіе мѣсто имѣлъ покойное».

Ударило пять часовъ: пушечный выстрѣлъ съ адмиралтейства прогудѣлъ надъ городомъ, въ разныхъ мѣстахъ раздался барабанный бой, и взвились надъ зданіями флаги. Это былъ сигналъ—собираться въ Лѣтній садъ на ассамблею, о которой жители были уже извѣщены объявленіями, прибитыми по угламъ улицъ и по стѣнамъ домовъ. Опять засновали по улицамъ многочисленные блестящіе экипажи. Нева покрылась прелестными лодками. Какъ стая птицъ, летѣли онѣ, перегоняя другъ друга и спѣша по зову царскому, на его радушный пиръ. Набережная, передъ воротами сада пестрѣла скопившимися на ней, разряженными, веселыми гостями. Богатымъ, пышно разодѣтымъ, сопровождавшіе ихъ гайдуки въ цвѣтныхъ ливреяхъ расчищали дорогу, становясь въ два ряда,

*) Существующая и теперь.

раздвигая толпу, очень почтительно дававшую дорогу знати.

Въ средней галлереѣ, назначенной для дамъ и лучшаго общества, были приготовлены сладкія угощенія. Императрица и царевна, какъ хозяйки, встрѣчали гостей, поднося имъ по чаркѣ вина или меду. Въ боковыхъ галлереяхъ стояли холодныя блюда для мужчинъ. Отъ галлерей тянулись на 250 саженъ три аллеи, перерѣзанныя множествомъ другихъ, подъ разными углами. Около дворца, и теперь существующаго, разрослась уже тогда прекрасная, тѣнистая дубовая роща. По направленію къ Фонтанкѣ красовался гротъ, весь внутри обложенный пестрыми раковинами. На площадкѣ противъ грота были разставлены статуи, изображавшія дѣйствующихъ лицъ или звѣрей изъ любимыхъ Царемъ басенъ Федра и Эзопа. Тутъ толпилось много гостей. Кто читалъ надписи подъ статуями, кто поджидалъ Государя, который обыкновенно проходилъ этой площадкой въ главную аллею. На лугу разставлены были столики, на нихъ приготовлены для гостей трубки, табакъ, кружки съ пивомъ, кругомъ стояли маленькія скамейки. Эти отдѣльные сборные пункты назывались: дамскій, шкиперный, смотря по тому, гдѣ кто больше собирался. Между двумя фонтанами была расчищена площадка для танцующихъ. Подальше, около прудовъ, тянулись длинные столы, нагруженные разными кушаньями. Еще дальше, въ сторонѣ отъ главныхъ аллей, стояли открытыя бочки съ пивомъ, виномъ, водкой, изъ которыхъ гости попроще могли черпать, сколько угодно. Во многихъ мѣстахъ гремѣла музыка: трубы, фаготы, гобои, литавры, волторны и мѣдныя тарелки весело гремѣли въ воздухѣ. По временамъ раздавался польскій рожокъ,

который очень полюбился Петру, и онъ самъ иногда на немъ игрывалъ.

Около семи часовъ вышелъ изъ дворца державный Виновникъ торжества. Въ ту же минуту затворили двери сада: по обычаю, тогда уже никто не могъ покинуть собранія безъ особаго на то разрѣшенія.

Сильный жаръ началъ спадать, общая веселость разливалась по всему саду. Великій Петръ въ этихъ случаяхъ отбрасывалъ всякій этикетъ. Самъ обходилъ своихъ гостей, держался съ ними, какъ равный, поддерживая вездѣ непринужденную веселость. То, взявъ трубку, онъ усаживался къ столику, гдѣ сидѣли матросы, и болталъ съ ними о ихъ плаваніяхъ, о морѣ, о корабляхъ. Съ военными толковалъ о походахъ, трудахъ, вмѣстѣ перенесенныхъ. Дамъ угощалъ сладостями, знакомилъ съ кавалерами, иногда самъ вмѣшивался въ танцы. Встрѣтивъ шкиперовъ или фабрикантовъ, бралъ ихъ подъ руку и, широкими шагами проходя по аллеямъ, съ жаромъ говорилъ о ихъ дѣлахъ, публично благодарилъ или хвалилъ предпріимчивыхъ; входилъ въ подробности ихъ занятій, любилъ выслушивать ихъ мнѣнія и совѣты. То игралъ въ шашки,—его никто не могъ обыграть,—то шелъ къ большому фонтану толковать съ иностранными послами о политическихъ дѣлахъ, или давалъ указанія своимъ сотрудникамъ, роднымъ птенцамъ гнѣзда Петрова. Такимъ образомъ, среди самыхъ веселыхъ праздниковъ, онъ не терялъ времени по пустому, а употреблялъ его на пользу государства.—Тогдашніе танцы заключались въ польскомъ и англійскомъ контрдансахъ. Кавалеры приглашали дамъ тремя низкими, церемонными поклонами и расшаркивались при этомъ на обѣ стороны.

Окончивъ танецъ, кавалеръ почтительно цѣловалъ кончики пальцевъ своей дамы и, проводивъ на мѣсто, снова раскланивался. Танцовали подъ звуки оркестра, составленнаго по образцу привезеннаго въ Петербургъ герцогомъ Голштинскимъ. Онъ состоялъ изъ клавикордъ, нѣсколькихъ скрипокъ, віолончели, контрбаса, флейтъ и волторны. Царица, царевны принимали участіе въ танцахъ.

Въ одиннадцатомъ часу съ луга взвилась блестящая ракета и, лопнувъ, разсыпалась яркими звѣздочками надъ гуляющимъ людомъ. Лучшая публика поднялась съ Царицей на галлереи, остальные гости бросились на набережную. На Невѣ, на плоскодонныхъ судахъ, въ родѣ паромовъ, зажгли великолѣпный, разнообразный фейерверкъ. Имъ и закончился праздникъ 30-го мая.

За полночь садъ опустѣлъ совершенно. Постепенно пустѣли и улицы; на Невѣ исчезли флотиліи. Городъ сталъ засыпать. Только изрѣдка въ наступившей тишинѣ слышались мѣрные шаги полицейскихъ патрулей и оклики караульщиковъ и десятскихъ. Уснула юная столица, навеселившись на праздникѣ своего Царственнаго Основателя. Спокойно спалъ православный людъ, охраняемый бдительнымъ окомъ своего Отца-радѣтеля, великаго Императора Петра Алексѣевича.

ИСТОЧНИКИ:

Собраны свѣдѣнія по стариннымъ альманахамъ.

Окончивъ танецъ, кавалеръ почтительно цѣловалъ кончики пальцевъ своей дамы. Танцовали подъ звуки оркестра, составленнаго по образцу привезеннаго въ Петербургъ герцогомъ Голштинскимъ.

(Къ стр. 134).

Тяжелая година.

28 января 1725 г.

Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя. (Іоан. XV, 13).

ИСТОРІЯ правителей христіанскаго Запада даетъ намъ очень мало примѣровъ точнаго исполненія ими этой евангельской заповѣди. Въ 1270 году Людовикъ Святой, король французскій, предпринявъ восьмой крестовый походъ, во главѣ своихъ войскъ высадился въ Тулонѣ, по дорогѣ въ Палестину, и умеръ тамъ, заразившись чумою отъ двоихъ больныхъ солдатъ, за которыми ухаживалъ съ христіанскою любовью и заботливостью.

На страницахъ родной исторіи читаемъ мы славные подвиги Даніила Галицкаго и Александра Невскаго, отправлявшихся въ Орду умирать, если это будетъ нужно, въ страшныхъ мученіяхъ, отъ руки свирѣпыхъ татаръ, лишь бы своими страданіями, своею смертію облегчить жестокое иго, тяготѣвшее надъ несчастными подданными. Петръ Великій, конечно, не ѣздилъ въ Орду, которой при немъ не существовало. Но онъ не одну только душу,—всего

себя, свою жизнь, каждый мигъ своей царской дѣятельности отдалъ своему народу. У него не было личной жизни, личныхъ желаній, требованій. Всѣ движенія души, всю силу ума и воли онъ посвятилъ Россіи. Это не литературное выраженіе, не увлеченіе характеристикой родного Державнаго великана. Современники—иностранцы всѣхъ сословій и народностей единогласно,—кто съ восторгомъ, кто съ недоумѣніемъ, а кто такъ со злобною завистью—смотрѣли на этого чернорабочаго труженика въ Императорской порфирѣ.

«Только о Петрѣ не думайте», говоритъ онъ солдатамъ передъ Полтавской битвой... «Вы сражаетесь за родину, за Церковь православную». Съ береговъ Прута, окруженный непріятелемъ, въ десять разъ сильнѣйшимъ, онъ посылаетъ въ Сенатъ свою, какъ онъ думалъ, послѣднюю волю, такъ какъ понималъ неизбѣжность смерти или плѣна. «Господа Сенатъ, если сіе послѣднее (т. е. плѣнъ) случится, то вы не должны почитать меня своимъ Царемъ и Государемъ и ничего не исполняйте, что мною, хотя бы то по собственноручному повелѣнію, отъ насъ было требуемо, пока я самъ не явлюсь между вами въ лицѣ моемъ». Онъ не существовалъ для себя,—онъ, Самодержавный правитель Востока Европы! Иностранецъ Сегюръ не можетъ достаточно-восторженно обрисовать подчиненіе нашего великаго Царя военной дисциплинѣ. «Въ тѣ ранніе годы», говоритъ онъ, «когда юныя силы рвутся на просторъ, на волю, онъ себя подчиняетъ самой строгой дисциплинѣ, становясь въ ряды своего войска, какъ простой солдатъ, получая повышеніе по заслугамъ, на ряду съ нижними чинами. Онъ самъ, съ заступомъ въ рукахъ, работаетъ при созиданіи тѣхъ крѣпостей, которыя его геніальный

умъ считаетъ необходимыми для охраны государства. При взятіи Орѣшка онъ, душа всѣхъ военныхъ распоряженій, стушевывается передъ главнокомандующимъ Шереметевымъ. Подъ Полтавой, гдѣ русскіе побѣдили, потому что царственный Вождь сдѣлалъ геніальныя диспозиціи, лично Петръ командовалъ только однимъ полкомъ. И въ Москвѣ, при торжественной встрѣчѣ Первопрестольною побѣдоноснаго воинства, онъ шелъ впереди преображенцевъ въ мундирѣ полковника». Оставивъ на престолѣ порфиру, скипетръ и державу, Петръ Великій въ грубой курткѣ рабочаго, съ топоромъ и лопатой въ рукахъ, пошелъ въ Европу учиться всему, что наука дала на пользу человѣчеству. Безъ устали, безъ отдыха трудился онъ, всегда забывая свою личность, помня только о своихъ подданныхъ, Богомъ данныхъ ему въ управленіе. Съ ранней юности, по завѣту отца и дѣда, онъ рвался къ западнымъ окраинамъ;—жизнь положилъ, чтобы отвоевать завѣтное Балтійское побережье. И міръ, встревоженный, въ враждебномъ удивленіи, взиралъ на ризу чудную могущества и славы, въ которую онъ одѣвалъ эту отвоеванную окраину своей могущественной Имперіи.

Озабоченный будущимъ расцвѣтомъ Петербурга и его окрестностей, онъ понялъ, что бурное Ладожское озеро не всегда будетъ удобнымъ соединительнымъ путемъ сѣверныхъ Олонецкихъ желѣзолитейныхъ заводовъ съ моремъ и съ столицей. Надо обойти препятствіе, и для того прорыть каналъ. Очень трудная задача! До 1719 года съ нею не умѣли справиться его инженеры. Тогда Царь передалъ все дѣло молодому ученому иностранцу—Миниху, котораго крѣпко полюбилъ за его блестящій умъ и выдающіяся способности. Зависть къ любимцу-ино-

странцу не могла измѣнить рѣшенія. Минихъ отвѣчалъ всѣмъ требованіямъ взыскательнаго Царя. Государю хотѣлось, какъ можно скорѣе, увидѣть самому эти работы, но тяжелая болѣзнь удерживала его въ постели болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Пришлось прибѣгнуть къ операціи, казалось, прекрасно удавшейся. Сентябрь 1724 года былъ великолѣпный. Осеннее солнышко припекало такъ мягко, такъ нѣжно, точно заставляло людей добромъ вспоминать о себѣ въ теченіе предстоявшей холодной, темной зимы. Императоръ сталъ понемногу поправляться. Ему позволили выдти на воздухъ. Опираясь на руку своей Супруги, медленно шелъ онъ по главной аллеѣ Лѣтняго сада и, повернувъ влѣво, подошелъ къ огромному, прекрасно устроенному птичнику. Тутъ царь пернатыхъ величаво расхаживалъ среди своихъ орлятъ и зоркимъ взглядомъ окинулъ подходившаго великана. Черные аисты довѣрчиво покинули свои гнѣзда, покойно устроенныя на вышкахъ деревьевъ, прося обычной подачки изъ бѣлыхъ рукъ доброй Высочайшей хозяйки. Противъ птичника былъ устроенъ въ формѣ водопада мраморный фонтанъ, украшенный вызолоченными вазами, обсаженный цвѣтами и обнесенный красивою рѣзною дубовою рѣшеткой. Изъ-за него, веселая, вся сіяющая, бѣжала красавица-царевна Елисавета, счастливая, что видитъ въ саду своего обожаемаго родителя. Съ нею, въ перегонку, мчалась легкая серна, любимый товарищъ, во время прогулокъ царственной дѣвочки, по тѣнистымъ аллеямъ чудеснаго сада. Милое животное очень любило музыку, и его трудно было отогнать отъ дворца, когда изъ его оконъ лились плѣнительные звуки пѣнія или музыки. Петръ нѣжно ласкалъ свою ненаглядную красотку, долго, вдумчиво

Опираясь на руку своей супруги, медленно шелъ Императоръ по главной аллеѣ Лѣтняго сада. *(Къ стр. 138).*

смотрѣлъ въ ея чудные голубые глаза, любовно гладилъ прекрасныя, свѣтлыя кудри.—«Возьмите меня съ собою», просила рѣзвушка и, конечно, настояла бы на своемъ, если бы не увидѣла вдали, идущихъ имъ на встрѣчу, царскихъ докторовъ: нѣмца Блюментроста и англичанина Паульсона.—«У, скучные! съ ними не хочу гулять!» крикнула она,—и съ этими словами, крѣпко перецѣловавъ родителей, шалунья побѣжала дальше съ своей красивой спутницей, прямо къ гроту, гдѣ ее уже ждали старшая сестра, царевна Анна Петровна, и фрейлины Императрицы. Молодежь очень любила прятаться отъ жары въ этомъ прохладномъ убѣжищѣ. Снаружи онъ былъ обложенъ безчисленнымъ множествомъ разноцвѣтныхъ, дорогихъ раковинъ. Внутри стояли изящные стулья, диваны, на которыхъ разсаживалось веселое общество. Впереди, на красивой лужайкѣ, стояли искусно вылитыя изъ мѣди и олова фигуры, взятыя изъ Эзоповыхъ басенъ; подъ фигурами были вырѣзаны объясненія, или имена героевъ. Нѣжнымъ взглядомъ проводили Августѣйшіе родители свою любимицу, а сами продолжали медленно подвигаться впередъ. Докторовъ очень порадовалъ бодрый видъ Государя, и совсѣмъ удивило грустное лицо Императрицы. Наперерывъ начали они ее успокоивать.—«Вотъ и я говорю, что надо только радоваться, какъ вы меня на этотъ разъ крѣпко починили. Могу хоть сейчасъ идти въ море». Врачи удивленно подняли глаза,—у Императрицы навернулись слезы.—«Ну, ну, въ море-то мы еще погодимъ бѣгать», на ломаномъ русскомъ языкѣ затянулъ англичанинъ, «гулять же можно, надо, хорошо!»—«У меня и лодка готова, я кататься хочу», капризно заговорилъ Петръ.—«Возьмите насъ съ собой», озабоченно что-то, какъ будто

раздумывая, заговорилъ Блюментростъ, «и мы хотимъ кататься». Эта мысль видимо пришлась по душѣ Августѣйшимъ супругамъ. Очень довольные, они всѣ вмѣстѣ направились къ деревянной галлереѣ со спусками къ Невѣ, гдѣ всегда стоялъ наготовѣ царскій ботикъ, къ услугамъ Царя-Мореходца. Государь сѣлъ къ рулю съ явнымъ удовольствіемъ,—онъ весь просіялъ: его созданіе являлось ему, въ этотъ свѣтлый осенній день, во всей своей чарующей красѣ. По обоимъ берегамъ величественной рѣки живописно раскидывался многолюдный, богатый городъ. Не трудно было предвидѣть, любуясь его младенческимъ ростомъ, какихъ колоссальныхъ размѣровъ достигнетъ онъ въ самомъ скоромъ будущемъ. Государь вспомнилъ, какъ еще недавно,—

«Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ»,—

проѣзжалъ онъ, одинокій,

«пробираясь
Къ свѣтлымъ Невскимъ берегамъ».

Какъ манила его къ себѣ эта красавица-рѣка, какъ воды залива тянули въ свою лазуревую даль! Теперь тамъ виднѣются свои и иностранныя мачты, стоятъ безчисленныя торговыя суда изъ всѣхъ европейскихъ портовъ. Жизнью новой, могучей, славной дышитъ воздухъ, небо, все вокругъ! Царь перекрестился. Его великая душа въ эту тихую минуту мысленно перенеслась въ безпредѣльное пространство, туда, откуда—великій человѣкъ и смиренный христіанинъ—онъ всегда ждалъ и просилъ себѣ помощи на свои великіе труды. Иноземцы-ученые, медики, почтительно, сосредоточенно смотрѣли на Царя-Основателя

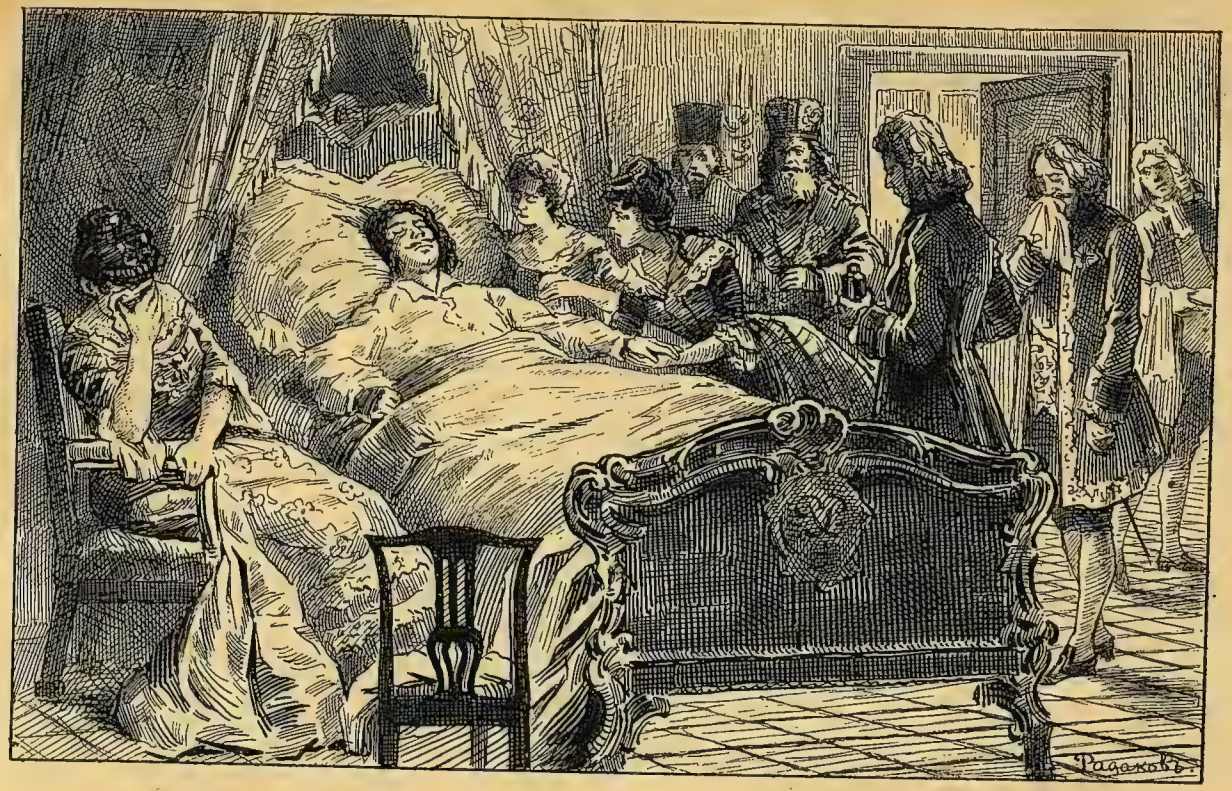
Петербурга. Императрица растроганная, вся въ слезахъ, нѣжно склонившись, цѣловала руку своего Державнаго Супруга. Вдругъ ей почудилась точно дрожь въ его рукѣ.—«Ну, если онъ простудится», промелькнуло въ ея лицѣ, и она стала просить, чтобы скорѣе вернулись домой; доктора вторили ей. Петръ согласился неохотно и, когда причалили, обернулся къ своимъ заботливымъ спутникамъ и заявилъ: «Ну, а на-дняхъ, скоро, вотъ какъ покончу съ Репнинымъ дѣло о Данилычѣ, уѣду на Ладогу». Императрица съ отчаяніемъ взглянула на докторовъ. Они вскрикнули и завопили на своихъ родныхъ нарѣчіяхъ, что этого нельзя, невозможно, они не смѣютъ допустить.—«Что? кто это меня не допуститъ дѣлать то, что надо?» запальчиво вскрикнулъ Государь и замахнулся своей дубинкой. Въ слезахъ вернулась во дворецъ Императрица, въ полномъ отчаяніи шли за нею доктора. Государь шелъ впереди и, дѣйствительно, сталъ готовиться къ отъѣзду, торопясь покончить неотложныя дѣла. Но, 22 сентября снова разнемогся. На этотъ разъ выздоровленіе шло медленно. Очень раздражался больной, сердился на докторовъ, и лишь только силы стали возвращаться, опять упрямо сталъ собираться осматривать любимыя работы. Онъ послалъ за Блюментростомъ, приказалъ взять необходимыя, на всякій случай, лѣкарства и назначилъ день отъѣзда. Нѣмецъ пробовалъ-было вмѣстѣ съ Императрицей молить, доказывая смертельный вредъ поѣздки. Петръ былъ непреклоненъ. Душно, тяжело было ему сидѣть въ комнатахъ. Его влекло на воздухъ, туда, гдѣ люди трудились, осуществляя его планы, мысли о благосостояніи края. Яхта снялась съ якоря и понесла Царя за Шлиссельбургъ, на новый каналъ. Не только наши,

но и иностранные историки поражены тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ Императоръ, уже больной, обозрѣвалъ великолѣпныя работы Миниха. Бродилъ безъ устали по болотамъ, давалъ замѣчательно точныя указанія, неутомимо измѣривалъ всѣ подробности и въ ненастную октябрскую непогодь ночевалъ въ палаткѣ. Съ Ладоги великій труженикъ поѣхалъ на Олонецкіе желѣзные заводы, гдѣ, уже совсѣмъ больной, показалъ еще свою геркулесову силу, выковавъ желѣзную полосу въ три пуда. Оттуда нашелъ необходимымъ осмотрѣть солеварни Старой Руссы. Домой, уже въ ноябрѣ, поѣхалъ опять же водою. Никто не могъ умолить его пожалѣть себя, ѣхать сухимъ путемъ, и тѣмъ, хотя немного, облегчить тѣ страшныя страданія, которыя уже не могъ скрыть отъ окружающихъ. По дорогѣ заѣхалъ взглянуть на оружейный Сестрорѣцкій заводъ. За нимъ слѣдовали неизмѣнные его спутники: Блюментростъ, Паульсонъ и Меншиковъ. Дулъ пронзительный вѣтеръ съ моря.—«Закутайтесь плотнѣе, Государь, молю Васъ, да не стойте здѣсь», говорилъ первый.—«Долго ли опять слечь, и тогда будетъ еще хуже».—«Пожалѣй себя, Царь-Батюшка», взмолился любимецъ Петра, «послушайся дохтура! Сиверко!—и насъ, здоровыхъ, пробираетъ!»—«Ну, ну, перестаньте ныть, пойдемъ!» улыбнулся Петръ.—«Завтра вернемся домой, Блументростъ, и всѣмъ твоимъ тревогамъ конецъ! Обѣщаю лѣчиться и слушаться». Съ этими словами Государь, повернувшись отъ берега, бросилъ послѣдній взглядъ на любимую стихію. Его орлиный взоръ увидѣлъ, несмотря на спускавшіяся сумерки, что-то движущееся среди волнъ, далеко едва замѣтное.—«Смотрите, что тамъ такое?» указалъ Петръ своимъ спутникамъ.—«Да вглядитесь же хорошенько, это

ботъ! Охъ, какъ онъ переполненъ! Вонъ матросы, солдаты! Судну не справиться съ волнами, надо выслать помощь!» Въ эту минуту вспѣнившаяся гигантская волна, поднявшись высоко надъ судномъ, съ ревомъ перекатилась по палубѣ, унося съ собою въ бездну нѣсколько человѣческихъ жертвъ. Бѣжавшіе къ берегу, по зову Царя, солдатики береговой стражи переговаривались, что, кажись, ботъ сталъ на мель. Государь распорядился, и лодка съ его людьми полетѣла на помощь утопавшимъ. Видя, что опасность велика, не разсуждая болѣе, Петръ вскочилъ въ слѣдующую шлюпку.—«Боже, что вы дѣлаете? Вы себя губите!» въ отчаяніи кричали доктора.—«Гдѣ надо спасти подданнаго, тамъ я не смѣю думать о себѣ», отвѣчалъ Великій.—«Греби живѣе!» командовалъ Меншиковъ, стоя рядомъ, дѣля опасность, не отставая отъ Царя-благодѣтеля. Отъѣхавъ нѣсколько саженъ, лодка Государя попала на мель. Не подумавъ ни минуты, въ одинъ мигъ Государь бросился въ волны и шелъ, по поясъ въ водѣ, къ погибавшему боту. Онъ помогъ стащить его съ мели, и самъ спасъ изъ воды болѣе двадцати человѣкъ, вернувъ ихъ къ жизни, или, вѣрнѣе,—выкупивъ ихъ жизнь своею собственною. Въ Петербургѣ Государь вернулся въ безнадежномъ состояніи. Мужественно переносилъ онъ страшныя физическія боли и вполнѣ уже послушно отдался въ руки докторовъ. Кое-какъ началъ онъ снова поправляться къ новому году; силился даже отстоять обѣдню въ Троицкомъ соборѣ, а 6-го января въ послѣдній разъ вышелъ на Іордань. Орлинымъ окомъ окинулъ онъ свои родные, любимые полки, его отеческій взоръ въ послѣдній разъ остановился на непобѣдимыхъ соратникахъ!

Петръ Великій не выходилъ уже болѣе изъ дворца, но и въ кабинетѣ могучій духъ Преобразователя Россіи не унимался. Императоръ работалъ съ капитаномъ Виттусомъ Берингомъ, давалъ наставленія, собственноручно записывалъ, что и какъ тому надо было выполнить, отправляясь въ ученую экспедицію, къ восточнымъ берегамъ Сибири. Государю угодно было выяснить то, что тогда было еще неизвѣстно: раздѣляется ли Азія отъ Америки проливомъ или соединена перешейкомъ? Для этого Государь приказалъ Берингу выстроить въ Камчаткѣ два судна, и на нихъ проплыть къ сѣверу. Точно, ясно, вѣрно объяснялъ Императоръ свои требованія ученому иностранцу. Передъ открытой уже могилой, заботясь о будущихъ торговыхъ путяхъ государства, онъ работалъ изъ послѣднихъ силъ.

16-го января надежда на выздоровленіе рѣшительно пропала. Врачи тѣла отступили, христіанинъ потребовалъ врачеванія духовнаго. Въ комнатѣ передъ опочивальней поставили походную церковь, и 22-го января была совершена въ ней Божественная литургія. Императоръ, въ присутствіи Супруги, дочерей и ближайшихъ сподвижниковъ, благоговѣйно пріобщился Святыхъ Таинъ. Въ городскихъ церквахъ служили обѣдни и молебны о выздоровленіи болящаго Царя. Народъ съ плачемъ валилъ въ церкви, прося у Господа спасенія своему Царю-Батюшкѣ. Въ безмолвномъ отчаяніи ждала юная столица вѣстей изъ дворца своего Основателя. А онъ, среди страданій, мысленно перенесся въ свое дѣтство, юность, вспомнилъ любимую свою Мать и, по ея святому примѣру, приказалъ простить недоимки всѣмъ казеннымъ должникамъ и освободить узниковъ. 26-го января, увидя у своего изголовья Ѳеофана Прокоповича, умирающій выразилъ желаніе, чтобы



Императоръ, въ присутствіи супруги, дочерей и ближайшихъ сподвижниковъ, благоговѣйно пріобщился Св. Христовыхъ Таинъ.

(Къ стр. 144).

надъ нимъ было совершено таинство Елеосвященія. Сознательно, благоговѣйно внималъ Петръ священнымъ словамъ молитвы. По совершеніи таинства, онъ впалъ въ забытье. На другой день присутствующіе замѣтили, что уже начинаетъ коснѣть языкъ Государя. Въ комнатѣ послышались душу раздирающіе вопли. Императрица, царевны припали къ постели, цѣлуя руки умирающаго. «Послѣ», тихо проговорилъ онъ. Всѣ вышли изъ комнаты, кромѣ архипастырей, которые читали молитвы, не отходя отъ Отца отечества, своего духовнаго сына. Они слышали, какъ смиренный христіанинъ тихо молился, повторяя внятно: «Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію». Лѣвая рука уже была разбита параличемъ, правою онъ силился сдѣлать крестное знаменіе. 27-го января, казалось, дыханіе страдальца сдѣлалось сильнѣе, ровнѣе. Архіепископъ Ѳеофилактъ, осторожно подойдя къ постели, тихо спросилъ, не угодно ли Государю еще разъ пріобщиться Святыхъ Таинъ. Радостно блеснули въ послѣдній разъ орлиныя очи. Онъ поднялъ правую руку, перекрестился и благоговѣйно пріобщился. Съ той минуты страдальческіе стоны прекратились, дыханіе становилось все ровнѣе. Окружающіе провели всю ночь въ отчаянномъ безмолвіи вокругъ постели, отходившаго въ горнія обители, великаго Царя. Въ 6 часовъ утра, 28-го января 1725 года душа перваго русскаго Императора отлетѣла на небо. Кончилась трудовая жизнь Преобразователя Россіи. Началось безсмертіе его имени на всемъ необъятномъ пространствѣ созданной имъ могучей Имперіи.

Имена членовъ Императорскаго семейства послѣ смерти Петра Великаго.

Супруга Петра Великаго, Императрица Екатерина Алексѣевна; три Ихъ дочери: царевны—Анна Петровна въ супружествѣ за герцогомъ Голштинскимъ, Елисавета Петровна и Наталія Петровна, которая скончалась и похоронена вмѣстѣ съ родителемъ.

Внукъ Петра Великаго,—царевичъ Петръ Алексѣевичъ, и его сестра—царевна Наталія Алексѣевна.

Племянницы Петра Великаго, дочери Царя Іоанна Алексѣевича: Екатерина Іоанновна, герцогиня Мекленбургская; Анна Іоанновна, герцогиня Курляндская, и царевна Прасковья Іоанновна. У герцогини Мекленбургской была дочь,—принцесса Анна Леопольдовна.

С. Соловьевъ. Исторія Россіи. т. 6.
Н. Полевой. Исторія Петра Великаго.
Шубинскій. Историческіе разсказы.
Иностранныя сочиненія и Стихотворенія Майкова.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

«Что сіе есть? До чего мы дожили, о россіяне! Что видимъ? Что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!» восклицалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородскій, членъ ново-учрежденнаго Святѣйшаго Синода. «Отецъ нашъ, на кого ты насъ, сиротъ обездоленныхъ, покидаешь?» плакался весь народъ, стремясь приложиться къ похолодѣвшей рукѣ «Отца Отечества».—Мы же, далекіе потомки того славнаго времени, призванные учить словомъ и примѣромъ подрастающія поколѣнія, какъ трудиться на счастье и славу родины,—мы, уже сознательно оцѣнившіе все неизмѣримое величіе Царя-труженика на престолѣ,—мы должны, въ примѣръ будущимъ поколѣніямъ, указать, какъ можно теплѣе и нагляднѣе, безпримѣрную высоту, на которой стоитъ въ исторіи этотъ Самодержецъ-работникъ. Сынъ своего народа, своей среды, онъ силой своего генія постигъ нужды государства и всею мощью своего характера двинулъ его по дорогѣ, намѣченной еще его мудрыми Предшественниками. «Богъ благословилъ и предалъ намъ, Государямъ, править и разсуждать люди своя, на востокѣ

и на западѣ, на югѣ и на сѣверѣ — въ-правду», вѣще говорилъ московскій Царь, Алексѣй Михайловичъ. Крѣпко держался этого мудраго завѣта его наслѣдникъ, геніальный сынъ Россіи XVII вѣка, неся на своихъ плечахъ теченіе народной жизни, народнаго развитія. Чуткій къ народнымъ потребностямъ, онъ понялъ, что пришла пора дать сильнѣйшій размахъ начинаніямъ своихъ Предшественниковъ, и принялся властно выполнять завѣты прошлаго, прокладывая пути къ будущему величію Россіи.—Для жизни государства нужны морскія границы.—Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ начали пробираться къ морю, возвращая постепенно Россіи ея западныя окраины. Правительница-царевна Софія повернула взоры на югъ, пробуя взять Азовъ и тѣмъ укрѣпиться на Черномъ морѣ. Петръ богатырскимъ размахомъ, какъ герой былины, принатужился, воодушевилъ народныя силы и взялъ Азовъ. Натужился вторично и сломилъ западнаго великана, современнаго ему героя—Карла XII, а съ нимъ и шведскую гордыню, шведское владычество на Балтійскомъ морѣ. Эти сверхъ-человѣческіе подвиги удаются русскому Царю, потому что онъ совершаетъ ихъ во имя государственной необходимости, не для славы и корысти, а во имя стихійной потребности, стихійнаго давленія народныхъ стремленій. Онъ совершаетъ ихъ, идя всюду впереди, безъ отдыха, не покладая рукъ; идетъ всегда, перекрестясь, помолясь, и несетъ на себѣ, наравнѣ съ послѣднимъ солдатомъ, всѣ тягости, всѣ невзгоды борьбы. Несетъ на своихъ плечахъ все движеніе, лишь бы подвигъ возрожденія Россіи принесъ намѣченные великіе плоды, лишь-бы отвѣчалъ насущнымъ потребностямъ многочисленнаго населенія. Петра не всегда понимали

массы, но его геній всегда понималъ потребности массъ и велъ ихъ безъ оглядки, помимо ихъ воли, къ будущему благополучію. Онъ ломилъ на своемъ пути всѣ преграды, лишь бы достигнуть пользы. Для богатырскихъ подвиговъ были нужны и богатырскія средства. Для побѣдоносныхъ завоеваній нужны флотъ и войско, которое онъ и преобразуетъ. Для содержанія флота и войска нужны деньги; чтобы ихъ получить, надо упорядочить государственные доходы,—увеличить ихъ,—развить производство страны, упорядочить способъ собиранія податей. Для этого нужны люди науки, которыхъ Россія не имѣла среди своихъ сыновъ. Предки Петра старались пополнить этотъ недочетъ, заимствуя съ Запада носителей знанія. Онъ поступилъ энергичнѣе: самъ пошелъ въ Европу искать знаній, знакомиться со всѣмъ, что сдѣлано и сказано на Западѣ наукой, просвѣщеніемъ. Съ Запада же беретъ онъ только то, что пригодно для его Россіи. Тѣ ученые иностранцы, которыхъ онъ привозитъ и выписываетъ, должны, по его указаніямъ, а не по своему, примѣнять свои знанія на пользу его подданныхъ. Они должны обрусить себя, а не онѣмечивать Россіи. Петръ Великій отвергъ проектъ преобразованія государственной системы, предложенный ему Лейбницемъ. Здравый смыслъ русскаго Преобразователя удержалъ его отъ пересаживаній непригоднаго на родную почву. Онъ вводитъ свои новшества, отвѣчая на запросы, которые порождались потребностями страны,—вводитъ ихъ не иначе, какъ развивая общее благосостояніе. 21 годъ приходится ему биться со Швеціей, чтобы твердо встать на балтійскомъ побережьѣ, открыть Россіи водяныя сообщенія съ Западомъ, и этимъ путемъ развить торговлю, значитъ, и

промышленность. Для этой упорной, продолжительной борьбы необходимы огромныя денежныя средства; получить ихъ надо, обогативъ страну развитіемъ промышленнаго производства и измѣненіемъ прежняго способа взиманія податей. Онъ совершаетъ это, замѣняя поземельную подать подушною. Не трогая прежнихъ правъ и преимуществъ сословій, Государь измѣняетъ способъ взиманія податей, придавъ имъ болѣе опредѣленную форму.

Высшее государственное сословіе,—дворянство,—было и прежде повинно отечеству личною военною службою. Петръ задался мыслью дать этой службѣ болѣе правильную форму. Онъ съ страшною строгостью привлекалъ дворянъ нести эту повинность, требовалъ безсрочной службы, пока силъ доставало. Не менѣе двухъ третей дворянъ должны были служить въ арміи и флотѣ, не болѣе одной трети допускалось къ гражданскимъ дѣламъ, которыя только при Петрѣ были рѣзко отдѣлены отъ военныхъ. Поступая въ ряды войскъ, не позже 15 лѣтъ, дворяне должны были быть вполнѣ грамотными, знать цыфирь (ариѳметику) и геометрію. Для изученія этихъ знаній были устроены школы по всему неизмѣримому пространству родины, при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ. Государь часто самъ и очень строго дѣлалъ экзамены учившимся дворянамъ, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, куда они должны были являться. Уклонившіеся отъ обязательнаго обученія теряли право жениться. Поступая на службу въ армію, гвардію, во флотъ, дворянинъ дѣлался солдатомъ и несъ всю тяжесть военной службы, наравнѣ съ солдатами изъ другихъ сословій. Личныя заслуги выдвигали въ офицеры, помимо правъ по рожденію, всякаго солдата. Пре-

Зданіе двѣнадцати коллегій, основанное Петромъ Великимъ.

(Къ стр. 151).

имущество личной заслуги и до Петра уже цѣнилось Государями, но онъ далъ ей твердую форму: всякій при стараніи могъ изъ солдата выслужиться въ офицеры, и тѣмъ самымъ сдѣлаться дворяниномъ. Вся масса служилыхъ людей была поставлена въ прямое подчиненіе Сенату, вмѣсто прежняго разряднаго приказа. Сенатъ вѣдалъ дѣла дворянъ черезъ особаго чиновника, герольдмейстера. Прежніе чины были уничтожены, ихъ замѣнили новые,—порядокъ полученія чиновъ называется «Табель о рангахъ». Петръ стушевалъ разные виды сельскаго населенія, признавая всѣхъ крестьянъ равными гражданами, но не отнялъ у дворянъ правъ на массы, жившія на ихъ земляхъ. Только монастырскіе крестьяне были изъяты изъ вѣдѣнія монастырей и переданы въ Святѣйшій Синодъ. Владѣльцы фабрикъ,—къ какому бы сословію ни принадлежали,—могли покупать земли и владѣть крестьянами.

Для городского населенія Петръ заимствовалъ формы управленія изъ западной Европы. Въ 1720 году былъ учрежденъ въ Петербургѣ главный Магистратъ, которому подчинялись магистраты и другихъ городовъ. Служащіе въ магистратахъ выбирались изъ среды гражданъ: банкиры, купцы, доктора, аптекари, художники, шкипера, живописцы пользовались правомъ выбора, котораго были лишены дворяне, духовенство и крестьяне, хотя бы они и жили въ городахъ. Въ 1708 году были учреждены 8 губерній, раздѣленныя на провинціи, тѣ же въ свою очередь дѣлились на уѣзды. Во главѣ управленія стояли губернаторы, которые имѣли помощниковъ, выбранныхъ изъ среды мѣстныхъ дворянъ. Какъ видно, мысль Петра была та, чтобы сосредоточить въ каждой губерніи жизнь

и управленіе извѣстнаго пространства обширной его Имперіи. Но она слабо осуществлялась по недостатку способныхъ дѣятелей, исполнителей его предположеній.

На время частыхъ своихъ отлучекъ, Государь поручалъ вѣдать дѣла нѣсколькимъ довѣреннымъ лицамъ, но въ 1711 году, отправляясь въ трудный Прутскій походъ, передалъ управленіе своею державой вновь учрежденному Сенату, строго повелѣвая подданнымъ ему подчиняться. Самъ, изъ ставки на Прутѣ, пишетъ свой безсмертный приказъ: «Господа Сенатъ». До 1718 года въ это новое правительственное учрежденіе выбирались Государемъ отдѣльныя лица, но съ этого года стали входить членами и президенты нѣкоторыхъ коллегій, которыя были зародышами будущихъ Министерствъ. Ихъ было учреждено двѣнадцать, каждая изъ нихъ вѣдала какую-нибудь отрасль управленія, напримѣръ, финансы, войско, флотъ. Кромѣ того, продолжали еще дѣйствовать старый Сибирскій приказъ и Медицинская Канцелярія. Коллегіи были подчинены Сенату. Когда Государь не присутствовалъ въ немъ, тогда ему докладывалъ дѣла генералъ-прокуроръ. Эту должность при Петрѣ Великомъ исправлялъ бывшій денщикъ его, Ягужинскій, человѣкъ исключительно честный, правдивый, умный, неутомимый работникъ, слѣпо преданный своему великому учителю. Онъ понималъ стремленія Петра на благо Россіи и никогда не уставалъ выполнять его разнородныя порученія, касавшіяся всѣхъ отраслей государственной жизни.

Сильно озабочивало Государя медленное развитіе торговой и промышленной дѣятельности, этого главнаго источника доходовъ, такъ страшно необходимыхъ. Онъ самъ дѣлалъ постоянныя развѣдки, ища

природныхъ богатствъ на обширномъ пространствѣ родной земли; выписывалъ себѣ въ помощь знатоковъ дѣла изъ-за границы. При Петрѣ найдены серебряные рудники. Оружейное дѣло развивалъ тулякъ Демидовъ, пожалованный Петромъ въ дворяне. Желѣзное производство двигали именитые русскіе люди—Строгановы, награжденные титуломъ бароновъ. Селитра, торфъ, каменный уголь и многія другія богатства выступили на Божій свѣтъ, благодаря Царю Петру. Техникамъ-иностранцамъ онъ давалъ массу льготъ, лишь бы они прилагали свои знанія на пользу и на обученіе русскихъ людей. Оживилась внутренняя торговля. Хотя и медленно, но стали возникать компаніи; явился даже русскій купецъ Соловьевъ, торговавшій въ Амстердамѣ. Все это, конечно, не вполнѣ отвѣчало усиленнымъ трудамъ великаго Преобразователя. Но онъ не терялъ надежды на блестящее будущее и работалъ до конца. Съ большими усиліями, но все же ему удалось значительно толкнуть и расширить производство народнаго труда, и тѣмъ поднять финансы государства. Злоупотребленія при собираніи налоговъ уменьшились. Развитію коренныхъ мѣропріятій положено было твердое основаніе.

Постоянно появляясь во всѣхъ концахъ своего неизмѣримаго государства, великій Петръ съ прискорбіемъ убѣдился въ низкомъ уровнѣ образованія великорусскаго духовенства, особенно сравнительно съ малорусскимъ,—и устраненіемъ этого тяжелаго недочета онъ занялся съ свойственною ему энергіей и любовью. Лучшіе представители русской іерархіи понимали и цѣнили его усилія, хотя, конечно, не всегда соглашались съ крутыми пріемами Преобразователя. Лучшими

помощниками его были святители — св. Митрофанъ Воронежскій, Тихонъ Казанскій, Іовъ Новгородскій. Петръ ясно понималъ, что, при огромномъ ростѣ государства, единоличное патріаршее управленіе будетъ безсильно, особенно при необходимости коренныхъ преобразованій въ бытѣ цѣлаго сословія. Вотъ почему послѣ смерти послѣдняго патріарха, Адріана, выборы преемника ему были замедлены. Установился временный порядокъ церковной администраціи, во главѣ которой стоялъ «мѣстоблюститель» патріаршаго престола, Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій, и при немъ Монастырскій приказъ съ свѣтскими служащими лицами. Самъ Петръ, какъ и его Предшественники, очень горячо принималъ къ сердцу дѣла церковныя, и потому особенно осторожно и внимательно слѣдилъ за выборомъ епархіальныхъ архіереевъ. Кромѣ названныхъ уже, выдвинулись при немъ еще святитель Ростовскій Димитрій и Псковскій владыка Ѳеофанъ Прокоповичъ. Они всѣ отличались недюжинными способностями, умомъ, ученостью. Долго работали усердные сподвижники, вмѣстѣ съ Царемъ, при отправленіи своихъ обязанностей, надъ уложеніями, долженствовавшими служить основой, закономъ для Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, который былъ учрежденъ въ 1721 году. Съ тѣхъ поръ Святѣйшій Сѵнодъ руководствуется «Духовнымъ Регламентомъ», получившимъ начертаніе отъ самого Петра,—и управленіемъ Сѵнодальнымъ замѣнилось неудовлетворительное, единоличное, патріаршее управленіе россійскою православною Церковію.

Святѣйшій Сѵнодъ сталъ вѣдать всѣ дѣла, касающіяся духовной и матеріальной жизни духовенства. Нельзя не вспоминать съ благодарностью плодо-

творныхъ трудовъ первыхъ ревностныхъ членовъ Святѣйшаго Собора,—Ѳеофана Прокоповича и Стефана Яворскаго: оба они вполнѣ отвѣчали геніальнымъ стремленіямъ Великаго Преобразователя Россіи.

Духовныя, матеріальныя, военныя силы Россіи возрождались по волѣ Богатыря-Самодержца. Положенныя имъ начáла такъ точно отвѣчали нуждамъ и способностямъ народа, что, не смотря на послѣдующія невзгоды и жизненныя неудачи,—родная земля до сей поры ростетъ, ширится по намѣченному имъ пути; во всѣ стороны раскидывается къ любимымъ имъ морскимъ берегамъ, крѣпнетъ, богатѣетъ отъ развитія внутреннихъ богатствъ.

Вдохновленный духомъ великаго Пра́щура, незабвенный Императоръ Александръ III поручилъ своему Августѣйшему Наслѣднику самому заложить первую насыпь для великаго сибирскаго рельсоваго пути. Прошло только двѣсти лѣтъ, и не топоръ пришлось брать въ руки Правнуку великаго Петра,—не пѣшеходную дорогу прорубать, какъ тому, отъ Архангельска до Ладоги, а открывать рельсовый, желѣзный путь на всемъ протяженіи государства, занимающаго все пространство отъ Ба́лтики до Восточнаго океана. И міръ завистливый во-очію увидѣлъ, какъ Петровская Россія растетъ, крѣпнетъ, богатѣетъ! Теперь можетъ успокоиться ея великій Преобразователь—въ своемъ мраморномъ гробу: онъ понятъ своими Августѣйшими наслѣдниками; мудро, мирно идутъ Они по его великому пути, вдохновенные его великимъ завѣтомъ: «Россія для русскихъ».

Иностранцы-современники писали о немъ восторженные отзывы. Такъ, въ запискахъ графа Басевича мы читаемъ: «Можно безъ преувеличенія сказать, что

герой этотъ—совершилъ чудеса. Онъ совершенно преобразовалъ нравы Россіи, и,—несмотря на громадныя траты по поводу столькихъ войнъ и сооруженій, несмотря на множество погибшихъ при томъ людей,—расчитано, что онъ сошелъ съ престола втрое богаче и могущественнѣе, чѣмъ былъ — при восшествіи на него. Все великое, сдѣланное въ послѣдующія царствованія, было начато и задумано имъ. Никогда человѣкъ не совмѣщалъ въ себѣ столькихъ должностей и не несъ столькихъ трудовъ. Онъ былъ законодателемъ, воиномъ на морѣ и сушѣ, математикомъ, лоцманомъ, архитекторомъ, строителемъ кораблей, хирургомъ, плотникомъ,—и все это съ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла. Имѣлъ прекрасныя свѣдѣнія во многихъ наукахъ, искусствахъ, ремеслахъ. Наконецъ, сверхъ всего, обладалъ великимъ даромъ управленія государствомъ. Правда, открытіе С.-Петербургской Академіи наукъ совершилось слишкомъ черезъ годъ послѣ его смерти, но основателемъ ея былъ онъ, и находящіяся въ ея кабинетахъ сокровища любопытныхъ предметовъ по естественной исторіи, въ особенности по части анатоміи, были собраны имъ. Онъ отдавалъ строгія приказанія присылать со всѣхъ концовъ своей обширной Имперіи рѣдкія и чудовищныя произведенія природы. Щедрость его не имѣла предѣловъ, когда дѣло шло о поощреніи полезныхъ талантовъ; полезнымъ же онъ называлъ не только то, что служило къ увеличенію могущества государства,—но и то, что способствовало счастію и просвѣщенію отдѣльныхъ лицъ. Никогда не замѣчали, чтобы онъ страшился опасности, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы онъ вѣрилъ въ слѣпую судьбу, потому что никогда также не подвергалъ себя опасности безразсудно, за исклю-

ченіемъ лишь нѣкоторыхъ случаевъ, гдѣ увѣренность въ своемъ искусствѣ и въ знаніи морского дѣла придавали ему смѣлость. Несомнѣнно, что Петръ Великій былъ однимъ изъ тѣхъ смертныхъ, которымъ справедливо удивляются,—смертныхъ, рожденныхъ для прославленія своего вѣка, въ лѣтописяхъ міра,—и Небо, увѣнчавшее жизнь его столькими славными успѣхами, щедро воздало должное его памяти, открывъ путь къ наслѣдованію Россійскаго престола—Екатеринѣ II-й.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Царственная мать и ея Великій сынъ	1
Путешествіе въ Европу	20
Новое лѣтосчисленіе	30
Вѣрные слуги царскіе	42
Орлиное гнѣздо	51
Ночь на Невѣ	69
Полтавская битва	76
Русскіе на Прутѣ	85
Набожность царицы и царевны	90
Русскій Царь въ Франціи	99
Императоръ Петръ Великій	107
Петръ Великій въ Дербентѣ	113
Петербургъ	123
Тяжелая година	135
Заключеніе	147

Изданія Училищнаго при Святѣйшемъ Сунодѣ Совѣта.

I. Учебныя руководства и пособія.

1) Евангеліе на слав. яз., въ бум. 20 к.—**2**) Краткій молитвословъ на слав. яз., въ бум. 4 к.—**3**) Псалтирь учебная, въ бум. 25 к.—**4**) Часословъ учебный для начальныхъ сельскихъ училищъ, въ бум. 20 к.—**5**) Октоихъ, сирѣчь осмогласникъ учебный, обдержай воскресную службу осми гласовъ, въ бум. 20 к.—**6**) Церковно-славянская азбука. Руководство для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Сост. Н. И. Ильминскій: книжка первая, для учителей, въ бум. 12 к.; книжка вторая, для учениковъ, въ бум. 8 к.—Двѣ таблицы буквъ къ сей азбукѣ, 5 к.—**7**) Обученіе церковно-славянской грамотѣ въ церковно-приходскихъ школахъ и начальныхъ училищахъ съ примѣрами для чтенія изъ Св. Писанія и изъ молитвъ и съ объясненіями для учителей. Сост. Н. И. Ильминскій: книжка первая, для учителей, въ бум. 15 к.; книжка вторая, для учениковъ, въ бум. 20 к.—**8**) Русскій букварь. Для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Изданіе значительно исправленное и дополненное, въ бум. 12 к.—**9**) Книга первая для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты. Годъ первый обученія. Сост. Н. Ѳ. Одинцовъ и В. С. Богоявленскій, въ бум. 15 к.—**10**) Книга вторая для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ. Годы 2-й и 3-й обученія, въ бум. 35 к.—**11**) Тернавцевъ. Наша школа. Букварь и первое чтеніе, ц. 30 к.—Наша школа. Второй годъ обученія, ц. 25 к.—**12**) Начальные уроки по Закону Божію П. С. Изданіе 8-е. Спб. 1899, въ бум. 5 к.—**13**) Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго Завѣта, на рус. яз.. Изданіе 4-е. Спб. 1897, въ бум. 15 к.—**14**) То же, на слав. яз., ц. 20 к.—**15**) Начатки христіанскаго ученія, въ бум. ц. 6 к.—**16**) Наставленіе въ Законѣ Божіемъ, П. А. Смирнова, въ бум. ц. 15—к.—**17**) Наставленіе въ Законѣ Божіемъ,—Епископа *Агаѳодора*, въ бум. ц. 15 к.—**18**) О Богослуженіи православной Церкви,—Епископа *Гермогена*. Изд. 3-е. Спб. 1903, въ бум. 20 к.—**19**) Обиходъ учебный нотнаго пѣнія употребительныхъ церковныхъ роспѣвовъ. Москва. 1902, въ пер. 90 к.—**20**) Краткое руководство къ первоначальному изученію церковнаго пѣнія по квадратной нотѣ. Сост. Д. Н. Соловьевъ, въ бум. 25 к.—**21**) Азбука хорового пѣнія, съ практическими упражненіями и краткою хрестоматіею. Сост. Д. Н. Соловьевъ, въ бум. 50 к.—**22**) Касторскій. Первыя ступени обученія пѣнію, ц. 20 к.—**23**) 1001 задача для умственнаго счета. Пособіе для учителей сельскихъ школъ. Сост. С. А. Рачинскій. Спб. 1899, въ бум. 15 к.—**24**) Программы: а) для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, въ бум. 15 к., б) для второклассныхъ школъ, ц. 20 к. и в) для церковно-учительскихъ, ц. 25 к.—**25**) Правила и программы испытаній по духовному вѣдомству на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы, въ бум. 5 к.—**26**) П. Цвѣтковъ. Методическія замѣтки о рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ, составляющихъ курсъ начальной ариѳметики, и новая систематизація задачъ, ц. 15 к.—**27**) Его же. Методическій сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Первый годъ обученія, ц. 10 к. Второй годъ обученія, ц. 15 к. Третій годъ обученія. ц. 10 к.—**28**) Русскія прописи для церковно-приходскихъ школъ, ц. 10 к.

29) Разсказы изъ русской исторіи, вып. 1, 2, 3 и 4, ц. 2 р. 40 к.—**30**) Ея же, Разсказы изъ исторіи западныхъ окраинъ Россіи. Вып. 1, ц. 60 к.— Вып. II, ц. 60 к.— Вып. III, ц. 60 к.—**31**) Свящ. К. Ивановскій. Преподобный Серафимъ, Саровскій чудотворецъ, ц. 45 к.—**32**) То же, сокращенное изданіе, ц. 10 к.—**33**) О христіанскомъ воспитаніи, ц. 20 к.—**34**) Завьяловъ А. Римскія катакомбы, ц. 80 к. — **35**) Гоненіе на христіанъ при Діоклитіанѣ, ц. 1 р. 30 к. —**36**) Очеркъ просвѣтительной дѣятельности Н. И. Ильинскаго, съ приложеніемъ его статьи—Бесѣды о народной школѣ, ц. 20 к.—**37**) Анастасіевъ. Религіозно-нравственное воспитаніе въ начальной школѣ, ц. 30 к.—**38**) Маляревскій. Замѣтки о преподаваніи по новой программѣ одноклассной церковно-приходской школы, ц. 18 к.—**39**) Ельницкій. Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе, ц. 10 к.—**40**) Крестьянполь П. Руководственныя указанія по черченію, ц. 30 к.

---

41) Школьный календарь за 1897—1898 учебный годъ, 30 к.— **42**) Школьный календарь за 1898—1899 учебн. годъ, ц. 30 к.— **43**) Школьный календарь за 1899—1900 учебный годъ, 30 к.—**44**) Церковно-пѣвческій сборникъ. Томъ I. Всенощное бдѣніе. 80 №№ пѣснопѣній Львова, Турчанинова, Соловьева, Старорусскаго, Архангельскаго и др. Стр. 1—394. Партитура 1 р. 50 к. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 50 к.) 2 р.—**45**) Церковно-пѣвческій сборникъ. Томъ II. Часть 1. Литургія (партитура) 1 р. 50 к. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 50 к.) 2 р.—**46**) Церковно-пѣвческій сборникъ. Томъ II. Часть 2 (партитура), 2 р. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 75 к.) 3 р.—**47**) Церковно-пѣвческій сборникъ. Томъ III. Ч. 1 (партитура) 2 р. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 75 к.) 3 р.— **48**) Церковно-пѣвческій сборникъ. Т. III. Ч. 2. Партитура, ц. 4 р. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 1 р. 25 к.), 5 р.—**49**) Церковно-пѣвческій сборникъ. Т. IV. Партитура, ц. 2 р. 50 к. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 1 р.) ц. 4 р.—**50**) Богогласникъ. Сборникъ благоговѣйныхъ пѣснопѣній праздникамъ Господнимъ, Богородичнымъ, нарочитыхъ святыхъ и чудотворнымъ иконамъ, а также и другихъ набожныхъ, молитвенныхъ, покаянныхъ и умилительныхъ пѣсней, 1 р.—**51**) Портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, 1 р.—**52**) Примѣрные чертежи деревянныхъ построекъ для второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ духовнаго вѣдомства со смѣтными исчисленіями. Состав. М. Преображенскій, 2 р. 50 к.—**53**) А. Померанцевъ и Н. Козловъ. Примѣрные проекты одноклассныхъ и двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и смѣты къ нимъ, ц. 3 р.—**54**—**72**) Проекты и смѣты на постройку каменнаго зданія одноклассной церковно-приходской школы. №№ 1—19, ц. по 1 р. за каждый.—**73**) Церковно-приходскія школы и школы грамоты Россійской Имперіи въ 1896 и 1897 годахъ (извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго отчета Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода). Спб. 1899, 20 к.—**74**) Высочайше утвержденныя положенія: а) о школахъ духовнаго вѣдомства и б) объ управленіи церковными школами, 10 к.— **75**) Михаловскій. Руководство къ обученію игрѣ на скрипкѣ, ц. 1 р.